

История
Общество
Политика
2019
№2(10)

Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского

**ИСТОРИЯ
ОБЩЕСТВО
ПОЛИТИКА**

№ 2(10)
2019

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2019. №2 (10)

Сетевое научное периодическое издание.

Точка доступа: <http://www.clio-brgu.ru>. Размещено на официальном сайте журнала: 01.07.2019

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов**.

Главный редактор: **С.В. Артамошин** - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: **А.В. Федин** – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

С.Ф. Блуменау - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.И. Золотов - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.В. Сагимбаев - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.А. Чубур - кандидат исторических наук, профессор РАЕ, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах
Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения членов редакционной коллегии

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского», 2019
© Коллектив авторов, 2019

**HISTORY
SOCIETY
POLICY**

N 2 (10)
2019

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2019. №2 (10)

Network scientific periodical.

AP: <http://www.clio-brgu.ru>. Placed on the official website of the journal: 07/01/2019

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, professor, Dean of the Faculty of History and International Affairs of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

S.F. Blumenau - doctor of historical sciences, professor, head of the department of general history, international relations and international law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.I. Zolotov - Doctor of historical Sciences, Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.V. Sagimbayev - Candidate of historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.A. Chubur - Candidate of historical Sciences, Professor RANH, an assistant professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

The point of view of the authors may not coincide with the point of view of the members of the editorial board.

© Bryansk State University named after Petrovskii, 2019

© Authors, 2019

Содержание

<i>Сагимбаев А.В.</i> Влияние внутривнутриполитической ситуации в Великобритании на функционирование британского колониального механизма в межвоенный период	6
<i>Богомолова Н.Н.</i> Б.Дизраэли: экспансионист или романтический ориенталист?	13
<i>Созинова К.А.</i> Имперский дискурс в творчестве Джейн Остен	20
<i>Ходнев А.С.</i> Гибридный «интернационализм»: Британская Индия в Лиге Наций	26
<i>Турьгин А.А., Хабибова Л.В.</i> Призрак 1866 года и образование Германской Империи	36
<i>Листратова А.А.</i> Колониальная политика «Железного Канцлера»	32
<i>Федин А.В.</i> Становление иезуитской миссии у племен абенаки Новой Англии в первой половине XVII в.	43
<i>Мигулина Э.В.</i> Образ внутреннего и внешнего «врага народа» в истории Французской революции	54
<i>Прилуцкий В.В.</i> Внешнеполитический курс США, территориальная экспансия и мормонский вопрос в 1840-е – 1850-е гг.	58
<i>Минаков С.Т.</i> Быт и досуг помещика Суворова	64
<i>Рогожина А.С.</i> Дворянский проект реорганизации хлебозапасной системы в России 1822 г. и его реализация	73
<i>Козырьянов А.В.</i> Кинематограф советской империи. Эволюция образов главных героев в советских кинокартинах 1930-х годов	79
Рецензии	
<i>Артамошин С.В.</i> Рец. на кн.: Хавкин Б.Л. Расизм и антисемитизм в гитлеровской Германии. Антинацистское сопротивление немецких евреев. – М.: РГГУ, 2018. – 243 с.	87
<i>Чубур А.А.</i> Рец. на: Скирда В.В., Шрамко Б.А. Історія першого суспільства: підручник. - Харків: Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, 2018. – 172 с., (на украинском языке)	90
О сетевом издании «История. Общество. Политика»	98

ВЛИЯНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ БРИТАНСКОГО КОЛОНИАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Аннотация: Межвоенный период ознаменовался принципиально важными тенденциями в развитии британской колониальной системы. Вызванные Первой мировой войной социально-экономические и политические изменения, сдвигами в массовом сознании населения метрополии, а также её обширных владений, обуславливали постепенную смену приоритетов в сфере колониальной идеологии и стратегии по управлению колониальными владениями. Несмотря на то, что колониальная политика не являлась приоритетной сферой общественного внимания, её проблемы оставались важной составляющей повестки ведущих политических сил Великобритании, оказывая заметное влияние на динамику настроений внутри британского истеблишмента. Важным фактором воздействия на механизм принятия решений в сфере колониальной стратегии явилось заметное изменение в расстановке британских политических сил, связанное как с послевоенными социальными проблемами, так и с тяжёлым кризисом внутри Либеральной партии, приведшим к выдвигению на роль второй ведущей политической силы лейбористов, выступавших с критикой сложившейся в начале XX в. модели колониализма. Данная статья посвящена рассмотрению отдельных аспектов, связанных с влиянием внутривнутриполитических процессов на трансформацию колониального механизма Великобритании в межвоенный период.

Ключевые слова: Британская империя, колониальная стратегия Великобритании, политическая система.

Sagimbaev A. V. Influence of the internal political situation in the UK on the functioning of the British colonial mechanism in the interwar period.

Abstract: The Interwar period was marked by fundamentally important trends in the development of the British colonial system. The socio-economic and political changes caused by the First World war, shifts in the mass consciousness of the population of the metropolis, as well as its vast possessions, led to a gradual change of priorities in the field of colonial ideology and strategy for the management of colonial possessions. Despite the fact that colonial policy was not a priority area of public attention, its problems remained an important part of the agenda of the leading political forces of Great Britain, having a significant impact on the dynamics of sentiment within the British establishment. An important factor influencing the mechanism of decision-making in the sphere of colonial strategy was a noticeable change in the balance of British political forces, associated both with post-war social problems and with a serious crisis within the Liberal party, which led to the nomination for the role of the second leading party. This article is devoted to the consideration of certain aspects related to the influence of domestic political processes on the transformation of the colonial mechanism of Great Britain in the interwar period.

Keywords: British Empire, colonial strategy of Great Britain, political system.

Существенное воздействие на формирование колониальной стратегии Великобритании, в числе прочего, имели сдвиги в политической сфере британского государства, произошедшие вследствие Первой мировой войны. В военный период сложился относительный консенсус ключевых британских политических сил. Ведущие позиции в сформированном в декабре 1916 г. коалиционном правительстве Д. Ллойд-Джорджа заняли консерваторы-унионисты, а также социальные радикалы, примыкавшие к Либеральной партии. Накануне войны и непосредственно по её завершении британская политическая система претерпела существенные изменения. В результате реформы 1912 г., Палата лордов окончательно утратила своё прежнее влияние. С другой стороны, по итогам избирательной реформы 1918 г. количество мест в Палате общин было увеличено с 670 до 707. Тем не менее, система власти в военное время продолжала сохранять заметные авторитарные элементы. Ключевые государственные посты по-прежнему принадлежали узкому кругу

выходцев из аристократических слоёв [13; p. 53]. Коалиционное правительство в немалой степени утратило черты коллегиальности. Ключевые политические решения принимались всего лишь пятью министрами, входившими в т.н. Военный кабинет. Кроме премьер-министра Д. Ллойд-Джорджа, в его состав был включён один из лидеров лейбористов А. Хендерсон, а также три видных представителя Консервативной партии – лорд Кёрзон, Б. Лоу и А. Милнер, являвшихся твёрдыми последователями идеологии «нового империализма», а также идеи дальнейшего расширения сложившейся к началу войны колониальной империи.

В 1918 г. произошла четвёртая и самая масштабная за всю историю политической системы Соединённого королевства избирательная система. В соответствии с законом, вступившим в силу в начале февраля 1918 г. было подтверждено всеобщее избирательное право для мужчин с 21 года, военнослужащих с 19 лет, а также впервые предоставлялось право голоса почти 6 млн. женщин. Избирательная реформа привела к расширению британского электората с семи миллионов в 1910 г. до 21 млн. в 1918 г., т.е., в 3,8 раза. 70 % избирателей впервые голосовали на выборах 1918 г., причём три четверти из них являлись выходцами из рабочих слоёв. Столь значительное расширение электората в условиях экономических трудностей, с которыми столкнулась Великобритания в результате четырёх лет войны, неминуемо привело к определённому сдвигу фокуса политической жизни британского общества влево [4; p. 492].

Кризис внутри либеральной части британского политического спектра, а также организационно-идеологическая неустойчивость выдвинувшейся в качестве новой политической силы Лейбористской партии привёл к фактически полному доминированию в Великобритании на протяжении межвоенного периода консервативных сил. В то же время, избирательная реформа, проходившая на фоне набиравших силу социально-экономических трудностей, привела к заметному усилению левого фланга в британском электоральном поле [9; p. 180].

Первые после завершения войны парламентские выборы, состоявшиеся 14 декабря 1918 г., несмотря на довольно низкую явку, не превысившую 50%, завершились уверенной победой сторонников коалиционного кабинета Д. Ллойд-Джорджа и окончательно зафиксировали изменившийся в военный период баланс политических сил. Сторонники правительства получили 478 мест в Палате общин. Консерваторы получили около 40% голосов и более 54% парламентских мест, добившись, таким образом, первого серьёзного успеха с 1905 г. Коалиционные либералы во главе с Д. Ллойд-Джорджем заручились поддержкой 13% избирателей и заняли 18% мест в Палате общин. Оппозиционные либералы под руководством Г. Асквита смогли получить лишь 5% мест в нижней палате парламента. Серьёзного успеха по итогам голосования добилась Лейбористская партия, вышедшая накануне выборов из состава правительственной коалиции. Лейбористы одержали победу в 63-х округах, получив более 21% голосов и заняв 8% мест в Палате общин. Ушедшие в оппозицию либералы во главе с Г. Асквитом, смогли занять лишь 28 мест в нижней палате парламента [10; p. 104].

Парламентские выборы 1918 г. явились важным симптомом социально-политических изменений, происходивших в Великобритании в межвоенные десятилетия и затронувших все ключевые политические силы страны. В межвоенный период Консервативная партия стала более коалиционной и репрезентативной по своему составу, чем то было до 1914 г. По итогам выборов 1918 г. почти половину созданной консерваторами коалиции составляли представители бизнеса. Существенно снизилась роль и влияние крупных землевладельцев, традиционно составлявших опору тори. В то же время, руководство партии продолжало оставаться в руках в основном представителей традиционной элиты. Так, в 1937 г. к ним относились 19 из 21 члена кабинета, возглавленного Н. Чемберленом. Внутренняя перестройка в немалой степени помогла партии удерживаться у власти в течение большей части межвоенного периода. При этом, в отдельных случаях, консерваторы были вынуждены идти на формирование коалиционных ка-

бинетов, делясь властью с представителями других ключевых партий. Консервативная партия продолжала пользоваться поддержкой основной части финансовых кругов. Как отмечал один из британских обозревателей, «Сити рассчитывала на партию, полагая, что она сможет обеспечить климат политической стабильности, существенной для обеспечения его роли в качестве мирового финансового центра...» [6; р. 226] Хотя смена либералов лейбористами в качестве второй ведущей политической силы, привела к увеличению представительства рабочих в Парламенте, задача защиты интересов широких слоёв мелких собственников в межвоенный период фактически перешла от либералов к консерваторам [6; р. 227].

Среди специалистов, изучавших историю Консервативной партии, существует точка зрения о позитивной роли возникших в период войны внутренних трудностей для восстановления имиджа консерваторов на фоне общего усиления влияния государства на социально-экономические процессы [17; р. 591]. Росту популярности консерваторов в период войны способствовали антигерманизм, патриотизм, идеи тарифной реформы и последовательной защиты имперских ценностей. В итоге, консерваторы-юнионисты составили основу для формирования коалиционного кабинета Д. Ллойд-Джорджа, вызвавшего фатальный раскол Либеральной партии.

Росту авторитета и влияния Консервативной партии в межвоенный период способствовала не только относительная слабость её основных конкурентов, но и эффективная тактика, избранная новым партийным руководством. В период с 1918 по 1939 г. консерваторы одержали победу на пяти из семи парламентских выборах, большую часть данного периода уверенно контролируя Палату общин и формируя правительственные кабинеты. За более чем 20 лет консерваторы лишь 36 месяцев находились в оппозиции.

После завершения Первой мировой войны, Консервативная партия претерпела ряд организационно-структурных изменений, которые были призваны адаптировать её деятельность к существенно менявшейся социальной ситуации и электоральным настроениям. В 1918-1930 гг. консерваторы получали сравнительно меньшую долю голосов, чем на тех предвоенных выборах, на которых они терпели поражения. Сама партия обрела в данный период черты сетевой организации, включающей ассоциации с различным типом членства, ориентированных на различные типы избирателей [7; р. 76]. Организационные изменения имели ключевое значение для электоральных успехов. Как отмечается в партийных документах, «результатом (Первой мировой – А.С.) войны явилось превращение Консервативной партии в подлинно национальную партию с активным присутствием во всех частях страны и в каждом избирательном округе, что принципиально отличало её от партийных структур Либералов и Лейбористов» [10; р. 282]. Финансовые возможности Консервативной партии позволяли ей содержать «постоянную сеть системно действующих агентов, работавших в различных социальных слоях и группах (британского общества – А.С.)» [6; р. 63]. Наряду с прежними формами политической активности, большую роль в деятельности партии стало играть взаимодействие с различного рода ассоциациями и общественными организациями. По словам одного из исследователей, «консерватизм стал органической частью британской общественной ткани даже в тех её частях, которые до этого не были связаны с политикой» [12; р. 21].

Анализ динамики политических настроений британцев свидетельствует о том, что почти половину электоральной базы консерваторов составляли представители рабочих слоёв, причём в 1930-х гг. рабочие голосовали за Консервативную партию чаще, чем за лейбористов [9; р. 149]. Во внутрипартийной жизни данного периода проявились некоторые принципиально новые черты. В частности, заметно возросла активность заднескамеечников, которые начали играть более заметную роль в парламентской деятельности партии. Результатом этого стало формирование к середине 1920-х гг. общего партийного комитета, а также отдельных, «пред-

метных» комитетов, призванных проводить более скоординированную политику в парламенте, максимально учитывающую настроения различных внутрипартийных групп. Избирательная реформа способствовала существенному расширению масштаба деятельности партии, как на общенациональном, так и на местном уровне. Кроме того, в партию пришло новое поколение деятелей, «опыт окопной жизни которых позволял максимально упростить контакт между выпускниками университетов и представителями рабочего класса» [6; p. 64]. Среди этих молодых политиков, привнёсших в 1920-е гг. новое видение в осмысление многих проблем, стоявших перед Великобританией, оказались и будущие партийные лидеры – Э. Иден и Г. Макмиллан.

В 1925 г. в Англии и Уэльсе Консервативная партия вернула своё прежнее название, сохранив, тем не менее, в своём наименовании понятие «юнионистская». В 1931-1940 гг. консерваторы вступали в различные коалиции с юнионистскими, либеральными и лейбористскими группами, принимавшими их концепцию «Национального правительства». Без союза с этими группами, они выигрывали выборы лишь дважды – в 1922 и 1924 гг., формируя исключительно консервативные кабинеты в 1922-1924 и 1924-1929 гг. [8; p. 208]

После завершения Первой мировой войны руководство Консервативной партии уже не столь прочно как ранее связывало себя идеями юнионизма. Тем не менее, в своих программных установках лидеры консерваторов продолжали позиционировать себя как «партию империи»[2]. В документах партии по-прежнему заметное место занимали идеи сохранения и укрепления колониальной империи, которая характеризовалась как важнейшее «средство обеспечения экономического роста и реализации идеологических ожиданий британского общества» [16; p.57]. В то же время, приход в руководство партии нового поколения лидеров, наиболее заметными представителями которого являлись Э. Бонар Лоу, С. Болдуин, Н. Чемберлен, способствовало повышению гибкости партийной тактики в решении обострившихся проблем колониального управления.

В 1924-1926 гг. лидер партии С. Болдуин попытался сформулировать новую партийную доктрину, получившую наименование «нового консерватизма». Её отдельные положения нашли отражение в речи главы партии на партийной конференции 11 февраля 1924 г., в партийном памфлете «Смотря вперёд», опубликованном в июне того же года, а также в изданном в марте 1925 г. партийном буклете «Мир и экономика» [11; p. 134]. В окончательном виде они были сформулированы в сборнике партийных выступлений, составленном под руководством С. Болдуина в апреле 1926 г. [11; p. 134] Авторы доктрины «нового консерватизма» в немалой степени обращались к традиции, заложенной в концепции «единого народа» Б. Дизраэли. Они, в частности, апеллировали к идеям социальной гармонии, партнёрства бизнеса и рабочего класса, поиска общественного консенсуса и ориентированности внешней политики на национальные интересы Великобритании[3]. Как отмечается в одном из исследований, посвящённых истории Консервативной партии данного периода, С. Болдуин «... взял курс на умиротворение, как внутри страны, так и за её пределами. При этом данное умиротворение ещё не рассматривалось в том негативном контексте, в котором оно станет восприниматься к концу 1930-х гг. Оно основывалось на чётком представлении о рациональном и справедливом применении моральной и физической силы...» [12; p. 23] Основной стратегической задачей Консервативной партии в первой половине и середине 1920-х гг. обозначалось преодоление многочисленных негативных последствий Первой мировой войны для британской экономики. Решение столь сложной задачи диктовало необходимость перехода к «умеренной внешней политики... и осуществлению уступок в колониальных вопросах» [18; p. 481].

В данной связи, партийное руководство, во главе которого в данный период находились весьма опытные политические деятели, было вынуждено учитывать изменения, происходившие после завершения войны как внутри страны, так и на международной арене. На рубеже

1910-х – 1920-х гг., Консервативная партия, в своём большинстве, поддержала проекты, связанные с реформированием системы управления в Индии, а также предоставлением формальной независимости Египту и переданному под мандатное управление Великобритании Ираку. Кроме того, руководство партии во главе с Э. Б. Лоу поддержало решение Д. Ллойд-Джорджа о предоставлении Ирландии статуса доминиона.

Тем не менее, именно колониальная проблематика явилась в данный период самым сложным предметом внутрипартийной дискуссии. Внутри партии сформировалась весьма активная оппозиция, обвинявшая правительство и партийное руководство в предательстве идеалов империи. Угроза внутрипартийного раскола утратила свою остроту лишь после падения в октябре 1922 г. кабинета Д. Ллойд-Джорджа и формирования консерваторами собственного правительства во главе с Э. Б. Лоу, а затем С. Болдуином. Как отмечается в одной из работ, посвящённых истории Консервативной партии, кризис, вызванный недовольством политики коалиционного кабинета в Ирландии, Индии, а также его действиями в Турции «носил скорее горизонтальный, чем вертикальный характер, в силу чего... не имел столь фатальных последствий, как кризис в Либеральной партии в 1916 г.» [6; p. 69]

Преодоление внутренних разногласий способствовало укреплению внутрипартийного консенсуса в сфере колониальной политики. В течение 1920-1930-х гг. стратегия Консервативной партии сводилась к попытке сохранения и модернизации колониальной системы с учётом набиравших силу центробежных процессов. Консервативные кабинеты продолжили политику «индианизации» административной системы в Индии, развития модели «завуалированного протектората» в Египте, расширения механизмов косвенного управления в ряде колониальных владений. Несмотря на продолжавшуюся имперскую риторику и большую роль, отводившуюся вопросам укрепления колониальной системы в программных документах партии, большинство консерваторов к концу 1930-х гг. пришли к пониманию неизбежности серьёзных изменений в сфере управления колониями и расширения их самоуправления. В данной связи, Консервативная партия сыграла принципиально важную роль в процессе постепенной трансформации британской колониальной системы, создавшей основы для её последующего демонтажа и окончательного преобразования Британской империи в Британское Содружество Наций.

Либеральная партия в межвоенный период переживала идейный и организационный раскол. Часть либералов в 1920-е гг. продолжали поддерживать Г. Асквита, являвшегося последовательным сторонником идеи Лиги Наций и «Более чистого мира («Cleaner Peace»)), а также разделять социал-реформизма и «либерального империализма». В сферах колониальной и внешней политики, сторонники Либеральной партии по-прежнему ориентировались на политику фри-треда и экономию бюджетных расходов. Большая часть либералов поддерживала расширение самоуправления доминионов, достаточно осторожно воспринимая подобные перспективы применительно к «цветным» колониям. Либеральная партия в своём большинстве поддержала проект реформы Челмсфорда-Монтэгю в 1918 г. В июле и октябре 1919 г. в своих выступлениях Г. Асквит подчёркивал, что главной целью британской стратегии в послевоенный период должно стать преодоление социально-экономических трудностей и разрешение проблемы внешнего долга [5; p. 227].

В 1930-е гг. Либеральная партия претерпела очередной раскол, разделившись на сторонников А. Синклера и Д. Ллойд-Джорджа. Наряду с неоднозначным восприятием политики умиротворения, одной из главных причин раскола явилось отношение к проекту конституционной реформы в Индии, нашедшим поддержку со стороны большинства либералов.

Основным источником формирования политической платформы Либеральной партии в вопросах колониальной стратегии, а также в других важных сферах государственного управления, в межвоенный период являлась так называемая Либеральная летняя школа (LSS), со-

зданная в 1921 г. группой сторонников партии из Манчестера. Историк Либеральной партии Д. М. Харт характеризовал её как «самый значимый источник радикального интеллектуального либерализма» в данный период [15]. Несмотря на то, что в целом по характеру своей деятельности, Либеральная летняя школа представляла собой дискуссионный клуб, её интеллектуальная деятельность оказывала заметное влияние на умонастроения ведущих представителей партии, входивших в Национальную Либеральную Федерацию [14; p. 58].

Активная деятельность Либеральной летней школы, а также других партийных структур, не могла компенсировать общего ослабления позиций либералов в политической системе Великобритании и способствовать преодолению затяжного внутреннего кризиса, охватившего партию годы Первой мировой войны и продолжавшегося после её завершения. Тем не менее, теоретические доктрины, сформулированные либеральными идеологами применительно к сфере колониальной политики, оказали заметное воздействие на концептуальные позиции других ведущих политических партий. Наибольшее влияние они оказали на формирование официальной позиции Лейбористской партии в данной сфере.

Анализ социально-экономических и политических изменений, произошедших в военный период в британском обществе, позволяет некоторым исследователям характеризовать межвоенный период как качественно новый этап в эволюции британской государственности. Так, украинский историк А.В. Ленько отмечает в данной связи, что «двигавшееся по пути социального либерализма Соединённое Королевство... временно превратилось в консервативное корпоративное государство, или «Великобританию с ограниченной ответственностью» («Great Britain Limited»)» [1; с. 305]. При всей разнице в оценках, представляется несомненным тот факт, что Первая мировая война привела к существенным сдвигам в политической и социально-экономической подсистемах британского общества. Изменения, происходившие в метрополии не могли не сказаться на характере организации огромной колониальной системы Великобритании, а также специфики приоритетов колониальной стратегии Уайтхолла.

К числу её основных направлений относились попытки финансово-экономической и организационно-административной оптимизации системы управления колониями. На фоне финансовых трудностей и кадровых проблем основным содержанием попыток реформирования колониального аппарата в данный период явилось использование элементов косвенного администрирования, предполагавших привлечение представителей туземного населения, а также сотрудничество с представителями местных элит. В то же время эволюция британского колониального механизма в межвоенный период отражала сочетание реформаторских тенденций с традиционно присущим британской политической элите консерватизмом.

Библиографический список

1. Ленько А.В. Объединённое королевство Великобритании и Ирландии: эпоха выбора между империализмом и либерализмом, 1868-1918. СПб., 2012. 375 с.
2. 1918 Conservative Party General Election Manifesto. [электронный ресурс] URL <http://www.conservativemanifesto.com/1918/1918-conservative-manifesto.shtml> (дата обращения: 4.11.2013).
3. 1929 Conservative Party General Election Manifesto. [электронный ресурс] URL <http://www.conservativemanifesto.com/1929/1929-conservative-manifesto.shtml> (дата обращения: 18.11.2013).
4. A Companion to Early Twentieth Century Britain. / Ed. by Wrigley Ch. Oxford, 2003. 608 p.
5. Asquith H.H. Memoirs and Reflections. 1852-1927. Vol. II. Boston, 1928.
6. Ball S. The Conservative Party and British Politics, 1902-1951. L., N.Y.: Routledge, 2013. 177 p.
7. Ball S., Holliday I. Mass conservatism: the Conservatives and the public since the 1880s. L.: Routledge, 2002. 248 p.

8. Blake R. The Conservative Party from Peel to Thatcher. L., 1985. 416 p.
9. British Electoral Facts, 1885-1975. / ed. by Craig F.W.S. L., 1976. 200 p.
10. Butler G., Butler D. British political facts, 1900-1994. L.: Macmillan, 1994. 541 p.
11. Conservative Party General Election Manifestos, 1900-1997 / ed. by Dale I. L., 2000. 496 p.
12. Dean D. W. Contrasting Attitudes of the Conservative and Labour Parties to the Problems of Empire, 1922-1936. L., 1974. 385 p.
13. Dilnot F. England after the War. N. Y.: Doubleday, Page & Company, 1920. 332 p.
14. Grayson R.S. Liberals International Relations and Appeasement. N.Y., 2007. 317 p.
15. Hart D.M. Interests, Ideas, and Entrepreneurship. URL <http://www.libertyfund.org/pages/Im-ideas> (дата обращения: 04.09.2015).
16. Kennedy D. Britain and Empire, 1880-1945. L.: Routledge, 2014. 156 p.
17. McKenzie R. T. British Political Parties: The Distribution of Power within the Conservative and Labour Parties. L., 1964. 694 p.
18. Williamson P. National Crisis and National Government: British Politics, the Economy and Empire, 1926-1932. Cambridge University Press, 2003. 588 p. Французская кампания 1940 г. завершилась 22 июня германской победой. Полк, в котором служил Юнгер, был оставлен во Франции и в конце апреля 1941 г. переведен в Париж в качестве охраны. 14 июня 1941 г. генерал Шёде сообщил Юнгеру, что его отзывают в штаб главнокомандующего германскими войсками во Франции. “Я понял, что Шпейдель позаботился обо мне” [2. 16,37, запись от 24 апреля и 14 июня 1941 г.]. С этого момента начинается штабная служба Юнгера, включившая его в круг германских офицеров в Париже. В силу служебных обязанностей он имел возможность общаться и наблюдать за позицией германского генералитета во Франции, а также ближе познакомиться с деятелями французской культуры. В пламени войны служба в оккупационном штабе была определенным заповедником, в котором Юнгер переосмысливал современность.

Сведения об авторе:

Сагимбаев Алексей Викторович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, sagimbaev@yandex.ru

УДК 94(410)

Н. Н. Богомолова

Б.ДИЗРАЭЛИ: ЭКСПАНСИОНИСТ ИЛИ РОМАНТИЧЕСКИЙ ОРИЕНТАЛИСТ?

Аннотация: Статья посвящена проблеме формирования личностных убеждений лидера партии Б.Дизраэли по основным пунктам обновлявшейся британской имперской идеологии в консервативном правительстве Британской империи в начале 1870-х гг. Исследуется характер политических взглядов и формирование ориенталистских политических убеждений Б.Дизраэли, разработка им идейной платформы программы партии.

Abstract: The article is devoted to the problem of forming personal political convictions of the party leader B.Disraeli about updated British Imperial ideology in British conservative cabinet in 1870th. Disraeli's nature of oriental political views and formation of his political beliefs, as well as development of the ideological platform of the party program is on the focus of our intention.

Ключевые слова: империя, имперская идеология, консервативная партия, ориентализм, самоидентификация, колониальная политика, идея.

Key words: imperia, imperial ideology, conservative party, orientalism, imperial self-identification, colonial policy, idea.

«Империя – это сложная и изысканная область науки, населенная леопардами и другими дикими созданиями. Свести все к определениям и формулам – значит превратить леопарда в домашнюю кошку. Империя – это сильное и опасное слово».

Ливен Д [10. С.588].

Британская внешняя и внутренняя политика формируется и управляется «элитарным ядром» в системе Уайтхолла, который проецирует свои интересы во все ее основные аспекты, определяет ее главные приоритеты. В 70-х гг. XIX в. таковые определяла консервативная партия, перехватившая инициативу у либералов впервые за долгие три десятилетия. За ней - приоритет основателя новой имперской политики, в свою очередь, являющейся главным объектом «экспансионистской» деятельности премьер-министра Б. Дизраэли.

Главные положения и основополагающие ценности новой имперской политики были сформулированы в партийной программе консервативного правительства в начале 1870-х гг. Заметим, что прослеживается прямое влияние личностных убеждений лидера консерваторов Б.Дизраэли на различные компоненты обновлявшейся британской имперской идеологии.

Политическое искусство Дизраэли – личности яркой – многогранно и разворачивалось на разных поприщах (будь то парламентские дебаты, личное общение с королевой или книжное перо). В начале XX века его биографы Дж. Бакл и У. Монипенни представили персону лидера консерваторов как «отца британского империализма» [14. Р.196]. Этот тезис, впоследствии, был кардинально пересмотрен другими поколениями историков.

Б. Дизраэли, выступавший от имени всей партии, проявлял страстный интерес к проблемам британской империи. К этой теме он обращался во многих своих выступлениях. В этом видится политический расчет, так как тональность его речей была направлена на то, чтобы

утвердить свой отнюдь не бесспорный статус партийного лидера, а также из стремления привлечь внимание общественности к собственной персоне. Темы, поднимаемые им в речах, касались проблем имперской консолидации, национальных имперских интересов, критики либеральной политики и идеологии. То, что его интересовало в политике, носило сильный оттенок идейного свойства, чем прагматического [21. Р.107-111]. Разработка идей, а не конкретной программы партии характеризует деятельность Б. Дизраэли, что накладывало отпечаток на политическую практику консервативного правительства в целом. К. Эдридж доказал, что «глава консервативной партии не проявлял значительного интереса к переселенческим колониям и перспективам экспансии в тропиках» [22. Р.5]. Р. Кобнер и Г. Шмидт отмечали, что он пришел к власти, не имея внятной теории империи и четкого плана имперской политики [21. Р.163]. Имперская концепция консерваторов складывалась позднее, в процессе работы правительства.

По меткому замечанию В.В. Грудзинского, Дизраэли не был ни федералистом, ни экспансионистом [3. С.30]. Нам представляется, что его следует называть вдохновителем и, до известной степени, реализатором имперской идеи Британской империи в ее обновленном виде. Механизм сплочения империи, проблемы колониальных территорий в меньшей степени привлекали внимание премьер-министра. Н.В. Дронова отмечала, что консервативный лидер редко вмешивался в текущие дела колониального ведомства, возложив всю полноту ответственности за принятие конкретных решений и их исполнение на министерство колоний [4. С.75], также, он редко вступал в парламентские дебаты на темы управления колониями или их приобретения. Зато глобальные интересы империи как мировой державы поглощали его внимание полностью.

2 апреля 1872 г. в манчестерском Фри-Трейд Холле и 24 июня 1872 г. в Хрустальном дворце Лондона Дизраэли выступил с речами, обозначившими программные положения партии, основанные на принципах уважения конституционных учреждений и идей социального компромисса. Выдвинутые положения вошли в концепцию так называемого «нового демократического торизма». Дать определение этому понятию представляется весьма затруднительным. Рандольф Черчилль, его ярый приверженец, определял новый торизм как оппортунизм. Отечественный исследователь И.С. Меншиков обозначил «демократический торизм» как политику консерваторов по реформированию или устранению наиболее вопиющих проявлений несправедливости рыночной экономики, сглаживание социальных противоречий, преодоление пропасти между «двумя нациями» [7. С.210]. В современной историографии утвердилось представление о том, что выдвинутые консерваторами положения их программы являлись аксиоматичными для британского общества, и не представляли новизны взглядов на тот момент [4. С.59-60]. Именно так можно объяснить довольно прохладную реакцию современников на речь премьер-министра: газеты давали скупые оценки, а некоторые влиятельные еженедельники и вовсе проигнорировали сказанное.

Вторая из речей Б. Дизраэли, произнесенная в Хрустальном дворце Лондона наиболее известна ее «имперским аспектом», дополнившим положения концепции и заставившим обратиться на себя внимание общественности. Он говорил, что империя – это «не просто колонии», а «важная и ответственная миссия, бремя этой страны». Следовательно, «финансовый аспект должен уступить место моральному, ибо это то, что отличает человека от животного. Необходимо решить, жить ли в великой стране, имперской стране, стране, которой ваши сыновья, когда вырастут, будут ценимы не только соотечественниками, но и высоко уважаемы во всем мире» [7. С.144].

По сути, Дизраэли предвосхитил знаменитое стихотворение Р. Киплинга «Бремя белого человека», он был тем, кто первым из викторианских политиков предложил взглянуть на империю как на ношу и приключение, а не как на скучное коммерческое предприятие. Провоз-

глашенные им идеалы вскоре стали весьма популярны, а аспект моральных обязательств имперской миссии станет движущей силой «маленьких колониальных войн» Британской империи.

Основные положения того, что потом назовут «демократическим торизмом», были сформулированы Б. Дизраэли еще в 1840х гг., когда молодой политик только начинал свою карьеру. В 1844 г. молодой Бенджамин Дизраэли открыто изложил свои мотивы, выступая перед выборщиками Шрусбери. С присущей молодым непосредственностью он заявил: «мне нравится известность; мне нравится слава; мне нравится жить на виду у всей страны». [26. P.44] Здесь мы имеем дело с таким типом политика как политик-карьерист, который получает удовольствие от обслуживания избирателей от имени консерватизма. Дизраэли прекрасно знал, что амбициозный политик не должен ограничиваться маленьким городком или графством. Настоящей целью было признание в глазах всей страны, а не на улицах провинциального Шрусбери. Национальная известность была его целью; Шрусбери, надеялся он, послужит средством.

На протяжении всей своей карьеры он разыгрывал патриотическую карту, играя на национальных чувствах англичан, и, как показало будущее, невероятно успешно. Следуя совету Аристотеля, Б. Дизраэли «восхвалял афинян среди афинян». Так, нацией следует восхищаться публично. Говорящие должны отождествлять себя с превозносимой аудиторией, используя то, что Кеннет Берк [15. P.7] называл риторикой отождествления, обращенной к общему – «Мы». Он убеждал себя и избирателей в том, что «проведение определенной политики с ясными горизонтами, такими как глубочайшие интересы великого дела нации, может стать программой для политической партии» [7. С.142]. Результат стараний не заставил себя ждать: в одном из первых номеров журнала “Punch” тщеславный Б.Дизраэли был изображен на карикатуре в виде портного, примерявшего потертый костюм британского льва на свое безупречное облачение [25]. Общественное мнение начало работу по созданию имиджа Дизраэли со страниц популярных газет и журналов.

Следует иметь в виду, что как политик Б.Дизраэли мог видеть воплощение собственных замыслов только сквозь призму колониальных действий - для своего времени фактически единственно доступных викторианскому пониманию. Его занимали мысли о взаимодействии цивилизаций Востока и Запада, о возможности их взаимного обогащения. Но характеризовать его только как непреклонного империалиста, политика, приобретшего Суэцкий канал и Кипр для Британии, и утвердившем британское влияние по всему Востоку, было бы неверно.

Его характер и идеалы шлифовались в непростых условиях. И в этом смысле лидер консерваторов долго шел к славе и признанию в среде соотечественников. Его «непреклонность» формировалась на протяжении всей молодости, закаляясь в борьбе за собственную политическую карьеру. Надо сказать, британская элита никогда не была замкнутой кастой, что позволило ей сохранить жизнеспособность. «Английская элита оказалась, пожалуй, наиболее преуспевающей в абсорбции потенциальных и наиболее подготовленных представителей контр-элиты. Несколько веков она держит открытыми (или, лучше сказать, приоткрытыми) двери для наиболее мобильных представителей непривилегированных классов» [1. С.40]. Изумительная самоуверенность, яркость и амбициозность, нахальство, позволили ему открыть те двери, куда не мыслил даже в мечтах попасть ни один крещеный британец еврейского происхождения в Великобритании. А гибкость ума, мобильность взглядов и честолюбие позволили Б.Дизраэли, имевшему еврейское происхождение, ловко проскочить в приоткрытую дверь мира политики. С XVIII века евреи находились в Великобритании в положении, похожем на положение католиков и других неконформистов, и ограничения в правах распространялись на политические

и представительские функции. Основным спорным пунктом была возможность избираться в Палату общин.

Но, как отметил его биограф, знаменитый французский писатель А.Моруа, «перестав быть евреем, он, тем не менее, не стал и христианином и прекрасно примирился с этим промежуточным состоянием» [8. С.15]. Вообще, степень, в которой Дизраэли мог называться евреем, продолжает занимать мысли историков [19]. Во-первых, современниками он всегда расценивался как еврей. Так, «массовое восприятие было таково: крещеный еврей остается евреем» [18. Р.72-75]. Биографы приводят такие моменты, когда разодетый щеголь Б.Дизраэли, стоя на спикерской платформе, слышит клич толпы “O’ clo” (“old clothes”, - так дразнили торговцев-евреев в викторианской Англии). А во-вторых, по мнению самого Дизраэли, это было абсолютной правдой. Но он определенно видел свое место в Англии и мире, и оно было достойно представителя своей «расы», которая принесет в западный мир его духовное наследие. «Тот факт, что он родился евреем, был существенным препятствием в карьере: он преодолел преграду, сделав недостаток – главным достоинством, громадной претензией на “благородное происхождение”» [12. Р.252-286]. Его друзья и сподвижники считали единственно неизменным в его жизни пылкое чувство гордости за «еврейскую расу», которую он понимал как восточную, или как он сказал «аравийскую». Уилфрид Скоуэн Блант, английский поэт и публицист, принадлежавший к партии тори, много путешествовавший и впоследствии принявший мусульманство, считал Б. Дизраэли «жутким остряком», который никогда «даже ради смеха не принимал себя всерьез», но «его семитская политика, безусловно, была гениальна...» [13. Р.71–72].

В частности, он защищал взгляд на Британскую империю как на содружество «наций», а не «зависимость», содружество, соединяющее Запад и Восток под сюзеренитетом Британии. Кроме того, надо вспомнить примеры его имперской политики: он защищал турок, выступая на их стороне против России и Греции, но стал на сторону египетских мятежников против Турции.

Все эти аспекты позволяют идентифицировать Б. Дизраэли как романтического ориенталиста. Повышенный интерес к восточной колониальной политике следует объяснять именно этим аспектом его личности.

В зарубежной историографии утвердилось мнение, что ориенталистская самоидентификация Б. Дизраэли формировалась на протяжении его путешествия на Восток. М. Половецки полагал, что «опыт, полученный Дизраэли в восточном путешествии оказал влияние на всю его последующую жизнь...» Он осознал, что не стоит думать о себе единственно в терминах противопоставления той нации, среди которой он жил; не нужно смотреть на свою личность только с позиции того, кем он не являлся...» Дизраэли увлекся иудаизмом, и увлечение это было длиною в жизнь» [24. Р.34 – 35]. Его письма к сестре Саре только подтверждают мысль о том, что на Востоке он чувствовал себя как дома, находил много общего с «фанатиками в тюрбанах» и «христианами», которых встречал [20. Р.356]. Б. Дизраэли обожал облачаться в национальные костюмы; не однажды в своих путешествиях по Востоку (1830-1831 гг.) он надевал необычные наряды. Так, когда он был приглашен на обед к турецкому паше, воевавшему с греками, приятно удивлению паши не было границ. «Я был вылитый турок», - вспоминает Дизраэли, «одел тюрбан, курил длинную трубку и сидел по-турецки. Мехмед-паша сказал мне, что он подумал, я не англичанин, потому что двигался я степенно. По правде сказать, я нашел, что привычки быть безмятежными и жить в роскоши внутренне весьма близки моему собственному предвзятому представлению о собственности и развлечениях...» [20. Р.357].

Иными словами, куривший с туземцами Дизраэли явно ощущал себя «редкой породой» среди всех тех белых людей, которые находились на Востоке.

Как и многие путешествия по Востоку, вояж Дизраэли строился таким образом, что являлся совершенно бесполезным для обнаружения чего-либо нового для себя в области восприятия «Другого», зато давал ему право преподнести под другим соусом все то, что европейцы «знали» о Востоке на правах эксперта. Экспертность в глазах соотечественников ему придавало, безусловно, восточное происхождение. Экзотического эффекта, производимого на англичан, мнимому азиату добавляла внешность: большие темные глаза, оливковый цвет кожи, черные неанглийские кудри. «Маленький черный еврей, и настоящий араб», - как нельзя более точно выражает отношение к нему европейцев [16. P.58]. Если представители еврейской расы вообще в западном понимании считались почти белыми, но не совсем, то Б. Дизраэли считался менее белым среди них. И он гордился этим фактом. И тогда можно сказать, что его религиозной ветвью христианства был не иудаизм, а ориентализм. По его мнению, упадок англиканской церкви состоял в том, что она испытывала «недостаток восточного знания» [17. P.83].

Бесспорно, он был таким империалистом, мечтой которого было видеть Англию, правящую на святой земле по праву «предназначения» - управлять всеми частями Востока. Еще Э. Саид указывал на то, что «ориенталист видит свою роль в достижении союза Востока и Запада, преимущественно посредством подтверждения технического, политического и культурного превосходства Запада» [27. P.246].

Таким образом, он сделал все, чтобы превратить свое еврейское происхождение из недостатка и карьерного препятствия в достоинство [14. P.287]. Сказать, что он производил неизгладимое впечатление на современников, будет преувеличением. Но он возбуждал интерес своей «любопытной» персоной. Пол Смит в своей биографии был краток, но точен: «Дизраэли – это шоу» [28. P.15]. В век мировых выставок и первых иллюстрированных журналов, посвященных преимущественно всему экзотичному, народ не смущало иметь у себя политического лидера, совмещающего в себе три самых экзотических персонажа «дешевого» империализма: английского джентльмена, иудейского пророка и арабского шейха [23].

«Восток», о котором он столько говорил, по большей части являлся всего лишь типичной ориенталистской фантазией европейца XIX столетия, который предполагал, что точно знает, что нужно Востоку, даже не пытаясь углубиться в изучение восточных традиций и желаний. И, конечно, Б.Дизраэли был империалистом, который никогда не подвергал сомнению право Англии управлять «этими туземцами». Тем не менее, его «Восток» был столь же важной частью его идеала Империи, как и Запад. В 1866 г. он заявил, что «Англию больше не следует рассматривать только как европейскую силу; она является метрополией великой морской империи, чьи владения простираются до самых дальних морей и океанов... Она установила свое присутствие в Азии, т.к. представляется больше азиатской, нежели европейской силой» [31. P.96].

Немного позже, будучи премьер-министром, он встал на защиту турецких зверств в 1875г. Его пренебрежение к фактам вызвало возмущение народа, т.к. он считал цифры убийств преувеличенными, и упорно отказывал в помощи христианским повстанцам. Его политический противник У.Гладстон говорил, что «крипто-иудаизм имел прямое отношение к подобной политике» [14. P.58]. Так, позднее даже «The Globe» со своих страниц высказался в том же тоне, описывая его как человека, который «служит и нашим, и вашим» [30].

Показательно обратиться к анализу основного убеждения Б.Дизраэли, которое будучи примененным в практике консерваторов, стало популярным образом имперской пропаганды. Массы понимали его демонстративный семитизм, т.к. он перекликался с их собственным ан-

глийским джингоизмом. Они понимали связующую базу обоих: «раса». В «Ганкреде» он говорил: «раса - это все, и другой правды не существует» [17. 176]. А тот факт, что национальное самочувствие британцев в 70-е гг. XIX в. покоилось на уже веками сложившейся в сознании народа идее принадлежности к избранной провидением «имперской расе», стал благодатной почвой для новой консервативной доктрины. Ядро островного сознания нации – главная сила Англии находится в Англии – оставалось инвариантным на протяжении многих веков. Поэтому идея единства нации, принадлежности к избранной расе, о чем и говорили консерваторы к моменту прихода к власти в начале 1870-х гг., имела серьезный общественный отклик. Патриотизм англичан в последней трети XIX в. был выражен весьма ярко, и подчас граничил с ксенофобией [5. С. 97]. Грудзинский В.В. отмечал, что Дизраэли, впервые вводя в лексикон английской партийной политики лозунги «империя» и «империализм», тем самым внедрял в массовое сознание представление о совместимости империализма с британскими идеалами свободы [3. С.31]. Понятия прочно вошли в употребление только к 1880-м гг. Обращение к национальным чувствам, практикуемое консервативной партией, базировалось также на вере среднего класса в то, что «викторианское государство – самая удивительная картина на поверхности земли» [3. С.97]. Самоуверенность, оптимизм, убеждение в собственном привилегированном положении, в которое «Бог» и «История» поместили Британскую империю составляли характер английской нации.

«Расовое мышление» было одним из важнейших программных пунктов его популистской политики – джингоизм стал самым ярким его проявлением, который берет свое начало с русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Массам нравилась тема «сильного правительства» и «вооруженной империи». Кампании проводились с большим размахом, в нарушение норм публичных митингов, что забавляло толпу и создавало «моду» на патриотические чувства низов британского общества, готовность отстаивать имперские интересы в самой примитивной форме.

Официально «сконструированный патриотизм, делавший упор на монархию, важность империи, ценность военных и морских достижений и желательности сильного стабильного управления» [6. С.75] стал отличительной чертой политики «нового империализма». Уникальность Британской империи стала постоянно подчеркиваться в официальной пропаганде консервативного правительства, публицистике и газетах Англии [11. С.89-95]. Именно английская национальная пресса как один из ведущих каналов выражения колониальной идеологии в метрополии, стал излюбленным оружием в руках властной элиты изучаемого периода. Большинство отечественных англоведов едины во мнении, что представителей британской элиты всегда отличал прагматизм и реальный взгляд на вещи независимо от партийной принадлежности: «всем было очевидно, что своеобразный консенсус по вопросам важности имперских ценностей стал результатом сознательного воздействия интеллектуальной элиты на массовое сознание, результатом весьма трудоемкой работы по трансформации системы ценностей» викторианского общества [2. С.230].

Библиографический список:

1. Ашин. Г.К., Охотский Е.В. Курс элитологии. М., 1999.
2. Богомолов С.А. Имперская идея в Великобритании в 70 – 80-е гг. XIX века. Ульяновск: Изд-во УлГУ, 2000.
3. Грудзинский В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.). Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1996.
4. Дронова Н.В. Люди и идеи: судьбы Британской империи в оценке современников (70-е годы XIX века). Тамбов: Изд-во ТГУ. 1998.

5. Крючкова Н.Д. Образ жизни Британской элиты в третьей четверти XIX века. Дисс. ...к.и.н. Ставрополь, 2004.
6. Макарова Е.А. Национальная мысль и национальное сознание в Англии // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. М., 2005.
7. Меншиков И.С. Британские премьер-министры XIX века: Монография. Курган, 2006.
8. Моруа А. Жизнь Дизраэли. М., 2001.
9. Поляков Л. История антисемитизма. Эпоха знаний: [В 2 т.]. Т.2: Эпоха знаний. Москва-Иерусалим, 1998.
10. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / Пер. с англ. А.Козлика, А. Платонова. – М.: Европа, 2007.
11. Тартыгина О.О., Гурин И.Г. Имперская идея в представлении элиты Великобритании XIX-начала XX вв. // Вестник Самарского университета. Самара, 2007. № 5/3 (55).
12. Berlin I. Benjamin Disraeli, Karl Marx, and the Search for Identity. в кн.: Berlin's Against the Current: Essays in the History of Ideas. Ed. by Henry Hardy. Oxford, 1981.
13. Blunt W.S. My Diaries: Being a Personal Narrative of Events 1888–1914, vol. 2. N.-Y., 1921. Эдгар Фейхтвангер заметил, что подобное утверждение прозвучало и из уст У. Гладстона и других оппонентов Б. Дизраэли, считавших его про-семитизм единственным плюсом в работе на благо страны: Feuchtwanger E. Jew Feelings' and Realpolitik: Disraeli and the Making of Foreign and Imperial Policy. в кн.: Disraeli's Jewishness.... P.183-185.
14. Buckle J., Monypenny W. The Life of Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield. In 6 vols. N.-Y.: Macmillan, 1910 – 1920. Vol.V.
15. Burke K. A Rhetoric of Motives. California, 1969.
16. Derrida J. Circumfession, in Geoffrey Bennington and Jacques Derrida, eds., Jacques Derrida. Chicago, 1993.
17. Disraeli B. Tancred, or The New Crusade. L., 1870-1.
18. Disraeli's Jewishness. Ed. by T.M. Endelman, T. Kushner. London and Portland, 2002.
19. Glassman B. Benjamin Disraeli: The Fabricated Jew in Myth and Memory. Lanham, 2002.
20. Kalmar I.D. Benjamin Disraeli: Romantic Orientalist. Comparative Studies in History and Society. 2005. № 47.2.
21. Koebner R., Schmidt H. Imperialism: The Story and Significance of a Political Word. 1840 - 1960. Cambridge, 1964.
22. Keith A.B. Letters on Imperial relations, Indian Reform, Constitutional and International Law, 1916-1935. L., 1935.
23. McClintock A. Imperial Leather: Race, Gender and Sexuality in the Colonial Contest. N.Y., 1995.
24. Polowitzky M. Victorian Intellectuals and the Birth of Modern Zionism. Praeger, 1995.
25. Punch. 1849. 7 July.
26. Riddell P. Honest Opportunism. L., 1993.
27. Said E.W. Orientalism. N.-Y.: Panteon Books, 1978.
28. Smith P. Disraeli: A Brief Life. N.-Y., 1996.
29. Stenbridge S.R. Parliament, the Press and the Colonies. (1846 – 1880). N.Y. – L., 1982. P. 260.
30. The Globe. 1885. 20 October.
31. The Times. 1866. 14 July; См. Также: Harcourt F. Disraeli's Imperialism, 1866–1868: A Question of Timing // Historical Journal. 1980. № 23.

Сведения об авторе:

Богомолова Наталия Николаевна – кандидат исторических наук. Брянск. E-mail: natalie_bogomolova@mail.ru

ИМПЕРСКИЙ ДИСКУРС В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖЕЙН ОСТЕН

Аннотация: Применение постколониального подхода к произведениям Дж. Остен позволило открыть новые грани в деконструкции романов английской писательницы. В статье анализируется роман «Мэнсфилд-парк», рассматриваемый в контексте британского имперского дискурса рубежа XVIII-XIX в. Автор акцентирует внимание на связях творчества Дж. Остен с имперской политикой Британии и способах отображения имперской идеологии в художественных произведениях.

Ключевые слова: Джейн Остен, постколониальные исследования, джентри, имперский дискурс, Э. Саид, работорговля, Вест-Индия.

Imperial discourse in Jane Austen's novels

Abstract: The postcolonial approach to the study of Jane Austen's novels demonstrated a new, previously hidden problems, contained in her works. The article analyzes the novel «Mansfield Park» in the context of British imperial discourse of the border of the XVIII-XIX century. The author considers the connections of Jane Austen with imperial policy of Britain and ways of reflection of imperial ideology through the novels.

Keywords: Jane Austen, postcolonial studies, gentry, imperial discourse, E. Said, slave trade, West-Indies.

Появление и развитие в 60-е гг. XX в. постколониальных исследований оказало сильное влияние на научное сообщество и многие до того исчерпанные темы наполнились новым смысловым содержанием. Принято считать, что начало постколониальных исследований приходится на 1978 г., когда выходит книга Э. Саида «Ориентализм». Несмотря на развернутую критику, она сразу же заняла место культового текста в постколониальных исследованиях. Не «Восток», а «Запад» теперь становится объектом рассмотрения, анализа и деконструкции колониального дискурса. В другой своей работе, «Культура и империализм», Э. Саид ставит вопрос об отношении английской писательницы Дж. Остен (1775-1817) к ситуации в Вест-Индии и детально рассматривает эту проблему [13].

Упоминание в романе «Мэнсфилд-парк» (название поместья в одноименном романе Дж. Остен «Мэнсфилд-парк») о путешествии сэра Томаса Бертрама на Антигуа (Британская Вест-Индия) стало поводом для дискуссии вокруг выделения имперского дискурса в романах Дж. Остен. Роман был написан между февралем 1811 и летом 1813 гг. Это был третий опубликованный роман писательницы. «К началу XVIII в. сложился «треугольник» торговых коммуникаций Великобритании в Атлантике: метрополия - Западная Африка - Вест-Индия... именно этот коммерчески выгодный «треугольник» стал экономической основой формирования Британской империи в XVIII в.» [1, с. 15]. В Вест-Индии развивалось сельское хозяйство, это были колонии плантационного типа, основанная на подневольном труде, ввозившихся из Африки рабов. Путешествие сэра Томаса представляет собой так называемый «постколониальный» ответ Остен. «Сэр Томас счел необходимым сам отправиться на Антигуа, чтобы лучше там распорядиться» [2, с. 32]. Хотя, намек на рабство не является главным вопросом в романе, эта и несколько других разрозненных ссылок на интересы сэра Томаса Бертрама в Вест-Индии в романе являются более чем просто косвенной темой для разговора героев. Наличие небольших авторских комментариев и тем более их отсутствие дает нам возможность судить об их значении для самой Остен.

Так, романы Остен являются местом пересечения «имперского» и внутреннего или «домашнего» дискурсов, где имперский дискурс связан с внешней колониальной политикой Британии, а домашний с внутренней жизнью страны. Ряд исследователей помещает романы писательницы в контекст Империи. Э. Саид доказывает, что Мэнсфилд-парк гораздо сильнее во-

влечен в процесс империалистической экспансии, чем это можно предположить по оставленному без ответа вопросу героини романа Фанни Прайс о работорговле в Вест-Индии. Также к этой же проблеме обращается в своей работе и М. Стюарт. Она не первая кто связал романы Остен с идеологией «домашней» жизни. Как она замечает, ее книга появилась благодаря работе М. Пувей, Н. Армстронг и С. Стивс. Стюарт подчеркивает, что важность романов Остен заключается в том, что они «регистрируют исторический переход, когда некоторые основные ценности отживающей дворянской идеологии сохраняются, наряду с появлением меркантилизма, через представление об идеальной женщине, которую характеризуют такие качества как благородность, покорность и благодарность» [14, р. 3]. Согласно выводам, М. Стюарт, хотя связи между «домашними реальностями» и «имперскими реалиями» активно не признавались героями романа «Мэнсфилд-Парк», это «непризнание» само по себе, является аспектом имперской идеологии. В романе идеализируется домашнее пространство, «аполитичное и неэкономическое», оно не несет в себе следов «жестокости, присущей имперской силе», которые являются сферой мужской активности во внешнем мире. Н. Армстронг же рассматривает центральное положение «домашнего» в художественной литературе XIX в. как маркер всеобъемлющей феминизации буржуазной культуры [5].

Э. Саид в работе «Культура и империализм» подчеркивает, что Дж. Остен видела законные основания в заокеанской собственности сэра Томаса Бертрама, как залога спокойствия, порядка и процветания Мэнсфилда, одного центрального поместья экономическую поддержку которого обеспечивает имперская периферия. Европейская культура, особенно английский роман [1, с. 32], невольно, но систематически работали над тем, чтобы получить общественное одобрение колониальной политики. Именно роман стал рупором имперской идеологии Великобритании. Саид делит страны на имперский центр и периферию и показывает, что сопутствующими явлениями европейской культуры и ее империалистических компаний стали работорговля, колониальные плантации, имперские военные авантюры, территориальные завоевания. Также он находит исторические обстоятельства, которые могут оправдывать равнодушную позицию Остен к вопросу о борьбе за отмену рабства. Он предлагает вместо вдумчивого поиска в романах «политического бессознательного» искать в них понимание того, каким образом литературные произведения могли противостоять господствующей культуре эпохи. Романы Остен не могут укрыть существование другой стороны (колонии), потому что они обладают «формальной включенностью» в эту структуру. Тема «Дж. Остен и рабство» получила развитие в работах и других авторов [6, 7, 15].

За публикацией работы Саида последовало большое количество различных критических откликов. В дальнейшем дискуссия свелась к вопросу: что сэр Томас делал на Антигуа? Подавлял восстание, продавал собственность, лично следил за своими плантациями, чтобы понять какие изменения несет отмена рабства и работорговли? Каковы на самом деле источники процветания Мэнсфилда? Одобряет или критикует Остен ценности Мэнсфилд-парка, восхищение им Фанни, поведение сэра Томаса? Или она закрывает глаза на источники благосостояния Мэнсфилд-парка (плантации, отсюда и труд рабов)? Или знает о них, но мирится с их существованием? Что означает «гробовое молчание», последовавшее за вопросом о рабстве? Эта дискуссия подтолкнула к дальнейшим исследованиям биографии самой Дж. Остен, чтобы тщательно собрать факты о ее семье и выявить ее связи с вопросом рабства и Вест-Индии, и выяснить, что могла знать и читать о рабстве сама писательница. Параллельно в рамках конкретно-исторических исследований, изучались дебаты того времени по вопросу рабства, собственности, наследования земли и других форм благосостояния, связанных с колониальными владениями.

Но в 1812 г., еще до завершения наполеоновских войн, когда роман уже был написан, цены на сельскохозяйственные товары стали падать, к 1816 г. ситуация была близка к экономической депрессии. Даже в начале романа, поместье Бертрамов, в то время еще являясь процветающим, испытывает ряд проблем. Мисс Норрис обеспокоена тем, что «ежели владения на Антигуа будут приносить столь малый доход, сэр Томас окажется несколько ограничен в средствах» [2, с. 30]. Подразумевается, что владельцы Мэнсфилда недостаточно состоятельны, чтобы вести тот образ жизни, который описывается в романе. Мэнсфилд-парк - типичное поместье джентри, существование которого зависит не только от доходов с поместья, он и от колониальной собственности. Но что нам дает тот факт, что его процветание не может обеспечиваться внутренними источниками дохода, что образ жизни его владельцев под угрозой, большие и просторные комнаты напрямую зависят от далекой и беспокойной собственности в колониях? Что же предпринял сэр Томас для того, чтобы защитить свой источник доходов?

Некоторые факты экономической истории могут объяснить возникновение этих неоднозначных тем в романе и дать более четкое представление о положении джентри в начале XIX в. «К тому времени как роман был написан, внутренний кризис джентри был сопоставим с депрессией в Британской Вест-Индии. Еще в 1805 г., островные местные правительства объявили себя банкротами, и к 1807 г. несостоятельность плантационных хозяйств стала распространенным явлением» [8, р. 16]. Сложности были вызваны введением Наполеоном Континентальной блокады в 1805 г., закрывшей большинство европейских рынков для сельскохозяйственного экспорта Вест-Индии (главным образом сахара). Преобладание в хозяйстве монокультуры, истощило почву, что привело к экономической проблеме и затем углубило кризис, сделав острова зависимыми от прерванной с Европой торговли сахаром. Зачастую владельцы долгое время не появлялись в своих колониальных владениях. Отсутствующий владелец сэр Томас не был исключением на Антигуа, который процветал в отличии от своих соседей на других островах, где абсентеизм был правилом. Присутствие энергичного владельца на своей плантации позволило бы произвести некоторые изменения, которые были так необходимы именно в это время.

Кроме того, в 1807 г. британским Парламентом был принят «Акт о запрете работорговли» [4], но нигде этот Акт не мог оказать такого глубокого воздействия как в британской Вест-Индии. Акт запрещал только куплю-продажу рабов, но не отменял рабство как таковое, и, если бы давно существующие колонии, основанные на рабском труде, не нуждались больше во ввозе рабов, этот Акт не сильно бы повлиял на их дальнейшее существование. Но дела обстояли иначе. Условия жизни рабов были таким плохими, что их численность неизменно сокращалась и чувствовалась постоянная нехватка рабочей силы. Дефицит поддерживался постоянным импортом рабов, и с отменой рабства будущее колоний было под ударом. Первым делом было необходимо улучшить условия жизни рабов, чтобы они так легко не умирали от недоедания, переработки или жестокого обращения. Безусловно, эти факты не следуют из романов, но ощущается их скрытое влияние.

Также не стоит упускать и имперский контекст творчества Дж. Остен, который непосредственно связан с ее биографией. Ее семья имела тесные связи с Оксфордом. Когда в 1801 г. ее отец оставил свой приход в Стивентоне старшему сыну, писательница вместе с родителями и сестрой переезжает в Бат, что также во многом повлияло на ее взгляды. Бат в конце XVIII в. был главным аванпостом космополитических настроений, тогда как Лондон был принципиально английским центром. Воспитание, манеры, круг чтения и семейные связи позволили писательнице вращаться в высшем свете английского общества.

Дж. Остен было только четырнадцать в 1789 г., когда Революция во Франции привела к власти те силы, которые нашли путь и в ее мир, через ее кузину Элизу де Фейид, с которой ее

связывали близкие отношения. Элиза родилась в Индии, но переехала в Англию в возрасте четырех лет и никогда более не возвращалась туда. Образование она получила во Франции, где и приобрела утонченные манеры французской аристократии. В детстве все свое время она проводила с родственниками в Англии, в том числе гостила и в семействе Остенов, так ее французские манеры распространились и на мир сельского джентри Стивентона. Она была замужем за французским дворянином, который закончил свой жизненный путь на гильотине во время Французской революции. Так Дж. Остен узнала о Французской революции и Терроре.

Связи Дж. Остен с Британской империей и британской долгой борьбой с Францией, были личными и самыми непосредственными, через членов ее семьи. В Индии сестра ее отца завязала тесные связи с Уорреном Гастингсом (одна из ключевых фигур в укреплении власти Ост-Индской компании после семилетней войны). Именно Гастингс обеспечил свою крестницу Элизу приданым в размере 10 000 фунтов, что сделало ее вполне состоятельной наследницей. До сих пор бытует мнение, что Элиза являлась его внебрачной дочерью, с чем и связано долголетнее финансовое покровительство [3, с. 34]. Когда Гастингс отправил своего младшего сына в Британию, он отдал его на попечительство отцу писательницы. Фрэнсис Остен, один из братьев Джейн, сопровождал флот в Индию для Ост-Индской компании. Кассандра, старшая сестра писательницы, была помолвлена с Томасом Фаулом, полковым священником. Он умер в Вест-Индии от желтой лихорадки в 1797 г. Отец Джейн был доверительным собственником (англ. trustee) поместья на Антигуа, принадлежащего одному из его оксфордских сокурсников, Джеймсу Лэнгфорду Ниббсу. Ее братья-моряки, Фрэнсис и Чарльз, были активными участниками в военном противостоянии Британии и Франции. Фрэнсис принимал участие в блокаде Кадиса в 1797 г., он присоединился к Нельсону в Средиземном море в 1798 г. «В качестве капитана корабля «Буревестник» (Petrel) он преследовал Наполеона после битвы на реке Нил в 1803 г. Он помогал блокировать французский флот в Булоне, (город, который Наполеон построил, чтобы начать вторжение в Британию), участвовал в битве при Сан Доминго в 1806 г., конвоировал корабли к мысу Доброй Надежды в 1807 г. и сопровождал другой конвой к острову Святой Елены в 1808 г. Он был в Спитхедде в 1809 г., когда разбитые остатки армии сэра Томаса Мора возвращались в Британию после битвы при Коруне» [9, р. 332]. Другой брат Джейн, сделавший карьеру на флоте – Чарльз, искал американские корабли с британскими дезертирами и помогал поддерживать блокаду американской торговли с Европой. Эта блокада была ответом на наполеоновскую континентальную систему – попытка воспрепятствовать проникновению британской коммерции в континентальные порты.

Как это видно из переписки Дж. Остен, она была хорошо осведомлена о борьбе с Францией. Она знала это из писем, наиболее важными из которых были письма ее братьев, но также она узнавала о ситуации и из газет, которые держали ее в курсе событий. Ее ответы на новости в военное время в письмах ее семье были достаточно ироничными и достаточно личными по своему содержанию. Она слышала о планах Наполеона вторгнуться в Англию от своего брата Фрэнсиса. Он участвовал в организации островной защиты, а его корабль «Леопард», являлся частью британского флота, который блокировал флотилию Наполеона в Булоне, которая должна была вторгнуться в Британию [9, р. 332]. Когда он упоминал о планах Наполеона вторгнуться в Англию в 1805 г. основной смысл письма был далеко не этом эпизоде, а в том, как «джентльмен, живущий по соседству чувствовал беспокойство по поводу планов защиты острова» [11, р. 307]. Тремя годами позже, она написала письмо Кассандре, в котором описывала недавние визиты к соседям, проблемы со слугами, недомогания, и что накидка почти закончена. В этом письме есть и скрытое замечание «наша бедная армия, чье государство кажется слишком разборчиво» [12, р. 53].

Таким образом, речь о работорговле в романе «Мэнсфилд-парк» заходит не случайно. Исследование профессора П. Хонан [10], основанное на источниках государственного архива Индии убедительно доказывает, что семейство Остен было достаточно широко вовлечено в имперский контекст внешнеполитических событий рубежа XVIII-XIX вв. Известно, что брат Остен, Фрэнсис, с которым ее связывали тесные отношения, осуждал рабство на Антигуа, хотя его отец был доверительным собственником имения там, а старший брат Джеймс (священник) участвовал в долгой и дорогостоящей тяжбе с правительством, чтобы вернуть деньги, полученные как жалование его тестем генералом Мэтьюсом за службу губернатором Гренады. Также интересным является то, Фрэнсис, ярый критик рабства, занимался тайными, но весьма доходными поставками для Ост-Индской компании золотых слитков из Китая в Индию и затем из Индии в Англию.

Таким образом, роман «Мэнсфилд-парк» наглядно демонстрирует, что одним из источников благосостояния сельского джентри были заморские колонии, в частности в Вест-Индии. Имперское сознание определяет специфическое отношение самих англичан к такому источнику доходов, основанному на рабском труде. Колониальная собственность представляется как нечто постоянное и само собой разумеющееся средство обогащения. Но когда в конце XVIII в. начинается активная агитация за отмену рабства, имперское сознание сталкивается с проблемой включения колонии в ментальную структуру своего восприятия в качестве важной части Империи. Собственность в колониях «выходит» за рамки сферы «умолчания». Более того, наполеоновские войны и Континентальная блокада обнажили недостатки существующей системы ведения сельского хозяйства в Вест-Индии (выращивание монокультуры сахара, неспособность рационально организовать хозяйство, основанное на труде рабов, плохие условия для их жизни, высокая смертность, постоянная потребность в новых рабочих руках). В это же время происходит смещение торговых путей из Атлантики в Индию. Весь поток капиталов устремляется в том направлении, что также негативно сказывается на развитии хозяйства в Британской Вест-Индии. В романе мы видим критический момент в жизни сельского джентри. Об этом в романе не говорится напрямую, но Дж. Остен как автор, обладающий имперским сознанием, передает нам эти настроения, как посредством конкретных отсылок к вопросу о делах сэра Томаса в Вест-Индии, так и опуская конкретные причины и ход его путешествия, считая их ясными для своего читателя-соотечественника. Так, рассматривая романы Дж. Остен сквозь призму постколониальных исследований можно увидеть имперский контекст ее творчества, который является невидимой канвой ее романов.

Библиографический список

1. Британская империя: становление, эволюция и распад / под ред. В.В. Высоковой. – Екатеринбург: Изд-во «Волот», 2010. – 188 с.
2. Остен Дж. Мэнсфилд-Парк: роман. – М.: АСТ, 2007. – 476 с.
3. Томалин К. Жизнь Джейн Остин: биография / Клэр Томалин; пер. с англ. А. Дериглазовой. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 448 с.
4. An Act for the Abolition of the Slave Trade. 25th March 1807 / Anno quadragesimo septimo GEORGIИ III, SESSION 1, CAP. – XXXVI. – L., 1807. – P. 317-326.
5. Armstrong N. Desire and domestic fiction: a political history of the novel. – Oxford and New York, 1987. – 300 p.
6. Duckworth A. M. The Improvement of the Estate: A Study of Jane Austen's Novels. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1971. – 239 p.
7. Ferguson M. Mansfield park: Slavery, colonialism, and gender // Oxford literary review. – 1991. – 13 (1-2). – P. 118-139.
8. Fleishman A. Mansfield Park in Its Time // Nineteenth-Century Fiction. – Vol. 22. – No. 1. Jun., 1967.

– P. 1-18.

9. Jane Austen in Context / Ed. J. Todd. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 467 p.
10. Honan P. Jane Austen: Her Life. – L.: Weidenfeld and Nicolson. 1987. – 452 p.
11. Letters of Jane Austen / ed. by E. H. Knatchbull-Hugessen, Lord Brabourne. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – Vol. 1. – 374 p.
12. Letters of Jane Austen / ed. by E. H. Knatchbull-Hugessen, Lord Brabourne. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – Vol. 2. – 366 p.
13. Said E. W. Culture and imperialism / Edward W. Said. – N.Y., 1993. – 380 p.
14. Stewart M. Domestic realities and imperial fictions: Jane Austen's novels in Eighteenth-century contexts. – Athens & London: University of Georgia Press, 1993. – 209 p.
15. The postcolonial Jane Austen / Ed. You-me Park, R.S. Rajan. – L.& N.Y.: Routledge, 2000. – 277 p.

Сведения об авторе:

Созинова Ксения Андреевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований УрО РАН (Екатеринбург), makrushina86@list.ru

ГИБРИДНЫЙ «ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ»: БРИТАНСКАЯ ИНДИЯ В ЛИГЕ НАЦИЙ

Аннотация: Британская Индия после Первой мировой войны присоединилась к Лиге Наций. Включение Индии в состав членов Лиги Наций и подписание ею Версальского мирного договора было реальным и не очень обременительным для Великобритании вознаграждением индийцев за лояльность и поддержку во время войны. Однако вопрос об участии Индии в ее статусе колонии в международной организации вызвал серьезные споры. Присоединение Индии к Лиге Наций, помимо упрочения позиций империи в международной организации, подразумевало и укрепление авторитета английских властей в колонии. Гибридность международного положения Британской Индии в контексте участия в деятельности Лиги Наций проявилась в нескольких направлениях: в неопределенном статусе правителей княжеств, тактике «дипломатического молчания» в ЛН, существенном противоречии между внутренним положением и международным статусом Индии.

Ключевые слова: Британская Индия, Лига Наций, Британская империя, колония, Версальский договор, Устав Лиги Наций, Ассамблея Лиги Наций, гибридный интернационализм

Alexander S. Khodnev Hybrid "Internationalism": British India in the League of Nations

Annotation: British India after World War I joined the League of Nations. The presence of India in the membership of the League of Nations and its signing of the Versailles Peace Treaty was a real and not very burdensome for Great Britain reward of Indians for their loyalty and support during the war. However, the question of India's participation in its status as a colony in an international organization caused serious controversy. India's accession to the League of Nations, in addition to strengthening the position of the empire in an international organization, meant strengthening the power of the British authorities in the colony. The hybridity of the international position of British India in the context of participation in the activities of the League of Nations manifested itself in several directions: in the uncertain status of the rulers of the principalities, the tactics of "diplomatic silence" in the LN, the significant contradiction between the internal situation and the international status of India.

Keywords: British India, League of Nations, British Empire, colony, Versailles Treaty, Covenant of the League of Nations, Assembly of the League of Nations, hybrid internationalism

Историческая судьба крупнейшей колонии в мире – Британской Индии, сложилась таким образом, что в 1919 г., оставаясь полностью зависимой от Великобритании, она вошла в качестве полноправного члена в первую универсальную международную организацию, Лигу Наций (ЛН), и пребывала в ней вплоть до роспуска в апреле 1946 года.

Во время Первой мировой войны отношение к самоуправлению Британской Индии и ее положению в мире начало меняться даже в сознании крайних империалистов в правительстве в Лондоне. Война поменяла эту ситуацию в двух направлениях. Во-первых, лояльность и служение индийцев империи в войне поразило многих людей в Англии, а также союзников по Антанте. Это ли не было подтверждением их политической зрелости, и заслуживало некоторой награды и признания новых прав и роли в мире? Во-вторых, многим в Британии казалось, что любое недовольство и возможная нелояльность индийцев после войны могли сказаться на этом критическом этапе благосостояния Британской империи. Иными словами, если бы лояльная Индия не была бы вознаграждена, Британская империя могла иметь катастрофические последствия контроля над главной колонией.

Премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж высоко оценил вклад индийцев в победу союзников, подчеркнув: «Помимо благодарности английского народа индийцам за их добровольный порыв преданности и ценную помощь, оказанную сотнями тысяч волонтеров на полях сражений и на фронте труда, давало себя знать еще и чувство товарищества, выросшее за годы общих лишений и общих опасностей. Без существенной помощи индийских частей мы

не смогли бы сдерживать немцев во Франции и одновременно громить турецкую армию» [2, с. 7-8.].

До известного заявления Э. Монтегю в парламенте в августе 1917 года в Британии не любили официально заявлять, что самоуправление было какой-то даже самой отдаленной целью для Индии. Один из колониальных чиновников изрек, что такое развитие станет «миром, столь же отдаленным, как любая Атлантида или Эдгин (утопия в романе С. Батлера – А.Х.), о котором когда-либо думал гениальный и одаренный воображением мозг писателя» [21, р. 234].

Участие индийцев в первой мировой войне требовало определенной политической компенсации. Вице-король Индии лорд Челмсфорд, по-видимому, недостаточно оценив ситуацию в стране, но поддержанный статс-секретарем по делам Индии Э. Монтегю и несколькими генерал-губернаторами, оказывал давление на Лондон в пользу провозглашения политики реформ [7, р.4.]. В результате, как известно, по акту об управлении Индией 1919 г. был введен принцип диархии на провинциальном уровне, посеявший на долгие годы нестабильность в отношениях между различными ветвями власти. Однако эта уступка не могла вызвать удовлетворения и поддержки значительной части индийского общества.

Включение Индии в состав членов Лиги Наций и подписание ею Версальского мирного договора было реальным и не очень обременительным для Великобритании вознаграждением индийцев. В Лондоне быстро пришел к консенсусу о предоставлении права английским чиновникам и некоторым лояльным индийцам, выступать в Женеве от имени колонии. В Париж прибыла индийская делегация в составе Э. Монтегю, представителя Мусульманской Лиги Ага Хана III, махараджи Биканира Ганга Сингха для подписания Версальского договора.

Появление индийской делегации в Париже и демонстрация ею «активного» участия в обсуждении послевоенных договоров было связано еще с одной проблемой – вопросом о включении Индии в Лигу Наций, который послужил в самом начале работы Парижской мирной конференции основой для серьезной дискуссии. В январе 1919 года между президентом США В. Вильсоном, членом английской делегации и ответственным за подготовку создания Лига Наций Р. Сесилом, а также членом французской делегации Л. Буржуа начались переговоры по этому вопросу. Р. Сесил направил основные свои усилия на то, чтобы убедить В. Вильсона поддержать включение Индии в состав Лиги Наций [1, с. 66.]. В свою очередь, президент США В. Вильсон заявил 25 января, что в документе об образовании Лиги Наций должен быть обязательно записан следующий тезис: «Только самоуправляющимся странам будет предоставлено право стать членами Лиги» [24, р.15.]. Это замечание заставило членов британской делегации доказывать, что Индия имеет особое положение в Британской империи. Лорд Р. Сесил заявил, что сам термин «самоуправление» трудно объяснить, и в равной степени трудно определить в соответствии с ним истинное положение страны. Р. Сесил напомнил, что Индия мобилизовала во время войны миллион солдат и внесла большой вклад в победу союзников. Кроме того, часть Индии, по мнению Р. Сесила, управлялась автократическими индийскими режимами: имелись в виду индийские княжества, входившие в районы с системой косвенного управления в Индии. Другая часть Индии, по оценке Р. Сесила, управлялась с использованием принципов демократии. Очевидно, речь шла о реформе 1919 года, предоставившей ограниченные избирательные и политические права индийцам. В оценке ближайшего будущего Индии Р. Сесил был категоричен: Великобритания считала, что нельзя пока отказаться от колониального управления. В тоже время Р. Сесил отметил, что невключение Индии в Лигу Наций нанесет удар по чувствам индийцев, которые надеялись на изменение статуса Индии после войны. Р. Сесил заверил участников переговоров в том, что правительство Великобритании предприняло усилия по подготовке Индии к самоуправлению [19, р. 164-165.].

В. Вильсон согласился с трудностями определения термина «самоуправление» и заявил, что он восхищен Индией и искренне желает, чтобы ее приняли в Лигу Наций. «Тем не менее, – продолжал президент США, – общее впечатление мирового сообщества заключается в том, что Индия не является самоуправляющимся государством» [19, p.164-165.]. В.Вильсон отметил также, что если принимать Индию, то следует распространить это правило и на другие страны, например, принять в Лигу Филиппины, которые находились под контролем США [19, p.164-165.]. Представители США на конференции в Париже рассматривали создание ЛН как возможность предупреждения международных конфликтов и войн, а также усиления роли США в мире. В Вашингтоне не могли согласиться с тем, что при голосовании в организации по важным вопросам США оставались бы в меньшинстве против шести представителей Британской империи. В Лондоне на это отвечали, что Британская империя в ЛН была единой, что США не могли вступить в войну с какой-то ее частью, и что Великобритания и доминионы автоматически были бы лишены права голоса в любом споре между любым из них и Соединенными Штатами [26, p.143].

Против участия Индии в Лиге Наций высказалась, руководствуясь теми же соображениями безопасности, и французская делегация. Представители Франции на переговорах справедливо увидели в стремлении безоговорочно включить Индию в Лигу попытку увеличить количество представителей Британской империи до шести: Британская империя, Австралия, Индия, Канада, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз (ЮАС). Франция имела бы только одного представителя в Лиге. Во французской прессе появились в это время предложения увеличить представительство Франции в международной организации за счет включения Марокко, Алжира и других колоний [24, p. 14.].

В дискуссию по поводу судьбы Индии в Лиге Наций вступил на мирной конференции энергичный приверженец создания ЛН Я.Х. Смэтс, член военного кабинета Великобритании и представитель Южно-Африканского Союза. Он заявил, что не обязательно обсуждать детально проблему принятия Индии в Лигу, так как эта страна может стать членом международной организации, если она подпишет Версальский мирный договор, который включал бы Устав Лиги Наций [19, p.166]. После продолжения обсуждения В. Вильсон согласился с формулой присоединения Индии к ЛН, предложенной Я.Х. Смэтсом.

Таким образом, подписав Версальский мирный договор, Индия стала полноправным членом Лиги Наций без оговорок и предварительных условий. Увеличение представителей Британской империи до шести в Ассамблее Лиги – главном органе, собиравшемся ежегодно, должно было демонстрировать ее могущество. Однако, поскольку все решения на Ассамблее и в других органах Лиги Наций принимались по важнейшим вопросам только по правилу консенсуса, то есть единогласно, количественное увеличение голосов для Британской империи не всегда могло иметь решающее значение и оказывать влияние на ход голосования. Вместе с тем Великобритания, несомненно, получила преимущество, так как появилась возможность увеличить количество опытных английских дипломатов, а также работников в международном секретариате ЛН, направляемых в Женеву в качестве представителей Индии и доминионов. Например, Р. Сесил присутствовал на первых ассамблеях Лиги в качестве представителя ЮАС [См.: 11,12].

Присоединение Индии к Лиге Наций, помимо упрочения позиций империи в международной организации, подразумевало и укрепление авторитета английских властей в колонии. Деятельность ИНК, появление М.К. Ганди в качестве его лидера, усиление массового национального антибританского движения заставило в 1919 году искать новые пути поддержания престижа британского присутствия в Индии. Английские власти явно стремились использовать существование в Индии довольно большой группы элиты, пользовавшихся определенным

влиянием и авторитетом (князья, заминдары, предприниматели, чиновники, журналисты и ученые) и высказывавшихся положительно в отношении участия страны в ЛН.

Однако существовало еще одно препятствие внутреннего порядка: будучи колонией Великобритании, Индия не имела своей дипломатической службы и международного статуса. Устав Лиги требовал, чтобы страны-участницы были представлены полномочными представителями: послами или министрами иностранных дел. Тем не менее, комиссия по созданию Лиги Наций приняла 28 марта 1919 года решение о включении Индии в состав государств-учредителей международной организации [20, p.261]. Р. Сесил при этом добился дополнительных поправок к документам, в результате одобрения которых Индия и британские доминионы могли быть представлены в руководящем органе международной организации: Совете Лиги Наций. По первоначальному проекту, как известно, в этом органе могли быть представлены только независимые государства [19, p.492-493.].

Появление в 1920 году индийской делегации, возглавляемой, правда, британскими чиновниками, на Ассамблее Лиги Наций в Женеве не прошло незамеченным. Пресса поместила комментарии о том, что представители Индии принимали участие почти во всех дискуссиях на ассамблее и в комитетах и комиссиях [23]. Вместе с тем внимание общественного мнения Европы вновь было привлечено к противоречивому положению Индии, народ которой, как казалось, участвовал в мировой политике, но не имел суверенитета.

Индийские делегаты на ассамблеях Лиги Наций, как правило, состояли из трех-четырёх человек. Одним из делегатов обязательно был раджа одного из княжеств. В составе делегации находили место и для представителя мусульманской части населения Индии. До 10-ой Ассамблеи ЛН (сентябрь 1929 года) делегации Индии возглавляли английские дипломаты. По два раза за это десятилетие главами делегаций были верховный комиссар Индии В.С. Мейтер и лорд Литтман [24, p.312-313.]. В состав делегаций приглашались и неофициальные представители из индийцев, в основном это были члены выборных легислатур, созданных в Индии по реформе 1919 года.

Индийские делегаты избирались в комиссии и комитеты ассамблей Лиги. На 4-ой Ассамблее (1923) индийский делегат махараджа Наванагар был избран председателем 2-го комитета [13, p. 7.].

Участие Индии в ЛН упоминалось в работах российских историков в негативном плане. Например, В.К. Поддубный, рассматривая внешнеполитические взгляды М.К. Ганди, отмечал, что «Ганди был против амбиций англо-индийских политиков, лелеявших надежду на достижение Индией статуса доминиона через инструмент Лиги Наций» [5, с.12.]. Противоречивыми оценками участия Индии в ЛН заполнены страницы книг индийских и английских авторов. Например, К.М. Паниккар говорил: «Можно с полным правом утверждать, что в период между двумя мировыми войнами Индия стала играть заметную роль на международной арене» [4, с. 316]. В качестве главного признака увеличения международной роли Индии К.М. Паниккар упоминал подписание Версальского мирного договора и появление индийских делегаций в Женеве на заседаниях Лиги Наций и многочисленных конференциях.

Одним из самых известных представителей Индии в Лиге Наций стал в 1930-х годах Ага Хан III. Похоже, что британские дипломаты и чиновники полностью ему доверяли. Ага Хан принадлежал к особой группе мусульманской аристократии. Потомок рода пророка Мохаммада, он возглавлял по наследству одну из самых известных мусульманских сект – секту мусульман-шиитов исмаилитов, члены которой проживали не только в Индии. О богатстве исмаилитских имамов ходили легенды. Окруженный атмосферой роскоши с детства, Ага Хан получил хорошее образование. Его богатство и связи открыли ему двери многих салонов и аристократических домов в Великобритании и других странах Европы. Ага Хан много путешествовал,

приобретая необходимый международный опыт. Англичане не раз прибегали к его услугам в качестве посредника или исполнителя довольно деликатных дипломатически миссий. В начале первой мировой войны его направили в Каир с целью провести переговоры о возможном нейтралитете Турции в войне на стороне Германии. Эта миссия Ага Хана была неудачной. На Парижской мирной конференции он был включен в делегацию Индии, которая подписала Версальский мирный договор и, следовательно, Устав Лиги Наций. Ага Хан появился в Женеве в 1932 году. К этому времени он поселился на юге Франции и среди его близких друзей был С. Хор, занимавший пост главы отдела Индии в министерстве иностранных дел Великобритании. С. Хор, который должен был возглавить делегацию Индии, и пригласил Ага Хана принять участие в работе Женевской конференции ЛН по разоружению. В своих мемуарах Ага Хан жаловался на «могущественных» британских бюрократов из Индийской гражданской службы, которые «не имели ни желания, ни способности оценить по достоинству такого, как я, человека, с независимыми взглядами, обладавшего опытом решения многих проблем», и поэтому не дававшим ему никакого дипломатического поста до вмешательства С. Хора [18, p. 250.]. К числу своих достижений на конференции по разоружению в Женеве Ага Хан причислил установление неформальных контактов с народным комиссаром по иностранным делам СССР М.М. Литвиновым. Как вспоминал Ага Хан, он первым «сломав лед» и организовал обед в честь М.М. Литвинова. С этого момента они дружили, и Ага Хан много раз помогал устраивать встречи М.М. Литвинова с представителями британской дипломатии в Женеве [18, p.52.]. В 1934 году на 15-ой Ассамблее Лиги Наций Ага Хан, уже будучи главой индийской делегации, был избран вице-председателем Ассамблеи [16, p.23.], а в 1937 году его единогласно избрали председателем 18-ой Ассамблеи Лиги Наций [17, p.10.]. В Лиге считали, что это было признанием роли Индии в мировых делах.

В содержании выступлений индийских представителей на Ассамблеях и конференциях Лиги проявилось реальное отношение к международной организации. Вопросы, которые поднимали на заседаниях ассамблей ЛН индийские представители, большим разнообразием не отличались, в основном это были проблемы протокола и повестки дня. Можно отметить два вопроса, которые были почти постоянно в центре внимания индийцев и англичан, «представлявших» интересы Индии в Лиге. Первый – проблемы финансов и бюджета Лиги. На первой Ассамблее махараджа Наванагар предложил создать комитет экспертов для анализа финансов Лиги Наций. С этого момента делегация Индии стала лидировать в предложениях по вопросам бюджета ЛН. Этот феномен можно легко понять и объяснить. Индия, участвуя в Лиге, несла значительные финансовые расходы из своего колониального бюджета. Деньги шли, как считали многие политические деятели Индии, в фонд организации, которая уделяла мало внимания самой Индии. Представители Британской Индии довольно быстро сформулировали суть этой диспропорции, и в своих выступлениях требовали сокращения платежей в бюджет Лиги Наций. Известно выступление лорда Литтона по этому вопросу на 9-ой Ассамблее Лиги. Он отметил, что Индия испытывает трудности. В стране существовало мнение о том, что деньги, направляемые в Женеву, отвлекаются от социальных программ и что Лига не приносит пользы восточным странам, а лишь укрепляет европейские страны за счет народов других континентов. Литтон призвал Ассамблею активизировать работу Лиги на Востоке как можно скорее [14, p.188]. В результате Лига Наций, казалось, действительно стала больше внимания уделять Индии и другим восточным странам. В период мирового экономического кризиса в Индию была направлена комиссия экспертов, которая подготовила рекомендации для правительства [См.: 10]. По мере приема в Лигу Наций новых членов, увеличения бюджета за их счет, прежде всего СССР, возникли условия для сокращения ежегодных платежей, и в 1934 году отчисления Индии были сокращены [24, p.131-132.].

Упреки в том, что Лига Наций занималась только европейскими делами, продолжали звучать из уст индийских представителей. Ага Хан вспоминал, что за две недели до начала агрессии Италии в Эфиопии он говорил на заседании Ассамблеи Лиги Наций: «Индия обеспокоена отсутствием универсализма в Лиге Наций и большим предпочтением во внимании Лиги в отношении Европы и европейских интересов» [18, p.257.]. Ага Хан, судя по всему, был прав, и события итало-эфиопской войны это подтвердили еще раз, когда член Лиги Наций, Эфиопия, осталась, по существу, без реальной защиты ЛН от агрессии.

Вторая проблема, которая волновала представителей колониальной Индии и заставляла их использовать трибуну международной организации – борьба против расовой дискриминации. Выступления индийцев, выдержанные в умеренных тонах, вызвали раздражение у английских колониальных властей. На 1-ой Ассамблее член индийской делегации Али Иман выступил с протестом против дискриминации стран Востока и потребовал равных для всех стран прав при выборах руководящих органов Лиги Наций [10, p.73.]. Особый интерес у индийских делегатов в связи с проблемой равноправия всех стран вызывала судьба подмандатных территорий. На 1-ой Ассамблее в 1920 году индийцы поддержали принцип равноправия и равного доступа в подмандатные территории всех членов Лиги [24, p.142.]. Естественно, их внимание было обращено прежде всего на те подмандатные страны, в которых уже была значительная индийская диаспора. Индийские делегаты в Лиге считали, например, что политика интеграции Юго-Западной Африки (ЮЗА) с Южно-Африканским Союзом (ЮАС) приведет к ухудшению положения индийцев, проживавших в Южной Африке. На 2-ой Ассамблее Лиги Наций индийский делегат С. Шастри заявил, имея в виду положение в ЮАС, что в подмандатных территориях пытаются ввести «цветной барьер», которого не было в период немецкого правления, по мнению С.Шастри, в ЮЗА. Он обратился к Лиге Наций и к делегациям доминионов с призывом исправить положение [11, p.216.]. Речь С.Шастри привлекла внимание международной общественности в связи с тем, что в ней, по существу, впервые в истории международной организации из уст индийца прозвучала критика расистских порядков в ЮАС. На 3-ей Ассамблее Лиги Наций вновь обсуждался вопрос о расизме в подмандатных территориях. Индийских делегатов поддержал представитель Норвегии в Лиге Ф. Нансен. Он выступил с критикой концепции премьер-министра ЮАС Я.Х. Смэтса, согласно которой подмандатные территории могли быть постепенно аннексированы странами, ими управлявшими [12, p.154-155.]. Критика расизма индийской делегацией не прошла незамеченной. На имперской конференции 1923 года в Лондоне было принято решение не поднимать публично в Лиге Наций вопросы, касающиеся внутри имперских споров. С этого момента никто из делегатов Индии в Лиге не смел критиковать расизм в ЮАС.

Участие Индии в Лиге Наций расширило сферу международных связей колонии. Британская Индия стала членом Международной организации труда, Международного суда, Международного комитета интеллектуального сотрудничества. Активизация международных связей заставила колониальные власти привлекать больше индийцев в сферу дипломатии. Индийские консульства появились в Афганистане, Непале, Тибете, Персии, арабских странах. Индия направила своих торговых представителей в Гамбург, Александрию и Занзибар [24, p.35.]. Начиная с 1927 года, Индия получила право заключать самостоятельные торговые соглашения с другими государствами. В межвоенный период шел процесс увеличения индийской торговли со странами, не входившими в Британское содружество. В 1935 году на указанную группу стран приходилось 54 % индийского экспорта и 51 % импорта [8, p.194.]. По свидетельству очевидцев, данная структура торговли находила свое отражение на сельских базарах в индийской глубинке, где дешевые товары из Чехословакии и Японии соседствовали с вещами, произведенными в Манчестере или Бомбее [8, p.194.].

Однако новая внешнеполитическая деятельность правительства Британской Индии была ограничена рамками колониальной идеологии и политики. Не случайно дипломат и исследователь истории Лиги Наций Ф. Уолтерс говорил, что «голос Индии исходил многие годы не из огромных пространств субконтинента, а из пыльных коридоров Уайтхолла» [25, р.117.]. Британская дипломатия стремилась контролировать индийских представителей в Лиге и держать их в фарватере английской политики. Например, на 12-ой Ассамблее индеец Б.Л. Миттер говорил о чувстве сострадания и поддержки Китая в войне с Японией в Манчжурии (1931). Однако дальше дело не пошло: никакой позитивной программы индийская делегация не предложила [16, р.43.]. В октябре 1935 г. началась война Италии против Эфиопии. Представители нескольких стран выступили с трибуны Лиги с осуждением агрессии Италии, а делегация Индии хранила молчание на заседании Ассамблеи, посвященном конфликту в Африке [25, р.650], и лишь позднее Ага Хан написал в мемуарах о своем осуждении Италии. Все это свидетельствовало о несамостоятельности дипломатии Дели в Лиге Наций и зависимости ее шагов от Лондона.

В связи с перечисленными выше фактами не выглядят случайными противоречивые оценки участия Индии в Лиге Наций, высказанные известными индийскими политиками того времени. Один из лидеров индийского национального движения, Б.Г. Тилак, направил в 1918 году письмо председателю Парижской мирной конференции Ж. Клемансо. В своем послании Б.Г. Тилак доказывал, что Индия с ее огромным населением и ресурсами может стать ведущей державой Азии и помощником Лиги Наций на Востоке [24, р.270.]. Однако вскоре энтузиазм индийцев в отношении Лиги стал снижаться. Большинство индийских националистов считало Лигу Наций организацией, далекой от проблем Азии и Индии. Общественное мнение Индии справедливо указывало на то, что Лигу интересуют, в основном, дела Европы. В этих условиях Индийский национальный конгресс (ИНК), ведущая политическая организация национальной оппозиции в Индии, выступил с критикой деятельности Лиги Наций. Можно сослаться на авторитетное мнение Д. Неру: «Пока она (Лига Наций, - А.Х.) существует недолго, но тем не менее вполне достаточно, чтобы полностью себя дискредитировать... Она представляет собой орудие в руках великих держав, и особенно Англии и Франции. Ее главнейшая функция – поддержание статус-кво, то есть существующего порядка» [3, с.61.]. По оценке Д. Неру, в Лиге прибегали к красивым словам и фразам. Вместе с тем он указывал, что виновата в этом все не ЛН, а все дело в системе, с которой ей приходится мириться [3, с.61].

Признанный лидер индийского национально-освободительного движения М.К. Ганди всегда скептически высказывался о Лиге Наций. Его сподвижники не раз предлагали ему обратиться в Лигу за поддержкой, он неизменно отвечал отказом. Так, например, еще в 1920 году, когда решался вопрос о выдаче мандатов Лиги на управление бывшими колониями Германии и Османской империи, М.К. Ганди попросили послать в Лигу Наций телеграмму с выражением протеста против предоставления Франции мандата на управление Сирией. М.К. Ганди отказался, объяснив это тем, что он не является оптимистом в отношении Лиги [6, р.106-107]. Многие в Индии разделяли эти взгляды и считали, что Лига Наций не сможет решить проблемы угнетенных народов. В 1924 году М.К. Ганди предложил создать «Дружественную федерацию полностью независимых государств» [22, р.78.]. Позднее он одобрительно высказывался в отношении создания «мирового Правительства». Ганди считал, что мировое правительство не должно было вмешиваться во внутренние дела независимых государств, не должно быть похожим на Лигу Наций [22, р.79]. В 1931 году М.К.Ганди посетил Женеву и свое пребывание здесь использовал для критики Лиги Наций за отсутствие эффективной помощи в поддержании мира, посоветовав ЛН сменить ее тактику на тактику сатяграхи, ненасильственного морального сопротивления, которую ИНК применял в борьбе за по-

литическую независимость Индии [22, p.80]. Оценка Лиги Наций М.К. Ганди, как и его взгляды на международную организацию, отличались утопизмом, однако он справедливо упрекал Лигу в низкой политической эффективности и слабости использования морального фактора.

Субхас Чандра Бос был в 1920-1930-х одним из самых почитаемых лидеров борьбы за независимость Индии, наряду с М. Ганди и Д. Неру. Вместе с тем современные оценки деятельности Боса выглядят противоречивыми. С одной стороны, его сторонники до сих пор добавляют к имени Боса определение «нетаджи» (вождь), а с другой, он запятнал себя сотрудничеством с нацистами и японскими милитаристами во время Второй мировой войны. После смерти Боса его высказывания 1933-1937 гг. о Европе и мире были собраны в особый том и опубликованы в 1947. Бос признавал важность международных конференций и контактов, особенно, в области экономики. Вместе с тем он подчеркивал противоречивость представительства Индии на этих форумах. «Англия относится к Индии как к своей провинции в вопросе подбора представителей, но поскольку Индия является членом Лиги Наций, у нее есть право требовать, чтобы ее представители были действительными представителями народа, а не назначенными правительством» [9, p.144]. Бос полагал, что ЛН – это место, где различные неевропейские страны стараются заявить о себе в мире, продемонстрировать из Женевы свою пропаганду Старому миру, Европе. Бос заявлял о необходимости широкой индийской пропаганды: «Индийская пропаганда за рубежом – абсолютно необходима для прогресса Индии». [9, p.148]. «Из азиатских стран наиболее активную пропаганду за рубежом ведет сейчас Китай. Новый мир в основном относится безразлично к пропаганде в Старом мире... Я верю, что Лига Наций сейчас помогает соединить (to bridge) Берега Атлантического океана. В 1934, когда я был в Женеве, я познакомился с несколькими представителями Южной Америки, и я понял, что даже страны Латинской Америки озабочены и готовы вести пропаганду в Европе», – приводил примеры С.Ч. Бос. [9, p.151]. Бос доказывал своим сторонникам: «Мы имеем полное право мобилизовать всемирную поддержку нашего дела... поскольку само британское правительство поддержало участие Индии в Лиге Наций, а это в свою очередь подразумевает, что Индия является вполне оперившейся нацией» [9, p.158]. Летом 1935 года С.Ч. Бос пишет достаточно резкий пресс-релиз о выходе Индии из Лиги Наций: «В Женеве имеется институт под названием Лига Наций, о деятельности которого мы мало осведомлены, но бедная Индия выплачивает на его поддержку каждый год 1 666 205 золотых франков». [9, p.172]. Бос задает вопрос, а что Индия получает от Лиги Наций? Ответ, по его мнению, неутешительный: преимущества, которые она получает, практически равны нулю, потому что Индия неизменно представлена британцами или «денационализированными» индийцами. Следующий вопрос С.Ч. Боса звучит жестко, как ультиматум: «В свете этих фактов, я задаю вопрос моим соотечественникам, стоит ли Индии поддерживать своими скудными ресурсами этого Белого Слона в Женеве?» [9, p.174]. Индия, по мнению Боса, должна покинуть Лигу, как это ранее сделали Коста Рика (1924), Бразилия (1926), Япония и Германия (1933) [9, p.174].

Наряду с отрицательным отношением к Лиге Наций в Индии формировалось и сочувствие к ней у части интеллигенции и умеренных и некоторых радикальных политиков. Наибольшую поддержку ЛН выражали Д.К. Баннерджи, Э. Безант, Ага Хан, Б.Г. Тилак. Интересно, что в этот список попал и радикальный политик, лидер «крайних», Тилак. Один из известных руководителей ИНК В.Б. Патель заявил в 1930 году, что «влияние Индии всегда будет зависеть от Лиги Наций, которая является реальной и мощной силой для установления во всем мире принципов справедливости и самоопределения» [Цит. по : 24, p. 279.].

Таким образом, присоединение Индии к ЛН было весьма противоречивым явлением мирового порядка между двумя мировыми войнами. Гибридность международного положения Британской Индии в контексте участия в деятельности Лиги Наций проявилась в нескольких

направлениях. Первое направление – это само представительство в Лиге Наций, запутанное неясным статусом правителей княжеств, репрезентированных как независимые правители и часто делегируемых в Женеву. Участие князей в работе ЛН характеризует в большой степени, за исключением некоторых вопросов, тактика «дипломатического молчания». Второе направление связано с организацией власти в Индии: «административная исключительность». В Лиге Наций только для Индии было сделано исключение, и только ее признали в Женеве самоуправляющейся колонией, хотя это было далеко не так на самом деле. Третье направление – это существенное противоречие между внутренним положением и международным статусом Индии. Внутри Индии бурлили национальные протестные движения, которые были полностью противоположны образу страны, представленной в Женеве. Участие в ЛН провоцировало новые вопросы о статусе Индии. Какую часть территории представляли в Женеве княжества? Что собой представляло косвенное управление и насколько оно было суверенным? Какую часть населения Индии представляли князья в международных отношениях? Присоединение и участие Индии в ЛН так и не прояснило эти международно-правовые вопросы. Гибридный «интернационализм», появившийся в Женеве, так и остался большой загадкой. Тем не менее, опыт Индии в Лиге расширил мировоззрение нового поколения индийцев, и открыл апробирование дипломатической деятельности в глобальном мире.

Библиографический список

1. Илюхина, Р.М. Лига наций. 1919-1934. - М.: Наука, 1982. 356 с.
2. Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 2. М.: Иностран. лит., 1957. 556 с.
3. Неру, Д. Взгляд на всемирную историю. Т. 3. М.: Прогресс, 1981. 453 с.
4. Паниккар, К.М. Очерк истории Индии / Под ред. К.А. Антоновой. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1961. 341 с.
5. Поддубный, В.К. Внешнеполитические взгляды М.К. Ганди: Автореф. дис. канд. ист. наук. - М., 1979.
6. Facets of Gandhian Thought/Ed. by J.S.Mathur. Ahmedabad: Navajivan Publishing House, 1975. 126 p.
7. The Great Powers in the Middle East, 1919-1939. N.Y.-L.: Yolmes & Meier, 1988. 489 p.
8. Griffiths, P.J. The British in India. L.: Robert Hale Ltd., 1946. 222 p.
9. Impressions in Life. By Netaji Sudhas Chanrda Bose. Lahore: Hero Publications, 1947. 357 p.
10. League of Nations. C.397.M.159.131.N.A. A scheme for the Economic Advisory Organization in India. Delhi, 1931.
11. League of Nations. Records of the 1-st Assembly. Geneva, 1920.
12. League of Nations. Records of the 2-nd Assembly. Geneva, 1921.
13. League of Nations. Records of the 4-th Assembly. Geneva, 1923.
14. League of Nations. Records of the 9-th Assembly. Geneva, 1928.
15. League of Nations. Records of the 12-th Assembly. Geneva, 1931.
16. League of Nations. Records of the 14-th Assembly. Geneva, 1934.
17. League of Nations. Records of the 18-th Assembly. Geneva, 1937.
18. The Memoirs of Aga Khan. World Enough and Time. N.Y.: Simon and Schuster, 1954. 367 p.
19. Miller, D.H. The Drafting of the Covenant. Vol. 1. N.Y.-L.: G.P. Putnam's Sons, 1928. 555 p.
20. Miller, D.H. The Drafting of the Covenant. Vol. 2. N.Y.-L.: G.P. Putnam's Sons, 1928. 857 p.
21. Porter, B. The Lion's Share a Short History of British Imperialism, 1850–2004. Harlow: Pearson Education Limited, 2004. 497 p.
22. Power, F.P. Ganhi on World Affairs. L.: Gerage Allen & Unwin Ltd., 1961. 166 p.
23. The Times. L. 1920. October 6.
24. Verma, D.N. India and the League of Nations. Patha: Bharati Bhawan, 1968. 350 p.
25. Walters, F.P. A History of the League of Nations. Oxford: Oxford University Press, 1969. 831 p.

26. Yearwood, P. *Guarantee of Peace: The League of Nations in British Policy 1914–1925*. Oxford: Oxford University Press, 2009. 419 p.

Сведения об авторе:

Ходнев Александр Сергеевич – доктор исторических наук, профессор Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, Ярославль; *khodnev@yandex.ru*

УДК 9.94(4)

А.А. Турыгин, Л.В. Хабимова

ПРИЗРАК 1866 ГОДА И ОБРАЗОВАНИЕ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация: В статье речь идёт о дискуссиях вокруг даты основания Германской империи (Второго рейха). Дается обзор основных направлений историографии и трудов историков, посвященных процессу объединения Германии. Отмечая незавершенный характер дискуссий об объединении рейха, в качестве главных факторов последовательно рассматриваются роль личности Бисмарка, создание Северогерманского союза, австро-прусская война 1866 года, политика собирания сил и др. Проблематизируется тезис о «внутреннем объединении рейха» с учётом мнений историков и основных историографических подходов.

Ключевые слова: рейх, политика собирания сил, объединение Германии, Северогерманский союз, австро-прусская война 1866 года, историография, Бисмарк, рейхстаг, дискуссии.

Alexander A. Turygin Larisa V. Khabibova. Ghost of 1866 and formation of the German empire

Abstract: The paper discusses around the date of foundation of the German empire (The Second Reich). The review of the main directions of historiography and the works of the historians related to the process of the reunification of Germany has been given. Noting the incomplete nature of the discourse in regard to the association of Reich, as the main factors, the role of Bismarck, the foundation of the Northern German union, Austro-Prussian war of 1866, the policy of collecting forces, etc. have been thoroughly considered. The author of the article investigates the thesis about "internal association of Reich" taking into account opinions of historians and the main historiographic approaches.

Keywords: Reich, policy of collecting of forces, reunification of Germany, North German union, Austro-Prussian war of 1866, historiography, Bismarck, Reichstag, discussions.

Дата основания Германской империи, так называемого «Второго рейха», около века не подвергалась сомнениям, отражаясь в трудах историков в качестве очередной значимой вехи многовековой истории германского народа, словно запечатленный в памяти блик со стен Зеркальной галереи Версальского дворца. По степени положительного влияния на немецкое общество, подъему патриотических чувств и национальной гордости, с датой основания империи - «18 января 1871 года» - могло сравниться лишь случившееся более чем веком позже воссоединение страны. Так или иначе, с победой над внутренними и внешними врагами объединение немцев с целью преодоления средневековой отсталости и партикуляризма как миссии национально-патриотических движений 40-х годов XIX века в Австрии и Германии, в полной мере не состоялось, поскольку немецкоговорящие австрийцы оказались исключенными из проекта объединения канцлера Бисмарка. Именно война с Австрией 1866 года кажется исключением из общего правила, так как после прусско-датской войны 1864 года и франко-прусской войны 1870-1871 годов к рейху были присоединены территории с немецким населением. Несмотря на значение австро-прусской войны 1866 года в истории объединения, сами участники очень скоро попытались забыть о ней. Это мнение было высказано Хилмаром Заком в одной из статей 2016 года, опубликованной по случаю празднования 150-летнего юбилея битвы при Кёниггреце [13]. Битва при Кёниггреце стала самым крупным сражением войны между Пруссией и Австрией, определившим её итоги. О сражении, да и самой войне благополучно попытались забыть обе стороны, так как Пруссия вскоре приступила к написанию своей собственной малогерманской истории, намеренно упуская из виду, что долгое время немецкие территории находились под управлением австрийских Габсбургов. Сами австрийцы воспринимали Кёниггрец и поражение в войне с Пруссией очень болезненно, понеся в ней большие потери (в силу тактических

ошибок и военно-технического отставания от Пруссии, на вооружении которой состояла знаменитая нарезная винтовка Дрейзе). Значение войны, которая положила конец долгому австро-прусскому противостоянию [2], едва ли трудно переоценить еще и потому, что уже современники восприняли её как *casca il mondo*, ознаменовав «победу нового над старым». Таким образом, в связи с исключением из объединительного процесса австрийских немцев возникает вопрос: была ли дата «1871» триумфальным итогом движения за объединение или объединение немцев состоялось раньше, в 1866 году, по плану, в основе которого лежала не идея всенемецкого единства, а другая идея, возможно, экспансия Пруссии и создание государства нового типа, не отягощенного прошлым?

В годы старой империи и в период вильгельминизма немецкие и частично австрийские историки, пребывая в воодушевлении и испытывая чувство национальной гордости за состоявшееся объединение немцев, апологетически оценивали Бисмарка и результат его политики (Трейчке, Зибель, Фриджунг). В своих трудах, на основании источников и собственных мнений, они рисовали картину возрождения могущества средневекового рейха, интересуясь ответами на вопрос «Как?» больше, чем ответами на вопрос «Почему?». Лишь в 30-е годы XX века спустя два десятилетия после распада империй и установления республики в Австрии и Германии австрийский историк Генрих Риттер фон Зрбик (1878-1951) инициировал широкую дискуссию, которая вышла за рамки традиционных интерпретаций объединения по великогерманскому и малогерманскому проектам. В четырехтомном издании «Немецкого единства. Идея и действительность священного рейха до Кёнигрца» [14] историк одним из первых проблематизировал понятия «пространство» и «народ». Хотя дискуссия оказалась явно политизированной, развернувшись в интересах национал-социалистического режима с оправданием аннексионистской политики, она позволила выйти за привычные рамки политических решений в деле объединения немцев.

Первые попытки переосмыслить дату основания империи стали возникать к середине XX века на фоне кризиса идеи национального государства и начавшегося методологического поиска, охватившего европейскую историографию. Традиционные интерпретации объединения рейха, связывавшие его с подъемом национализма и прусского милитаризма, стали дополняться осторожными оценками из сравнительно-исторической перспективы. Изображая Бисмарка в качестве одного из величайших и последних представителей старой школы государственного управления (*Staatsräson*), поставившей национализм в зависимость от государственных интересов, историк Франц Шнабель (1887-1966) последовательно доказывает тезис о талантливом исполнении канцлером принципа «политики власти» (*Machtpolitik*), заложенного еще Фридрихом Великим, вопреки «духу времени», новым реалиям, когда национализм выходил из-под контроля государства [15]. Если бы Бисмарк не прибегнул к «старым методам и старым целям», имея в виду войну, «единение центрально- и восточноевропейских народов фактически оказалось бы возможным», создав условия для высвобождения их сил и энергии на новой, федеративной основе. Применение военных методов, как часть проекта объединения немцев «сверху», по мнению Н.Ю. Харламова, сделало невозможным завершение естественного процесса объединения, инициированного национально-патриотическим движением в Австрии и Германии. Полагая тем не менее, что насилие в процессе объединения исключить полностью невозможно, исследователь считает, что «насилие должно исходить от народа», что «путем революции снизу к Германии присоединятся и немецкие провинции Австрии» [3, с. 83].

Оппонентом Шнабеля стал Герхард Риттер (1888-1967), который подверг сомнению тезис о возможности создания нового государства на федеративной основе без войны с Австрией, отметив, что «на фоне внешнеполитического давления и растущей внутривнутриполитической

силы в лице национального движения не существовало альтернатив малогерманскому проекту объединения» [12]. Это мнение развивает российский исследователь австро-прусского дуализма Г.С. Рагозин, полагая, что «нарастающий кризис устройства Австрийской империи и её невозможность удержать под контролем институты Германского союза, а также усиление центробежных тенденций среди негерманских народов, сделали возможным перехват инициативы Пруссией» [2, с. 18].

Послевоенные дискуссии об истории основания Германской империи развивались под влиянием ряда факторов: во-первых, австрийская историография приняла факт существования республики с 1919 года, возродившейся после 1945 года отдельно и независимо от Германии, исключив прежние попытки связать свою историю с одним немецким государством; во-вторых, историография обеих стран отказалась от предельной концентрации на политике Австрии и Пруссии, рассматривая свободу и альтернативность действий в конкретных ситуациях всех субъектов процесса объединения (Бавария, Баден, Гессен); в-третьих, процесс объединения все реже соотносился с действиями отдельных политиков, чаще рассматриваясь в контексте структурных изменений (общеевропейская политика, национальные движения, коллективное мышление, индустриальная революция и таможенные союзы).

Анализируя события 1866 года в контексте структурных изменений, увлечение которыми было характерно для немецкой историографии в 1960-70-е годы, историк Г.-У. Велер (1931-2014) приходит к пониманию четырех возможных альтернатив объединению Германии: 1) Создание государства на основе федеративного конституционного устройства Германского союза; 2) Великогерманский проект объединения с включением ненемецких территорий Габсбургов; 3) Объединение, исходящее от «Третьей Германии», по другую сторону от Австрии и Пруссии; 4) Малогерманский вариант объединения под руководством Пруссии. Первые три альтернативы рухнули под влиянием политических реалий: изменений общеевропейского политического стиля от хоровода властей к политике власти, что постоянно обостряло соперничество между Пруссией и Австрией; растущее национальное движение, которое не хотело признавать никаких других решений, кроме компактных национальных; непримиримая политика Австрии, которая слишком долго делала ставку на репрессии; разобщенность «Третьей Германии» и не в последнюю очередь политических действий Бисмарка, которые, «не учли прямо противоположных принципов национал-либеральных или национал-консервативных сил, а были направлены исключительно на практическую выгоду». Так в конце осталось только малогерманское решение, которое благодаря Бисмарку и способствующим ему обстоятельствам, приняло такую форму, которую в конце 1850-х годов еще нельзя было предсказать [17, S. 331-335].

Изменения, происшедшие в немецкой историографии во второй половине XX века, поставившие под сомнение традиционное историописание с его акцентами на политической истории, заново проблематизировали роль человека в истории: обращение к событийности в истории, индивидуальным переживаниям, культурным контекстам, определявшим образ мыслей и поведение. Антропологический поворот 1980-х годов вновь актуализировал дискуссии о событиях 1866 года и возможных альтернативах создания рейха. На их начало повлияла статья Карла Дитриха Эрдмана (1910-1990) «Три государства, две нации, один народ?» о национальном самоопределении и исторических корнях австрийской государственности [6].

Попытку учесть все возможные факторы и современные методологические подходы сделал Лотар Галл (род. 1936 г.) в своей политической биографии Бисмарка. Изобразив канцлера как «человека времени», учитывавшего тенденции жизни и способствовавшего их «прорыву», связав его политику с процессами внутри страны и влиянием институциональных

факторов, Галл, тем не менее, не исключил роли случая и везения в судьбе и политической деятельности Бисмарка [7, S. 401].

Влияние национально-политического движения на процесс объединения обстоятельно изучили Дитер Лангевише (род. 1943) и Генрих Лутц (1922-1986). Лангевише выдвинул гипотезу о том, что начинающиеся снизу процессы образования нации подготовили политические решения 1860-х годов. Поскольку габсбургская монархия последовательно подавляла национальное движение, ставшее организованным и массовым со значительным опозданием, по сути, не нашлось других альтернатив, чем уступить последовательной прусской экспансии [8]. По мнению историка, «к 1870-му году в Германии победила не национальная мысль в полном смысле, со всей полнотой своих демократических возможностей и наднациональных альтернатив, а недалекий национализм, использованный в интересах прусской элиты, затруднявший или буквально блокировавший развитие баланса сил внутри и снаружи» [10].

Тенденция к пересмотру возможностей Бисмарка, характерная для современной немецкой историографии, позволяет видеть в образовании Германской империи силами прусской монархии исключительную альтернативу. По мнению А. Бифанга и К. Янсена, у национал-либералов существовала собственная стратегия объединения, и тот факт, что в 1860-е годы они не достигли своих целей, вовсе не означает, что первоначально таковые не имели шансов на успех. «Если бы национальное конституционное движение, в котором доминировали либералы со своей стратегией, достигло бы успеха, - полагает Бифанг, - то образование немецкого государства прошло бы не менее кровопролитно» [4, S. 435].

Что касается понятия «основание империи», то под ним следует подразумевать, как совокупность внешне- и внутривнутриполитических противоречий, приведших путем нескольких войн к созданию кайзеровского рейха, так и формальный акт провозглашения. Оно может означать формирование управляемой политической и экономической единицы, которое продолжалось со времени основания Северогерманского союза и к концу 1870-х годов ещё не завершилось, а также описывать длительный отрезок времени, необходимый для того, чтобы закрепить империю в сознании её жителей, чтобы сделать её ощутимой и формирующей идентичность единицей, выходящей за рамки локальной принадлежности. Исследования долго были сконцентрированы на первом значении, пытаясь понять причины, в то время как второе в полной мере запечатлело полотно Антона фон Вернера. Картина «Провозглашение Германской империи» сама по себе является предметом новейших исследований, как носитель знаков, смыслов и их значений. Так, например, существовало четыре варианта картины, каждый из которых имеет свои композиционные и живописные особенности, и многочисленные фотографические репродукции. Первый вариант картины, так называемая «версия для замка», была преподнесена в 1877 году императору Вильгельму I. Исследователь Д.В. Любин отмечает, что осматривая вторую версию картины, кайзер «выразил неудовольствие тем, что Бисмарк, изображенный почти в самом центре композиции, благодаря белому цвету своего кирасирского мундира приобретает значение чуть ли не главного действующего лица, чего не было в первой версии картины. Вернер отвечал, что на торжественной церемонии канцлер действительно присутствовал в темном мундире, но он нарушил правила ношения формы, требовавшие надеть парадный мундир, который у кирасир белого цвета. Император согласился и похвалил художника за внимательное отношение к этому обстоятельству [...] В третьей версии «Провозглашения» на мундире Бисмарка можно видеть знак ордена *Grand le Mérite* с дубовыми листьями, которым он был награжден незадолго до вручения ему картины, то есть спустя тринадцать лет после версальских событий» [1].

Пересматривая роль Бисмарка в процессе образования империи, и, отказавшись от апологетических традиций и клише традиционной историографии, современные историки

усматривают в образовании рейха результат целого комплекса причин преимущественно внутривнутриполитического характера, что, разумеется, нивелирует эффект событийный эффект «18 января 1871 года». Развивая тезис об «основании империи изнутри», немецкий историк Гельмут Бёме (1936-2012) скептически оценил иллюзорность стратегии национал-либералов и патриотического движения за объединение рейха, увидев в самом процессе последовательно формирующееся ядро прусской консервативной хозяйственной элиты, которая, по сути, инициирует образование адекватного времени государства нового типа. «Формирование солидарности консерваторов, аграриев и представителей тяжелой промышленности как новой интеграционной силы, пришедшей на место увядающей, ратующей за свободную торговлю либеральной группы времён основания рейха, - по мнению Бёме, - означало окончание эпохи единения и создание прусской гегемонии в немецком консервативном государстве» [5, S. 14]. Политика Бисмарка лишь придала очертаний этой солидарности, а сам процесс основания растянулся на целое десятилетие вперед от даты официального провозглашения. Если в начале и середине 1870-х годов ещё было неясно, куда движется рейх в политическом смысле, то коалиция консерваторов, представителей тяжёлой промышленности и сельского хозяйства при подключении католического центра образовала фундамент успешной политики правительства. После долгой, почти не имеющей последствий либеральной эры единство стало новым внутривнутриполитическим ядром, приведшим к переосмыслению процесса объединения рейха с далеко идущими последствиями. Заслуга Бисмарка в большей степени проявилась в том, что он спас восточно-эльбский консерватизм, связав его с силами тяжелой индустрии. Основанием для подобных рассуждений стал детальный анализ источников.

Так, с середины 1870-х годов политические настроения в рейхе менялись. Несмотря на жёсткие меры государства политика «культуркампа», в которой Бисмарк и либералы вместе энергично отстаивали притязания современного светского государства против требований несовременного католицизма и одновременно хотели покончить с партией центра, как рассадником враждебных рейху устремлений, в итоге не увенчалась успехом. Экономический бум эпохи основания рейха сменился в 1873 году тяжёлым экономическим кризисом, который глубоко поколебал уверенность в собственных восстановительных силах рынка, в наличии которых клялись либералы. В этой ситуации произошёл разрыв между Бисмарком и национал-либералами, которые уже с основания Северогерманского союза в 1867 году сформировали собственную внутривнутриполитическую стратегию, хотя и конфликтную, но в целом успешную в союзе с канцлером. Важными вехами на пути в новую политическую ситуацию стали: отставка президента канцелярии Северогерманского союза Рудольфа фон Дельбрюка в 1876 году, символа сотрудничества канцлера и либералов; провал долгих переговоров между Бисмарком и руководителем Национал-либеральной партии Рудольфом фон Беннигсенем о вхождении последнего в кабинет министров; роспуск рейхстага и тяжёлые потери национал-либералов на выборах в рейхстаг в июне 1878 года; принятие закона о социалистах в октябре 1878 года; финансовая и таможенная реформы, начавшиеся вопреки большинству национал-либералов в 1879 году. Итогом конфликта стал выход национал-либералов из коалиции Бисмарка. После провала переговоров с национал-либералами Бисмарк ищет поддержку среди правых сил, меняя либеральный курс правительства (культуркампф, свободная торговля) на консервативный, антилиберальный (закон против социалистов, защитные пошлины). Основанием для новой политики Бисмарка стала открытая потеря голосов Национал-либеральной партии, заинтересованность в новом курсе канцлера консервативных аграрных и промышленных союзов и смерть Папы Пия IX, последователь которого, Лев XIII, был готов к окончанию культуркампа и завершению конфликта немецких католиков с канцлером, а немецким католикам партии Центра было рекомендовано пойти на компромисс и даже под-

держивать Бисмарка. Таким образом, достижение внутреннего единства среди консерваторов, основанного на компромиссе и в целом положительном нейтралитете с либералами, ставшее возможным к концу 1870-х годов, немецкая историография второй половины XX века относит к «основанию империи изнутри» (Бёме, Велер, Розенберг).

Однако уже в середине 1990-х годов историки вновь подвергли критике собирательную политику Бисмарка и формирование коалиции политических сил, как фактора основания рейха. Сомнению был подвергнут долгосрочный эффект политических решений, принятых в 1878-79 годы. Новый фундамент политики рейха, построенный на союзе тяжелой индустрии и сельского хозяйства, а также поддержавших их партийных группировок оказалось трудно доказать с точки зрения принятия парламентских и внепарламентских решений. На основании изучения документов рейхстага Г.-П. Ульман предположил, что наверняка существовал и картель национал-либералов с консерваторами, и «политика собирания сил», но было ли это реальностью или осталось просто политическим лозунгом, а не самой политикой? [16, S. 148]

Уже к началу 1880-х годов было очевидно, что не могло быть и речи об альянсе большинства партий для поддержки правительства в рейхстаге. Силы оставшихся национал-либералов и проправительственных консерваторов были слабы, а Центр оказался ненадежным союзником. Центр защищал права парламента и оставался критически, а то и враждебно настроенным по отношению к правительству, пока не закончилась политика культуркампа. Идея Бисмарка о монополии на табак была отвергнута. Закон о страховании от несчастных случаев провалился с первой попытки. Избиратели тоже не оценили изменившийся курс. На выборах в рейхстаг в 1881 году близкие к правительству партии явно проиграли. Центр и социал-демократы, напротив, оставались стабильны. Подтверждением наметившегося кризиса стал антипарламентский курс Бисмарка. Но этот курс канцлера оказался провальным. Как заметил В. Лот, в дальнейшем канцлер добивался исключительно оборонительных побед в смысле временного укрепления status quo» [9, S. 67].

Детально изучив биографию Бисмарка, историк Отто Пфланце (1918-2007) вовсе раскритиковал политическую стратегию канцлера по объединению рейха, предположив, что за его решениями изначально не стояло плана долгосрочного союза землевладельцев и промышленников. В большей степени речь идет об «акте чистого оппортунизма». Его личный опыт как студента и его трудности в управлении имением привели его к политическим действиям, за которыми современники и потомки безосновательно предполагали стратегические концепции. Также Бисмарк проводил совершенно антикапиталистическую политику (введение монополии на водку и табак, налоговая политика), которая напрямую противоречила идее последовательной политики собирания. Кроме того, речь шла не об особенной концепции Бисмарка, а об управленческом решении, принятом с учетом глубокого экономического кризиса [11, S. 191].

Не довольствуйся поверхностным взглядом. От тебя не должны ускользнуть ни своеобразие каждой вещи, ни её достоинство (М. Аврелий). Учитывая все перипетии, ломки и трансформации, преодолеваемые традиционным историописанием, методологические поиски и новые интерпретации, свойственные исторической науке, памятные даты и события по-прежнему сохраняют свою значимость для идентичности народов, выходя за рамки традиционной науки. Дискуссии об основании империи, когда-то актуализировавшие проблему событийности и процессуальности, все еще продолжаются. Их временным итогом можно считать то, что создание рейха нужно рассматривать как длительный процесс, который осуществлялся различными протагонистами с различными целями, где стабилизация монархического авторитарного государства была только одной из них. Создание рейха началось с об-

разования Северогерманского союза и растянулось на последующие десятилетия. Осмысливая опыт исторических дискуссий об основании рейха, Г.-У. Велер отметил изменения в восприятии и как минимум трех актах общей симфонии: военно-дипломатическое создание рейха «сверху», буржуазно-либеральный этап и внутривнутриполитическая переориентация на правую коалицию [17, S. 871-872].

Библиографический список

1. Любин Д. В. «Царственнее, чем сам император». Антон фон Вернер – глава официального искусства Германии конца XIX – начала XX века // Проблемы развития зарубежного искусства. Германия-Россия. Ч. II. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти М.В. Доброклонского (24-26 апреля 2012 г.): Сб. статей / Науч. ред. В.А.Леняшин, Н.М.Леняшина, Н.С.Кутейникова, сост. С.Ю.Верба. - СПб.: Ин-т имени И.Е.Репина, 2015. - С. 136-156.
2. Рагозин Г. С. Австро-прусский дуализм в Германии 1763-1866 гг.: идеологический аспект: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03 / Рагозин Герман Сергеевич. - Екатеринбург, 2019. - 28 с.
3. Харламов Н.Ю., Рычкова Н.М. Австро-прусская война 1866 г. В оценке немецких социал-демократов // Вестник НАСА. - 2008. - №1 (4). - С. 80-83.
4. Biefang A. Politisches Bürgertum in Deutschland 1857-1868. Nationale Organisationen und Eliten. - Düsseldorf, 1994. – 511 Seiten
5. Böhme H. Einleitung // Böhme H. (Hrsg.) Probleme der Reichsgründungszeit 1848-1879. Köln – Berlin, 1968. – 448 Seiten
6. Erdmann K. D. Drei Staaten, zwei Nationen, ein Volk? // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 36. - 1985. - S. 671-683.
7. Gall L. Bismarck. Der weiße Revolutionär. - Frankfurt am Main, 1983. – 816 Seiten
8. Langewiesche D. Deutschland und Österreich. Nationswerdung und Staatsbildung in Mitteleuropa im 19. Jahrhundert // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 42. - 1991. - S. 754-766.
9. Loth W. Das Kaiserreich. Obrigkeitsstaat und politische Mobilisierung. - München, 1996. - 241 Seiten
10. Lutz H. Österreich-Ungarn und die Gründung des Deutschen Reiches. Europäische Entscheidungen 1867-1871. - Frankfurt am Main, 1979. – 608 Seiten
11. Pflanze O. “Sammlungspolitik” 1875-1886. Kritische Bemerkungen zu einem Model / O. Pflanze (Hrsg.) Innenpolitische Probleme des Bismarcks-Reiches. München – Wien, 1983. - S. 155-193.
12. Ritter G. Das Bismarckproblem // Merkur 4. - 1950. - S. 657-676.
13. Sack H. Ein deutscher Vernichtungskrieg. Vor 150 Jahren siegte Preußen in der Schlacht von Königgrätz über Österreich – ein epochales Ereignis, das Europa verändert hat // Die Zeit, Nr. 28/2016, 30. Juni 2016.
14. Srbik H. R., von. Deutsche Einheit. Idee und Wirklichkeit vom Heiligen Reich bis Königgrätz. - 4 Bde. - München, 1936-1942. – 498 Seiten
15. Schnabel F. Das Problem Bismarck // Hochland 42. - 1949-50. - Heft 1. - 1949. - S. 1-27.
16. Ullmann H.-P. Das Deutsche Kaiserreich 1871 – 1918. - Frankfurt am Main, 1995. – 308 Seiten
17. Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. - Bd. 3: Von der “Doppelrevolution” bis zum Beginn des Ersten Weltkriegs, 1849-1914. - München, 1995. – 1515 Seiten

Сведения об авторах

Турыгин Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Костромской государственной университет E-mail: aturigin@mail.ru

Хабимова Лариса Владимировна, старший преподаватель кафедры иностранных языков Костромской государственной университет, E-mail: larissa-kh@mail.ru

УДК 94(430)

А.А. Листратова

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА «ЖЕЛЕЗНОГО КАНЦЛЕРА»

Аннотация. В статье рассмотрена колониальная политика Бисмарка. Освещены основные этапы колониальной политики и дана краткая характеристика. Проведен анализ её особенностей.

Ключевые слова. Колониальная политика, Германская империя, Бисмарк, миссионеры.

Listratova A.A. Colonial policy "Iron Chancellor"

Abstract. The article discusses the colonial policy of Bismarck. It describes the main stages of the colonial policy and gives a brief description. The analysis of its features.

Keywords. Colonial politics, German Empire, Bismarck, missionaries.

Тема колониального раздела мира остается актуальной и на сегодняшний день. События тех времен до сих пор оказывают влияние на жизнь многих стран мира. К 70-м гг. XIX в. колониальные владения уже были поделены между крупнейшими державами. Обзавестись собственными колониями означало выйти на принципиально новый уровень. Кампания в пользу проведения правительством активной колониальной политики в Германии началась в конце 70-х гг. Активными сторонниками колониальной политики являлись миссионеры. Их поддерживали разнообразные слои населения, такие как крупные банкиры, магнаты тяжелой промышленности, судовладельцы и т.д. Многие представители буржуазии к этому времени уже установили экономические контакты с колониальными странами, и старались не потерять их [4, с.228].

На протяжении 70-х гг. Бисмарк не думал о возможности проведения колониальной политики. Основная черта его деятельности - сдержанное отношение к колониальным приобретениям. Существовал ряд причин, из-за которых Бисмарк отказывался от колониальных захватов. Он считал, что приобретение колоний создаст дополнительные расходы для Германии. К этому моменту лучшие колонии уже были поделены между крупными мировыми державами. В случае колониальных захватов, доходы, полученные с новых территорий, не покроют расходы на их завоевание и присоединение к Германской империи. Также Бисмарк отчетливо понимал неизбежность столкновений с крупными державами, в случае если Германия будет проводить колониальную политику. В особенности это касалось Великобритании. Бисмарку было важно установить господство Германии не в колониях, а в Европе. Такой вывод исходит из его слов, сказанных в беседе со сторонником колониальной политики: «Ваша карта Африки хороша, но моя карта Африки – Европа. Здесь расположена Россия, а здесь расположена Франция, мы же находимся в середине - такова моя карта Африки» [4, с.235].

С течением времени Бисмарк постепенно начинает поддаваться веяниям времени и уговорам сторонников колониальной политики. Постепенно он разрабатывает план действий. В 1881 г. был предложен план государственного субсидирования паромных линий «Северо-германского Ллойда», которые должны были связать Германию с Восточной Азией, а также с Австралией [1, с.114]. Но предложение Бисмарка было отвергнуто в Рейхстаге. После этого поражения Бисмарк на какое-то время отойдет от колониальной политики и сосредоточит свое внимание на политической обстановке в Европе [1, с.119].

В 1883-1884 гг. произошел резкий поворот в сторону колониальной политики. Международная обстановка в это время благоприятствовала вступлению Германии в борьбу за колонии. Бисмарк уверял британское правительство в том, что Германия как и раньше не претендует на британские колониальные владения. Как искусный дипломат, Бисмарк знал, что

Англия не сможет выступить против политики Германии в колониях. Связано это с тем, что Египет был захвачен Англией. Долгое время в Египте сосредотачивались экономические интересы Франции, которые теперь находились под угрозой. Постепенно соперничество Англии и Франции в этом регионе нарастало. Лучшего момента для вступления Германии в колониальную борьбу не нашлось. Бисмарк умело воспользовался этими противоречиями в интересах Германии [7, с.109].

В 1884 году произошло событие, которое положило начало колониальной политике Германии. В 1883 году купец Адольф Людериц осуществил покупку у местных африканских вождей части территории Агра - Пекинья в районе бухты, которая в настоящее время носит его имя. Людериц не раз обращался к имперскому правительству с просьбой санкционировать приобретение [10, с.350]. До наших дней сохранилось ходатайство Людерица, в котором он обращается к правительству с целью установления имперского протектората над его африканскими владениями. В своем обращении он пишет: «Как я уже заметил в моем заявлении высокому ведомству от 21 марта, я буду терпеть всякие неприятности от англичан и жителей Капа, пока не будет сообщено официально, что я и мое африканское владение поставлено под защиту Германской империи. Могу ли я повторно покорнейше просить высокое ведомство защитить меня в моих благоприобретенных правах? Людериц» [11, с.192-193]. Вскоре он получил ответ. Немецкому консулу в Капштаде (Кейптауне) Бисмарком была отправлена телеграмма, в которой говорилось следующее: «По сообщениям господина Людерица, колониальные власти сомневаются, имеют ли его завоевание севернее реки Оранжевой право на немецкую защиту. Заявите официально, что он и его владения стоят под защитой империи. Бисмарк» [11, с.192-193].

Это событие считается началом колониальной политики Германии. Таким образом, с 24 апреля 1884 г. Германская империя официально считалась колониальной державой. Это событие стало сенсацией для прессы и общества. Молодежь Германии воодушевилась перспективами скорой колонизации и возможностью разбогатеть. Правящие круги Германии хотели объединить все германские владения в Африке, а так же приобрести новые колонии по всему миру [3, с.166]. Такое заявление связано с тем, что долгое время Германия считалась обделенной, и теперь общество хотело забрать свое. Подобные настроения подогревались с помощью Колониального союза, которому это было выгодно. Ключевой задачей внешней политики теперь является завоевание колоний, а главной целью было превращение Германии в колониальную державу [7, с.118]. Поворот в сторону колониальной политики связан также с тем, что Англия и Франция стремились расширить сферы своего влияния и все больше и больше представляли угрозу Германии в европейских делах [7, с.119].

Германия имела конфликт с Англией из-за Агра-Пекинья. Он завершился тем, что в июне 1884 г. английское правительство дало свое согласие на установление там германского протектората. Таким образом, Великобритания признала колониальное приобретение Германии [3, с.167]. Бисмарк использовал это для укрепления своего авторитета. В рейхстаге он выступил с речью, в которой восхвалял первый успех германского колониализма [10, с.349]. Также Бисмарк выступил с предложением наладить регулярное пароходное сообщение между Германией и Восточной Азией, а так же Австралией. Он заявил о том, что за первым успехом последуют и другие. Осуществление колониальной политики правительство предоставляет отважным соотечественникам, которые плавают по морям и ведут торговлю [10, с.351]. Правительство же со своей стороны гарантировало защиту.

В июле 1884 г. Германия объявила установление своего протектората от северной границы Испанской Гвинеи до Калабара. Началось постепенное расширение территории в восточном и северо-восточном направлениях. В июле 1884 г. немецкие фирмы заключили дого-

вор с местными правителями. Согласно договору фирмы приобретали верховную власть над областью Дуалла [4,с.231]. Затем свои права они передавали германскому правительству. Таким образом, 14 июля 1884 г. эта территория была торжественно объявлена территорией Германской империи.

Германская Восточная Африка была образована в феврале 1885 г. братьями Клементом и Густавом Денхардт. 8 апреля 1885 г. было подписано соглашение, согласно которому султанат уступал 25 км. территории, со всеми суверенными правами на неё, компании Тана, основателями которой были братья [8,с.419]. Также султанат выступил с просьбой взять под охрану Германской империи всю оставшуюся часть султаната [8,с.420]. Договор был направлен в правительство.

Протекторат Германской империи был провозглашен 27 мая 1885 г. В Виту был расположен военный гарнизон. Он был создан для защиты от нападений и демонстрации полученного суверенитета. К. Денхардт был назначен министром внутренних и внешних дел султаната. Таким образом, Виту с 1885 по 1890 г. находился под протекторатом Германской империи и сыграл важную роль в дальнейшем разделе африканских владений между Германией и Великобританией[9,с.162].

Раздел африканских владений был совершен согласно договору в 1886г. Линия раздела между английскими и германскими зонами влияния прошла по участку современной кенийско-танзанийской границе от побережья до оз. Виктория[9,с.163]. Области к югу от нее достались Германии (Германская Восточная Африка), области к северу (за исключением Виту) - Великобритании.

Таким образом, колониальную политику Бисмарка можно разделить на два периода. Первый период колониальной политики Германии относится к 1871-1888 гг. Тогда Бисмарк еще не интересовался колониальной политикой, а больше заботился о поддержании равновесия политических сил в Европе и сохранении Германской империи, которую он создал в 1871 году. Инициативу в этом проявили миссионеры, торговцы и промышленники. Они оказывали давление на правительство. Бисмарк вынужден был уступить.

Серьезных мероприятий в этой сфере не предпринималось вплоть до 1884 года. В 1884 г. Бисмарк заявил о защите колонии Агра Пекинья Людерица. С этого момента начинается второй период его колониальной политики.

В конце 1880-х гг. «железный канцлер» сворачивает политику колониальных приобретений. Это связано с тем, что Англия всячески мешала продвижению Германии, и вскоре разгорелся первый конфликт. После этого вплоть до своей отставки Бисмарк занимался не колониальными, а европейскими делами.

Библиографический список

1. Бубе М.«Партии в Германии: история и современные задачи»,// Обозреватель. №5(172) М., ООО «РАУ-Университет», 2004.
2. Гольдштейн И., Левина Р. Германский империализм
3. Дармштеттер П. История раздела Африки (1870-1919 гг.). М.-Л., ГИЗ, 1925.
4. Ерусалимский А.С. Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М., Наука, 1968.
5. Оболенская С.В. Политика Бисмарка и борьба партий в 70-х гг. XIX века. М., 1992.
6. Палмер А. Бисмарк. Смл., Русич, 1998.
7. Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIXвека. М., Издательство Академии Наук СССР, 1960.
8. Сказкин С.Д., Гинцберг Л.И, Горошкова Г.Н, Ежов В.Д. Германская история в новое и новейшее время М., Наука, 1970. Т. 1.
9. Фокин С.В. Колониальная политика Германии (конец XIX – 30-е гг. XXв.) М., Граница, 2003.

10. Чубинский В.В. Бисмарк. Политическая биография. М., Мысль, 1988.

11. Юровская Е. Колониальная политика капиталистических держав (1870-1914). М., Просвещение, 1967.

Сведения об авторе

Листратова Анастасия Александровна, студентка факультета истории и международных отношений Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, email: anasrasialistratowa@yandex.ru

УДК 930:94(430)

А.В. Федин

СТАНОВЛЕНИЕ ИЕЗУИТСКОЙ МИССИИ У ПЛЕМЕН АБЕНАКИ НОВОЙ АНГЛИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Аннотация. В статье прослеживается история становления иезуитской миссии среди индейских племен абенаки в первой половине XVII в., сыгравшей значимую роль в превращении их в важную часть франко-индейского альянса к концу столетия.

Ключевые слова: иезуиты, миссионерская деятельность, Новая Франция, Новая Англия, абенаки, сококи.

Fedin A. V. Formation of Jesuit mission to New England Abenakis in first half 17th century.

Abstract: In article the history of formation of Jesuit mission among American Indian nations Abenaki in first half 17th century, played a significant role in their transformation into the important part of an French-Indian alliance by the end of century is traced.

Keywords: Jesuits, the missionary activity, New France, New England, Abenaki, Sokoki.

В отличие от большинства других индейских племен северной части атлантического побережья Северной Америки (микмаков, малеситов, монтанье) абенаки сочетали земледелие (зерно, бобы и сквош) и охоту и рыболовство. Этот этноним охватывает большую семью родственных по языку и культуре племен, обитавших на юге современного Нью-Брансуика и в северных районах Новой Англии. Восточные абенаки (кеннебек, пенобскот или пентагоэ, пассамакводди и др.) концентрировались на территории Мэна и Нью-Хэмпшира, западные (сококи) – в Вермонте, вплоть до оз. Шамплейн. Большую часть года абенаки жили группами из больших семей на закрепленных за ними охотничьих территориях. Весной и летом группы собирались в постоянных поселениях у рек или на побережье для культивации земли и рыболовства и промысла морских животных.

В доконтактный период абенаки, возможно, насчитывали до 40 тыс. чел. (по 20 тыс. для западных и восточных групп). Но, как и у микмаков, в результате эпидемий к 1620-м гг. численность восточных абенаки сократилось до 5 тыс. чел., а более изолированные сококи пострадали относительно меньше, потеряв половину первоначального населения [1, с. 137-147; 2, с. 148-159].

Наиболее северные поселения восточных абенаки (прежде всего, кеннебек и пенобскот) попали в орбиту внимания иезуитских миссионеров с момента их первого появления в регионе: в мае 1611 г. первые два французских иезуита Пьер Бьяр и Анмон Массе ступили на землю Акадии, одной из первых французских колоний на атлантическом побережье Северной Америки, а уже осенью Бьяр посетил поселения абенаки по рекам Сент-Джон и Кеннебек с целью «рассмотреть и изучить расположение тех народов к принятию святого Евангелия». Когда ему удалось вступать в беседы «с этими несчастными иноверцами», иезуит пытался «впечатлить их некоторыми простейшими концепциями величия и истины христианства». Главным результатом путешествия, по мнению Бьяра, стало распространение известий о прибытии миссионеров: «Мы начали узнавать и становиться узанными, мы овладели этими землями от имени Божьей Церкви... Дикари видели нас молящимися, служащими мессу и проповедующими; посредством наших бесед, картин и крестов, нашего образа жизни и других подобных вещей, они восприняли первые смутные идеи и элементы

нашей святой веры...» [3, vol. II, p. 31-35, 51-53]. К тому же иезуит увидел здесь большие постоянные селения, что во многом предопределило дальнейшее развитие событий.

По мере столкновения с трудностями работы с кочевыми микмак, обитавшими в непосредственной близости от Пор-Руайяля, «столицы» Акадии, и роста противоречий с собственниками колонии де Путренкурами [4, с. 15-35], миссионеры все отчетливее стали понимать большие перспективы от работы с оседлым земледельческим населением деревень абенаки вдали от назойливой опеки светских колониальных владетелей. Воспользовавшись кораблем, присланным из Франции с припасами и подкреплением в лице брата-коадьютора Жильбера дю Те, иезуиты весной 1613 г. покинули Пор-Руайяль и направили корабль к устью рек Кеннебек и Пенобскот, где когда-то иезуит встретил многочисленных и оседлых абенаки, готовых, по его мнению, к получению евангельской вести [5, vol. III, p. 63; 6, vol. I, p. 275].

Для поселения была избрана восточная часть острова Маунт-Дезерт, в устье реки Пенобскот, в Бар-Харбор (территория современного штата Мэн), где и была организована новая миссия под названием Сен-Совёр (Св. Спаситель). Остров был в 1604 г. открыт Шампленом, который описывал его следующим образом: «Остров около четырех или пяти лье в длину, от материка на севере расстояние не составляет и ста ярдов. Он очень высок, и расколот так, что с моря кажется, что семь или восемь гор стоят рядом друг с другом... Там лишь скалы. Из деревьев там только сосны, ели и березы. Я назвал этот остров Пустынной Горой (Mont-Désert). Индейцы этого места заключили союз с нами» [7, vol. I, p. 282-283; vol. III, p. 353]. Иезуиты считали, что это место столь же стратегически удачно, как и Пор-Руайяль, и отсюда можно было работать над обращением трех основных народов этой страны: микмаков, малеситов и абенаки группы пенобскот (или пентагоэ), деревня которых находилась по соседству [8, p. 10; 9, vol. I, p. 120*]. Построив дома, поселенцы приступили к обработке земли (возможно, на материке), а Бьяр совершил путешествие по окрестностям, чтобы установить расположение индейцев этого района. Посетив одну из деревень пенобскот, Бьяр крестил умирающего ребенка, после чего тот внезапно выздоровел. Изумленные индейцы восприняли это как чудо, а самого миссионера расценили как пришельца с небес [6, vol. I, p. 277-279].

Столь многообещающе начавшейся миссии не суждено было продолжиться. 2 июля 1613 г. английский военный корабль «Трежерер» капитана Эргалла внезапно появился у Сен-Совёр и, не взирая на попытки французов начать переговоры, взял их корабль на абордаж, а затем высадил десант, уничтоживший миссию. Большинство французов бежало под прикрытие леса; в короткой стычке на корабле был смертельно ранен брат Жильбер Дю Те, вскоре скончавшийся на руках Бьяра и Массе [3, vol. III, p. 279-283]. Это был первый иезуит, павший на земле Новой Франции.

Тем не менее, первые иезуитские миссионеры смогли заложить фундамент, на котором с середины столетия начнется возведение одной из наиболее значимых миссий и в истории апостолата ордена, и в целом в истории Северной Америки: «Это замечательный итог, что французы завоевали доверие и дружбу дикарей посредством тесного знакомства и частого общения...» [3, vol. IV, p. 87, 135-137]. П. Бьяр стал одним из первых этнографов абенаков, описав их обычаи и занятия и заложив традиции аккомодации в иезуитской миссии в Канаде, то есть, требование понять тех, кого они стремились обратить [3, vol. IV, p. 27]. И много позже, несмотря на фактически полное отсутствие контактов между французами и племенами конфедерации, память о первых встречах сохранялась. Известно, что летом 1629 г., во время осады Квебека английским флотом, часть французов искала убежища именно у абенаки [7, vol. V, p. 313-318; vol. VI, p. 41; 6, vol. I, p. 47].

Впервые следующее поколение миссионеров вновь увидело представителей одного из этих племен, сококи Вермонта, в июле 1637 г., когда их торговая партия прибыла в Квебек

для торговли с французами и монтанье. Губернатор Монманьи, опасаясь, что меха, поставляемые монтанье в Квебек, будут перенаправлены на юг, в Акадию, к абенаки и их торговым партнерам – англичанам Плимута и Бостона, помешал этой торговле [3, vol. XII, p. 187-189].

Тем не менее, контакты между различными группами абенаки и французами продолжились. Известно, что в 1642 г. в Отель-Дье редукии Силлери находился некий крещеный абенаки по имени Клод [3, vol. XXIV, p. 183]. Осенью этого года иезуиты Бюте и Лежён в Труа-Ривьер с помощью губернатора поста де Роше спасли пленного сококи от алгонкинской пытки (сококи, будучи традиционными врагами монтанье и микмак, считались союзниками ирокезов) и отправили в госпиталь Силлери для лечения, заложив прочный фундамент для развития дальнейших отношений. «Он выздоровел довольно быстро, и был отослан назад в его страну, чтобы показать привязанность французов и дикарей к нему» [3, vol. XXIV, p. 183-185, 193].

В путешествии в начале 1643 г. его сопровождали два христианина редукии: монтанье Шарль Мейашкаут и абенаки Клод. Мейашкаут воспользовался случаем для христианской проповеди среди сококи, в результате которой вождь племени отказался от своего поста и последовал за ним в Силлери [3, vol. XXIII, p. 283; vol. XXIV, p. 61]. Под руководством о. Декона и Мейашкаута он был наставлен и окрещен под именем Жана-Батиста с Монманьи в качестве восприемника от имени гроссмейстера Мальты. Тогда же абенаки женился на христианской женщине из Силлери.

Одним из главных последствий этого вояжа стало укрепление франко-абенакских связей, со временем превратившихся в стойкий союз. Уже весной 1643 г. сококи в благодарность за спасение французами их соплеменника от алгонкинской пытки в Труа-Ривьер, выступили посредниками в переговорах об освобождении иезуита И. Жога и его донне Р. Гупиля, оказавшихся в плену у ирокезов-могауков, но последние, взяв выкуп за пленных, не освободили ни одного из них. Однако в результате этого посольства в Квебек попало письмо о. Жога от 30 июня 1643 г., давшее первую информацию о его положении в ирокезском плену [3, vol. XXIV, p. 295-297; vol. XXV, p. 53, 71; vol. XXXV, p. 85-87].

Тем не менее, путь к этому союзу не был ровным. Уже в следующем году Шарль Мейашкаут вновь отправился в страну абенаки, на этот раз именно с миссионерской целью, однако погиб там, будучи, вероятно, убит сококи [3, vol. XXV, p. 117-121, 139-143, 177-179; vol. XXVIII, p. 277].

Эта смерть была эпизодом войны 1644-1645 гг., которую сококи в союзе с могиканами вели против монтанье и микмаков. Несмотря на то, что сококи были частью большой семьи абенаки, французы отличали их от других племен конфедерации по политическому признаку: враждебных алгонкинам сококи считали союзниками (или данниками) ирокезов, а всех остальных, «которые дружественны нам», называли абенаки [3, vol. XXVIII, p. 275-277]. В октябре 1645 г. военная партия сококи и могикан напала на охотников монтанье из Силлери, убив трех из них [3, vol. XXVII, p. 79-81, 99-101; vol. XXVIII, p. 171, 205, 277].

Вместе с тем, войны эти велись именно за контроль над торговыми коммуникациями, в том числе, и с Квебеком. По мере укрепления франко-индейского союза перед лицом ирокезской и англо-голландской экспансии, все больше племен абенаки делали выбор в пользу укрепления связей с французской колонией, которая находилась за пределами их этнических территорий и в то же время представлялась весьма выгодным торговым партнером.

Темпы христианизации в уже существующих миссиях к середине и второй половине 40-х гг. воодушевляли настолько, что иезуиты были уверены в создании надежного плацдарма для дальнейшего движения вглубь континента. В результате, настоятель Квебекской миссии Жером Лалеман официально поставил в известность генерала ордена В. Карафу о готов-

ности миссии к расширению на новые территории. В письмах от 23 августа 1646 и 19 августа 1647 гг. он писал Карафе о множестве крещений, безупречной религиозной дисциплине неофитов, и выражал уверенность, что достигнутый в 1645 г. с ирокезами мир «откроет врата к новым миссиям». «Наконец пришло время для обращения этого Нового Света», заявлял он в Реляции 1646 г. [9, vol. VII, p.53-54; 3, vol. XXVIII, p.269]. «И вот уже одни идут к абенаки, которые были ранее недоступны. Другие идут к ирокезам», сообщила урсулинская монахиня мать л'Энкарнасон в сентябре 1646 г. [11, t. I, p. 282].

Главную посредническую роль в укреплении франко-абенакских связей по-прежнему играли неофиты редукции Силлери. «Абенаки, – писал Ж. Лалеман в 1646 г., – заключили такой союз с нашими неофитами, что некоторые из них, будучи крещёными, теперь живут в Сен-Жозеф» [3, vol. XXIX, p.67].

Помимо собственно евангелизаторских целей иезуитские миссионеры преследовали задачу примирения племен друг с другом и французами с целью создания обширного антиирокезского альянса. Ради этого христиане-абенаки, жившие в Силлери, весной 1646 г. отправились на родину, «чтобы провозгласить там Веру, и узнать от главных людей их нации, согласятся ли они выслушать проповедников Евангелия» [3, vol. XXIX, p.67-69]. Они вернулись в августе того же года, сообщив, что среди абенаки было до 40 человек, которые, услышав «о красоте Неба и ужасе Ада», заявили «что примут нашу веру». Все выражали сильное желание видеть «черную одежду» в стране абенаки [3, vol. XXIX, p.69-71]. Ранее, в июле 1646 г., два вождя сококи, одним из которых был Клод, также пришли в Квебек просить миссионера [3, vol. XXVIII, p.215]. При этом губернатор Монмани четко определил, что «одного или двух каноэ будет достаточно для ежегодных встреч, чтобы обновить союзы, которые они имеют с новыми христианами Сен-Жозеф», тем самым ограничивая возможности торговли своих индейских союзников с абенаки [3, vol. XXXVIII, p.41].

Исходя из этого, иезуиты сделали вывод, что у абенаки «нет никакой надежды... получить какое-либо мирское преимущество от прихода наших отцов в их страну. Они не ищут защиты от англичан с помощью иезуитов. У них нет и мысли идти торговать в Квебек», а значит их желание обращения в христианство – искренне. В дальнейшем, эта убежденность только крепла [3, vol. XXXVIII, p.41].

После консультации со своими духовными советниками, состоявшейся 21 августа, сепариор поручил открытие Абенакской миссии, названной миссией Успения, о. Габриелю Дрюйету. 29 августа 1646 г. он, вооруженный мандатом де Монмани, давшим право прохода по всем землям, принадлежащим Франции, в сопровождении абенаки отплыл в их страну, «где наставлял их в течение всей осени, зимы и весны» в районе будущего поселения Норриджеуок на р. Кеннебек (совр. шт. Мэн). Это были восточные абенаки (пенобскот, кеннебек и другие); западные абенаки (сококи) оставались враждебными своим сородичам и монтанье. Наконец, 15 июня 1647 г., 30 абенаки, «все с крестами и венками», привели Дрюйета, или Патриарха, как они называли его, в Квебек [3, vol. XXVIII, p. 225-229; vol. XXX, p.179; vol. XXXI, p.207; vol. XXXVII, p. 243; 9, vol. VI, p.511].

В этой миссии Дрюйет начал изучение языка этих племен, родственного языкам монтанье и алгонкинов, которые он освоил в Силлери [3, vol. XXXI, p.185-187]. Иезуит также посетил французский пост в Пентагоэ, где обнаружил капуцинскую резиденцию и ее настоятеля о. Иньяса де Пари, а также несколько английских поселений на побережье, возможно, форт Таканнок, «где он был очень хорошо принят». Более того, английские коммерсанты «с большим удовольствием» отнеслись к идее основания французской иезуитской миссии среди абенаки, заверив Дрюйета, что не будут чинить ему никаких препятствий [3, vol. XXXI, p.185, 187-189, 205; 12, p. 119-120].

Еще Мейашкауат сообщал, что абенаки спаивают английские торговцы [3, vol. XXIV, p.61]. Поэтому одним из основных направлений проповеди Дрюйета стало требование отказа от алкоголя и принятия христианского образа жизни как гарантии полноценного существования. «Абенаки обещали избегать этих излишеств и полностью сдержали их слово» [3, vol. XXIX, p. 189]. Зимой 1645/1646 г. абенаки поразила эпидемия, «которая вызывала рвоту кровью [и] уничтожила добрую часть их нации» [3, vol. XXVIII, p. 203-205]. Это заставило Дрюйета не только сконцентрировать религиозную деятельность на больных, но и заняться врачебной практикой, добившись в ней некоторого успеха [3, vol. XXXI, p.185-187]. Другим направлением стала деятельность по достижению мира не только между абенаки и племенами Св. Лаврентия, но и между различными племенами этой языковой семьи. Дрюйет настоял, чтобы присутствующие в деревни, где он находился, представители различных племен собрались в часовне, «чтобы попросить прощения друг у друга» [3, vol. XXXI, p.189-191].

Главную оппозицию миссионеру составили шаманы, – оплот традиции. Дрюйет добился от жителей деревни обещания, «что они выбросят своих Маниту, или, скорее демонов», то есть амулеты и обереги. «Некоторые выбросили их, другие принесли их отцу. Были даже некоторые колдуны или жонглеры, которые сожгли свои барабаны и другие орудия их ремесла». Это вызвало сильное недовольство со стороны традиционалистов, однако «большинство встало на сторону отца» [3, vol. XXXI, p.191-195]. Результатом его проповеди стало крещение 30 человек, в том числе и знахаря, большинство из которых находились при смерти. «Отец еще не хотел изливать те священные воды на тех, кто был полон жизни» [3, vol. XXXI, p.193].

Миссия Дрюйета к абенаки вызвала негативную реакцию со стороны акадийских капуцинов, усмотревших в ней нарушение их миссионерской юрисдикции. Они написали иезуитскому суперииору в Квебеке письмо, призывая воздержаться от возвращения его миссионеров в Акадию. Это стало причиной отказа Ж. Лалемана делегации абенаки, прибывшей в июле 1647 г. для сопровождения о. Дрюйета обратно в их страну [3, vol. XXX, p.185]. Более вероятно, тем не менее, что этот демарш был инспирирован не церковно-юридическими казусами, а партийностью сторон: в феодальной междоусобице, разразившейся в Акадии в 40-х гг., капуцины поддержали д'Онэ, а иезуиты – его оппонента Ля Тура, который как раз в августе 1646 г. нашел убежище в Квебеке [3, vol. XXX, p.185; 13, с. 134]. После завершения этого конфликта капуцины сами проявили инициативу в восстановлении иезуитской миссии в Акадии, когда в 1648 г. капуцинский суперииор де Мант лично посетил Силлери и призвал иезуитов вернуться «ради спасения тех бедных душ, которые просят вас... предоставить им всю помощь, которую ваше храброе и неутомимое милосердие может им дать» [3, vol. XXXVI, p.227, 251].

Так была основана одна из самых известных иезуитских миссий в Северной Америке – миссия среди абенаки, просуществовавшая до 1754 г., когда эта область была завоевана англичанами. Однако продолжить ее после первого путешествия Г. Дрюйета удалось лишь в 1650 г., что было связано как с оппозицией капуцинов, так и с новой эскалацией Ирокезских войн, приведшей, в конце концов, к включению в орбиту иезуитского апостолата всех абенаки, в том числе, и сококи. С 1647 г. могауки стали совершать набеги на восточных абенаки, что во многом стимулировало их интерес к франко-индейскому союзу долины Св. Лаврентия и таким его символическим представителям, как иезуиты. В этот период 1647-1650 гг. абенаки ежегодно присылали в Квебек делегации с просьбой о возвращении миссионеров в Акадию, но всякий раз получали отказ [3, vol. XXX, p.185; vol. XXXVII, p.243]. Представляется, несмотря на уверения иезуитов, что основным мотивом абенаки в поиске миссионеров в это

время было стремление начать торговлю с французами, символом которой они являлись для большинства народов региона.

Новый губернатор Л. д'Айбу вернулся к жесткой политике ограничения торговых контактов с абенаки, и их делегации, прибывшей в Квебек в июле 1649 г., было прямо заявлено, что «они не должны приходить снова, и что их товары будут отобраны, если они возвратятся» [3, vol. XXXIV, p.57]. Лишь в сентябре 1650 г. квебекский супериор позволил о. Дрюйету вернуться в Акадию, что было связано, однако, с дипломатическими поручениями в Новой Англии от губернатора: попыткой создать широкую анти-ирокезскую коалицию Квебека и Бостона и союзных им индейских племен.

Итак, в первой половине XVII в. абенаки пребывали на периферии миссионерского интереса иезуитов, который постепенно усиливался, чтобы к середине столетия стать интегральной частью всей масштабной программы христианизации коренных народов Северной Америки. Главными факторами, сделавшими племена абенаки объектом этого интереса, заключались в стратегическом положении их территории, оказавшейся буфером между французскими поселениями в Акадии и англо-голландскими колониями; противостоянии большей части племен конфедерации ирокезской экспансии, главного тормоза и угрозы французской колонизации как светской, так и духовной, что делало их потенциальными союзниками и объектами иезуитского апостолата; основной акцент миссионерских усилий иезуитов на оседлых и полuosедлых племенах региона, считавшихся более подходящими для строительства локальной церкви, нежели кочевые.

Библиографический список

1. Snow D. R. Eastern Abenaki // Handbook of North American Indians. Wash., 1978. Vol. 15. Northeast. P. 137-147.
2. Day G. M. Western Abenaki // Handbook of North American Indians. Wash., 1978. Vol. 15. Northeast. P. 148-159.
3. The Jesuit Relations and Allied Documents, Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610-1791. 73 vols. / ed. by R. G. Thwaites. Cleveland, The Burrows Brothers Company, 1896-1901.
4. Федин А. В. «Сеять перед жатвой»: начало иезуитской миссии в Новой Франции в 1611-1613 годах // Всеобщая история: Современные исследования. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 15. Брянск, Издательство «Наяда», 2006. С. 15-35.
5. Lescarbot M. The history of New France / ed. by H. P. Biggar. Vol. I-III. Toronto, Champlain Society, 1907-1914.
6. Charlevoix P.-F.-X., de, SJ. History and General Description of New France / ed. by J. G. Shea. Vol. I-VI. N. Y., Francis P. Harper, 1900.
7. Champlain S. de. The works of Samuel de Champlain / ed. by H. P. Biggar. Vol. 1-6. Toronto, Champlain Society, 1922-1936.
8. Notice Historique sur la Compagnie de Jésus au Canada. Montréal, Au bureau du propriétaire, 1889.
9. Monumenta Novae Franciae. Vol. I-IX / ed. par L. Campeau. Québec, Les Presses de l'Université Laval, 1967-2003.
10. Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории. Виргиния и Новый Плимут, 1606-1642. М., Наука, 1978.
11. Lettres de la révérende mère Marie de l'Incarnation (née Marie Guyard): première supérieure du monastère des Ursulines de Québec. T. I-II. Paris, Librairie internationale catholique; Tournai, Vve. H. Casterman, 1876..
12. Maurault J. A. Histoire des Abenakis depuis 1605 jusqu'à nos jours. Sorel, Gazette de Sorel, 1866.
13. Акимов Ю. Г. Очерки ранней истории Канады. СПб., ВИРД, 1999.

Сведения об авторе:

Федин Андрей Валентинович, доктор исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории международных отношений и международного права Брянского Государственного университета, доцент, 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14, avfedin@yandex.ru

УДК 94(44)"1789/1794"

Э.В. Мигулина

ОБРАЗ ВНУТРЕННЕГО И ВНЕШНЕГО «ВРАГА НАРОДА» В ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация: Статья посвящена анализу представления М. Робеспьера о внутренних и внешних «врагах Революции, свободы», а так же анализу декретов, посвященные ущемлению и уничтожению врагов. Проведя исследование можно сделать выводы о классификации категории врагов и о их месте в концепции революционной власти во Франции времен Великой Французской Революции XVIII века.

Ключевые слова: М. Робеспьер, Франция, XVIII в., революция, враг.

Migulina E.V. The image of the internal and external enemy of the people in the history of the French revolution

Abstract: An article dedicated to analyzing the presentation of M. Robespierre about internal and external "enemies of the Revolution, freedom", as well as the analysis of decrees devoted to the infringement and destruction of enemies. After conducting a study, conclusions can be drawn about the classification of the category of enemies and their place in the concept of revolutionary power in France during the time of the Great French Revolution of the 18th century.

Keywords: M. Robespierre, France, XVIII century, revolution, enemy.

В любом периоде истории, в любом государстве и на любом континенте может возникнуть понятие «враг». Появление данного слова, в контексте истории, может рассказать очень много об обществе и о самом периоде истории, в котором оно зародилось. Не будет преувеличением сказать, что чаще всего оно трактуется в пользу главенствующего порядка власти и может использоваться как во благо общества, как и для его ограничения и сдерживания. Нам известно очень много подобных примеров в истории, также связанных с нашей родной страной. Но нам бы хотелось затронуть это понятие исключительно в рамках другого государства, которое стало отчасти примером для реализации идеологии революционной власти и в России.

Речь пойдет о периоде Великой Французской революции. Именно она оставила большой след в истории, не только Франции, но и многих европейских стран. Понятий «врага народа» существовало очень много. В период Большого террора во Франции это понятие настолько широко применялось, что под его определения мог подойти любой живущий в стране иностранец или даже француз. Само понятие «врага народа» во Франции XVIII века, может сказать нам о многом, в том числе о присутствии данного термина в конкретный момент истории в том или ином государстве, говорит о революционном характере власти имущих или же о чрезвычайном историческом положении государства.

Во время революции категория врага приобретает особые черты и, в то же время, колоссальное значение для общества. Вместе с тем само появление французской революции для других европейских стран было чем-то неординарным в том течении, в котором оно развилось именно во Франции XVIII века. Именно поэтому Франция стала объектом неприязни и интервенции стран Европы. Таким образом, для революционной власти, появление понятия «врага народа» должно сопровождаться экстренными мерами по защите себя и общества.

Мы попробуем выяснить, кого подразумевал под понятием «враг народа, свободы и Революции» один из самых видных деятелей Французской революции XVIII века - Максимилиан Робеспьер и, рассмотрим, какие законы были приняты на фоне разыгравшегося чувства «осажденной крепости» [6] у французов во время Великой Французской революции. Но перед тем как перейти к анализу речей и законов, стоит немного разобраться в понимании Робеспьера «друзей революции и свободы».

Для Робеспьера «друзья свободы» это те, кто «стремились свергнуть власть тиранов силой правды», [3. С. 204] это те, кто борется «против постоянно возрождающихся заговоров» [3. С. 204].

В его речах также встречаются такие понятия как: «Патриот», «гражданин» - и они были в числе положительных определений, но им не хватает той самой чистоты и прозрачности. Именно поэтому рождаются специальные наименования: «враги Революции», «спекулянты», «подозрительные».

Определив, кого же Робеспьер считал друзьями, можно плавно перейти к той части, кого он называл врагами. Анализируя его речи можно сказать, что для Робеспьера существовало четкое разграничение понятия врага. Оно разделялось на два вида. Внутренние, такие как эмигранты, монархисты, которые хотят уничтожить Республику, подозрительные и так далее, и внешние, окружающие и сдавливающие Францию в тиски, такие как австрийцы и пруссы.

«Я говорил об иностранных дворах. Вот настоящие виновники наших бед и наших внутренних раздоров. У них есть два рода армий – одна находится на наших границах, обесцененная, почти разрушающаяся; другая, более опасная, находится среди нас: это армия подкупленных шпионов, мошенников, которые проникают всюду, даже в народные общества» [3. С. 74].

Всё чаще Робеспьер в своих речах замечает, что внутренних врагов намного больше, чем кажется на первый взгляд. Со временем ему придётся смириться, что жители страны либо полны предателей, либо не единодушны в вере принципам революции. К ноябрю 1793 года расширяется категория «внутренних врагов».

«Два рода людей особенно стараются служить нашим врагам и погубить республику. Это, с одной стороны, слабые, заблуждающиеся патриоты, являющиеся лишь эхом мошенников. С другой стороны, это эмиссары наших врагов, скрывающиеся среди нас» [3. С. 52-53].

В 1793–1794 годах, на фоне нарастания столкновения сторонников Дантона и Эбера между собой и в тоже время их борьбы с якобинским центром. На первом этапе Робеспьер делает попытки преставить их заблуждающимися патриотами, а потом он выставляет их изменниками, которых подкупили зарубежные государства, жаждущие свергнуть действующий порядок и вернуть власть Людовику.

«Иностранные государства подкупают среди нас клику умеренных и клику изменников, которые под маской чрезмерного патриотизма хотели истребить патриотов. Иностранному государству безразлично, какая из этих двух клик победит» [3. С. 141].

Однако, стоит заметить, что подобные мысли не всегда были свойственны М. Робеспьеру. Это один из тех редких случаев, когда можно увидеть различия между его взглядами до того, как он встал во главе Республики и после этого.

«Зачем прибегать к чрезвычайным мерам, даже если они и допускаются интересами общественного блага, чтобы добиться наказания заговорческого двора и генералов – мятежников и предателей... исполнения всех законов, защищающих общественную и индивидуальную свободу... Сражайтесь с нашими общими врагами лишь оружием законов». [3. С. 158]

Если сравнивать Робеспьера с Маратом, или позже с Эбером, то он всегда стремился к законности уничтожению врагов Республики. Продолжая бороться всё интенсивнее, Робеспьер со временем стал полагаться в борьбе с внутренними, да и внешними врагами на кровавую машину террора. Он раскрывает свои размышления по поводу понятия террора в одной из самых известных своих речей, который он произнес в Конвенте 5 февраля 1794 года. В своем докладе он отвечает на вопросы что же такое террор, какие причины его появления и какие его задачи:

«Если движущей силой народного правительства в мирный период должна быть добродетель, то движущей силой народного правительства в революционный период должны быть одновременно добродетель и террор: добродетель, без которой террор губителен, и террор, без которого добродетель бессильна». [3. С. 112]

Именно здесь Робеспьер дает четкое понимание террора: «Террор – это не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость». [3. С. 112]

Ещё до марта 1793 года мы видим, что были предприняты первые шаги в направлении к узаконенному террору против внутренних и внешних врагов: законодательное собрание 30 марта 1792 года принимает декрет против эмигрантов, 26 августа 1792 года – декрет о высылке неприсягнувших священников, был создан один из первых карательных органов, направленный против монархистов - Трибунал 17 августа, действовавший до конца ноября 1792 года. С марта 1793 года всё усугубилось: измена Дюмурие, восстание в Вандее заставило по-новому взглянуть на проблему с врагами революции. Именно с этого момента борьба против врагов дошла до пика своего кровопролития, превратив собственный народ, жителей Вандее, во «врагов Революции» и впоследствии приведший к «геноциду» [4] собственного народа.

Начал эпоху Большого террора против врагов революции декрет от 10 июня (22 прериаля), который лишил основных юридических прав всех обвиняемых. Впервые в декрете так подробно описывались критерии, кого стоит считать «врагами народа». В четвертой статье дается чуткое понимание того, для чего учрежден Революционный трибунал - он должен покончить, уничтожить врагов народа и революции. «Тех, кто намерен изменить существующий строй - восстановить королевскую власть и (или) ликвидировать республиканское правление и его высшие институты; виновных в военной измене; людей осуществляющий экономический саботаж, нарушая снабжение столицы и вызывая голод; тех, к кому были применимы обвинения в содействии преступным замыслам или в недонесении на них; в подкупе должностных лиц; в злоупотреблении «принципами Революции»; тех, кто занимался дезориентацией народа и его представителей, склоняя их к политически неверным действиям; тех, кто распространял информацию, способную вызвать «упадок духа» нации; тех, кто распространял дезинформацию с целью вызвать беспорядки и раскол в обществе»[5. С. 360-361]. Нет ни адвокатов, ни следователей, дела идут максимально быстро, в ускоренном варианте. Под гильотину попадают все подряд.

Благодаря этому число заключенных в Париже стало стремительно расти. Если 11 июня их было 7321, то уже 27 июля 7800 [1. С.216.]. Возросли и число смертных приговоров на 80%, и могло достигать 200 казнённых в неделю.

Всё чаще критерий «врагов свободы» в революционные времена приобретает важность и четкую направленность. Это уже не что-то абстрактное, рассуждение о возможных врагах, не вопрос различающихся интересов или стремлений тех или иных политических группировок. За всем этим скрываются идеи людей, пытающихся сохранить ту власть, которую они ухватили. И для того чтобы ее сохранить им приходилось уничтожать своих личных врагов, пожалуй, это одна из основных задач, которую ставят перед собой вожди революции во имя ее торжества.

Критерий врага свободы, революции или республики - одна из тех категорий, которую нельзя упускать из вида при подробном исследовании революционных процессов. Она является важным элементом революции. Она необходима для осуществления самой революции, и чтобы поддерживать главенствующую власть. Немало важно и то, что вопрос о «врагах Революции» - это та грань, где пересекаются интересы разных политических партий. Чаще всего «враги свободы» и революционной власти.

Проанализировав речи М. Робеспьера и декреты Конвента, принимаемых против внутренних и внешних врагов, можно выделить три группы:

1) сторонники прежней власти Людовика XVI, сверженной лидерами революции (аристократы);

2) политические оппоненты-революционеры и их сторонники (эбернисты, жирондисты и т. д.), иными словами все те, кто, являясь сторонником революционных преобразований в обществе, видит их иначе;

3) враги внешние и их «сторонники». К ним можно отнести Австрийцев и тех, кто из-за рубежа был заинтересован восстановить власть Людовика XVI и вернуть Франции монархическую власть.

Что касается личных взглядов Максимилиана Робеспьера на видение внешних врагов, то для него это были: «иностранные тираны, их министры и дворы, организующие и оплачивающие интервенцию против Республики, а также работающие по их приказам на территории Франции эмиссары и изменники, купленные на их деньги». [3] Сохранились также и мотивы подкупа, или финансовой зависимости врагов, которые получая взятки, объединялись против принципов революции и пытались уничтожить республику.

В видении Максимилиана Робеспьера, которое мы можем проследить по его речам в кружках и Конвенте, посвященные вопросу о внешних и внутренних врагах Республики, все три группы, которые между тем тесно связаны общими критериями, на всех на них распространялись условия отмеченные нами выше и все они: и роялисты, и политические соперники Робеспьера, и эмиссары иностранных дворов – всё это вело к одному источнику зла: к враждебно настроенным европейским государствам, заинтересованным в падении Республики любой ценой. Именно они, по словам Робеспьера, из «кабинетов Лондона и Вены» снабдили финансовой поддержкой и Лафайета, и вождей Вандейского восстания, и Эбера. Чтобы сохранить видимость абсолютно солидарного, лояльного к революции и своему правительству большинства - народа Франции, Робеспьер до самого конца продолжал уверять своих слушателей в единстве и полной централизации врагов Республики.

Библиографический список

1. Левандовский А.П. Триумвиры революции. М., 1980.
2. М. Робеспьер. Избранные произведения М., 1965. Т.2.
3. М. Робеспьер. Избранные произведения М., 1965. Т.3..
4. Сеше Р. Вандея: от геноцида к «меморициду». Пер. с фр. Ю.В. Минеевой // Французский ежегодник 2016.
5. Французская революция в документах 1789-1794.// Под ред. Захер Я.М., - Л., 1926.
6. Якобинство в исторических итогах великой французской революции. Материалы «Круглого стола» // Новая и новейшая история. 1996, №5.

Сведения об авторе:

Мигулина Элина Владимировна, студентка 4 курса факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского
Migulina.elina@yandex.ru

УДК 94(73)"1840/1859"+289.3

В.В. Прилуцкий

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС США, ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ И МОРМОНСКИЙ ВОПРОС В 1840-Е – 1850-Е ГГ.¹

Аннотация: в статье рассмотрен внешнеполитический курс США в 1840-е – 1850-е гг. Главной задачей американского правительства в данный период было расширение территории на Западе путем присоединения оспариваемых Британией и Мексикой земель Орегона, Техаса, Верхней Калифорнии, Новой Мексики, Аризоны и Юты. В истории американской территориальной экспансии также оставило заметный след мормонское квазигосударство в Юте.

Ключевые слова: внешняя политика США в 1840-е – 1850-е гг.; территориальная экспансия США; Американо-мексиканская война 1846-1848 гг.; колонизация Западной Америки; мормонское квазигосударственное образование Дезерет; Ютская война 1857-1858 гг.

Prilutskiy V.V. Foreign policy of the USA, territorial expansion and the Mormon question in the 1840s and 1850s.

Abstract: the article considers the foreign policy of the United States in the 1840s – 1850s. The main task of the American government in this period was to expand the territory in the West by attaching contested by Britain and Mexico, lands of Oregon, Texas, Upper California, New Mexico, Arizona and Utah. The Mormon quasi-state of Utah has also left a significant mark in the history of American territorial expansion.

Keywords: foreign policy of the United States in the 1840s – 1850s; the territorial expansion of the USA; the Mexican-American War of 1846-1848; the colonization of Western America; Mormon quasi-state of Deseret; the Utah War of 1857-1858.

Основными внешнеполитическими задачами, связанными с территориальной экспансией США в 1840-е – 1850-е гг., являлись: присоединение Северо-Запада (Орегонской страны), на который претендовала также Великобритания, и захват земель Юго-Запада, принадлежавших Мексике. Американская экспансия опиралась на идею «явного предназначения» (Manifest Destiny) или «предопределения (предназначения) судьбы» 1845 г., обосновывавшую необходимость расширения США и аннексии ими огромных западных территорий вплоть до Тихого океана.

Орегон – огромный северо-западный регион Северной Америки, примыкающий к Тихому океану, был исследован британцами в 1792 г. и объявлен владением Англии под названием «Округ Колумбия». В конце XVIII – начале XIX вв. на данную территорию претендовали также Испания и Россия. Но в 1819 г. Испания отказалась от своих претензий, а в 1824-1825 гг. также поступила и Российская империя. В 1818 г. была подписана англо-американская конвенция, в соответствии с которой Орегон объявлялся территорией совместного использования. Англичане стремились распространить канадские законы на Орегонскую страну, где в 1810-е – 1830-е гг. хозяйничала британская Компания Гудзонова залива, штаб-квартирой которой стал Форт-Ванкувер. Во второй половине 1830-х гг. в регионе появились американские миссионеры-методисты и переселенцы, возник Орегонский путь (Орегонская тропа). В 1843 г. произошло «Великое переселение» в долину реки Уилламетт 700 поселенцев из США, что послужило толчком к образованию Временного правительства Орегона. Часть колонистов стремилась к образованию независимого государства, но впоследствии возобладала тенденция к вхождению

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МД-978.2018.6. Соглашение № 075-15-2019-486.

в состав США. Ряд американских политиков-демократов в середине 1840-х гг. требовали передачи Орегона и угрожали Англии войной (выдвинув лозунг «54°40' или война!»), но в действительности не стремились к ней.

В результате переговоров США и Британия подписали в Вашингтоне 15 июня 1846 г. Орегонский договор, по которому большая часть спорной территории передавалась Соединенным Штатам. Остров Ванкувер остался в составе английских владений. Граница между двумя государствами устанавливалась по 49-й параллели, но участок границы, проходящий через архипелаг Сан-Хуан, был определен неоднозначно в тексте договора [8, р. 20–22]. Это обстоятельство привело к пограничному конфликту 1859 г., вошедшему в историю как «Свиная война» или «Война из-за свиньи и картошки». Поводом к конфронтации послужила застреленная американским фермером свинья, принадлежавшая английскому подданному, на спорном острове Сан-Хуан. Англичане и американцы послали свои военные корабли и высадили на острове войска, но противостояние оказалось бескровным. Вскоре было подписано соглашение, по которому в течение 13 лет спорные острова находились под совместной оккупацией. В 1872 г. Англия согласилась на передачу спорного архипелага Америке и вывела свои войска. Орегонский договор 1846 г. привел к возникновению американского полуэксклава Пойнт Робертс с современным населением 1,3 тыс. чел., отрезанного от остальной части США канадской территорией и океаном. Орегонский договор установил континентальную границу между США и Канадой, которая впоследствии оставалась без изменений. В настоящее время на территории бывшей Орегонской страны расположились штаты США Вашингтон, Орегон, Айдахо, частично Вайоминг и Монтана, а также канадская провинция Британская Колумбия.

В 1845 г. Соединенные Штаты присоединили отделившуюся в 1835-1836 гг. от Мексики Республику Техас, населенную преимущественно американскими переселенцами [1, р. 80–89]. В результате захватнической Американо-мексиканской войны 1846-1848 гг. США аннексировали почти половину территории соседней страны. Американцы называли конфликт Мексиканской войной, мексиканцы – Первой Североамериканкой интервенцией или Войной 47-го года. Аннексированные территории по площади были почти равны Западной Европе (2,3 млн. кв. км.), но они являлись малозаселенными (на них проживали представители индейских племен и около 74 тыс. мексиканцев). На захваченных землях были образованы штаты Калифорния, Аризона, Нью-Мексико, Невада, Юта, Колорадо и Вайоминг [9, с. 32–36, 39–44].

Любопытно, что некоторые крайние американские экспансионисты предлагали в середине XIX в. захватить всю Мексику, Центральную Америку, Гавайи, Кубу, а также другие острова Карибского бассейна. Соединенные Штаты содействовали флибустьерским атакам на Кубу в 1850 г. и 1851 г., высадили военно-морские десанты в столице Аргентины Буэнос-Айресе в 1852-1853 гг., в Никарагуа в 1854 г. и 1857 г., в столице Уругвая Монтевидео в 1855 г. и 1858 г., в Панамском регионе Колумбии в 1856 г. и 1860 г., осуществили сухопутные интервенции в Парагвай и в северные территории Мексики в 1859 г. Большую деятельность в это время развернул в Центральной Америке американский авантюрист Уильям Уокер (1824-1860). В 1853-1854 гг. он с группой наемников попытался захватить мексиканские штаты Нижняя Калифорния и Сонора, а в 1855-1857 гг. успешно вмешался в гражданскую войну в Никарагуа и даже стал почти на год президентом этой страны. Пытался захватить также Коста-Рику. В 1860 г. Уокер погиб во время очередного неудачного вторжения американских флибустьеров в Гондурас.

Мормоны – члены Церкви Иисуса Христа Святых последних дней также приняли участие в войне с Мексикой. Уникальное и единственное в американской истории воинское подразделение, сформированное на религиозной основе, получило название «Мормонский бата-

льон». Мормонский батальон создавался в Айове по просьбе правительства США и с благословения пророка Бригама Янга. Возглавил батальон полковник Ф. Дж. Кук. 549 солдат-добровольцев были завербованы в июле 1846 г. и были обязаны отслужить один год в армии. К ним присоединились семьи некоторых мормонов (около 80 женщин и детей). Батальон совершил самый длинный сухопутный поход в истории войн США, двигаясь из равнин Айовы (г. Каунсил-Блафс) к тихоокеанскому побережью Калифорнии (г. Сан-Диего). Он преодолел 2000 миль. Больных участников экспедиции, женщин и детей оставили в г. Пуэбло (Колорадо). Отряд мормонов двигался на юг через г. Санта-Фе (Нью-Мексико) и в конце января 1847 г. достиг Тихого океана.

Мормонский батальон испытывал огромные трудности в продовольствии, воде и топливе во время этой экспедиции. В пустынных землях солдаты вырывали глубокие колодцы в песке, чтобы добыть воду. У индейцев по пути выменивали за одежду продовольствие. Летний зной, неизвестная местность и бездорожье препятствовали нормальному передвижению. Солдаты почти всю дорогу вынуждены были идти пешком (только больные ехали в повозках). Люди очень устали, их одежда истрепалась. В районе г. Туксона (юг Аризоны) едва не произошло вооруженное столкновение мормонов с мексиканцами, но последние отступили. В течение полугода (до расформирования 16 июля 1847 г.) мормонский батальон участвовал в занятии Южной Калифорнии и противостоянии мексиканской армии, но в сражениях участия не принимал. Часть его солдат еще в течение 8 месяцев оставалась на службе в американской армии. Выплаченное правительством жалование послужило большим подспорьем для обедневших семей Святых последних дней. Солдаты-мормоны участвовали в сооружении фортов, домов, административных зданий в Калифорнии, изготавливали кирпичи, а на обратном пути строили мельницы и лесопилки. Ветераны мормонского батальона стали первыми старателями, которые нашли золото в Калифорнии возле лесопилки Саттера в январе 1848 г., что послужило началом знаменитой золотой лихорадки 1848-1855 гг. Несколько мормонов остались в Калифорнии, чтобы добывать золото. Но основная часть бывших солдат отправилась по призыву Бригама Янга в Скалистые горы, чтобы воссоединиться со своими семьями, начать осваивать Юту и строить г. Солт-Лейк-Сити [4].

24 июля 1847 г. мормонские пионеры обосновались в долине Большого Соленого озера. В то время насчитывалось около 35 тыс. мормонов-бригамитов, многие из которых являлись иммигрантами из Западной Европы и Канады. К концу 1850-х гг. их численность выросла до 55 тыс. чел. Большинство Святых – представителей «божьего народа» сконцентрировалось в Юте, ставшей «Новым Иерусалимом» или «Сионом». Мормоны претендовали на огромные западные территории, которые они намеревались заселить и создать на них собственное государство Дезерет (название взято из «Книги Мормона» и якобы обозначает на языке древних американских племен медоносную пчелу). В 1849 г. они образовали просуществовавший до 1851 г. отдельный штат Дезерет, приняли его конституцию, сформировали Генеральную Ассамблею и иные временные органы власти.

Но федеральные власти решили ограничить территорию будущего мормонского штата современными Ютой, Невадой, частью Колорадо и Вайоминга. В сентябре 1850 г. Конгресс принял решение о создании территории Юта, губернатором которой стал в феврале 1851 г. пророк Бригам Янг. В апреле-октябре 1851 г. были приняты решения о ликвидации штата Дезерет и о сохранении юридической силы его законов на территории Юты. Идея создания штата Дезерет, основанного на принципах мормонизма, не покидала сознание Святых последних дней вплоть до 1872 г. Бригам Янг пытался управлять Ютой на основе мормонских доктрин и сформировал теневое правительство региона, неофициально де-факто руководившее территорией. В 1848-1860 гг. чеканились мормонские монеты из золотого песка, поступавшего с при-

исков Калифорнии. Совет старейшин мормонской общины принял решение о выпуске собственной монеты из-за дефицита денег в обращении. Интересно, что на монетах, отчеканенных в Юте, имеются символы Дезерета (изображения пчелиного улья) и надписи особым дезеретским алфавитом [3].

В 1861 г. от территории Юта были отделены ее восточные и западные районы, на которых были созданы самостоятельные территории Невада и Колорадо, впоследствии получившие статус штата. Такое решение федеральных властей было связано в основном с существовавшей конфронтацией между мормонами, составлявшими большинство в центральном Юте, и немормонами, проживавшими преимущественно на окраинах. В 1869 г. после завершения строительства континентальной железной дороги, прошедшей через Юту, утопический проект создания самостоятельного мормонского государства Дезерет потерял актуальность. Множество поселенцев-немормонов устремились на западные территории, где влияние религиозной общины Святых резко уменьшалось.

Понятие «Дезерет» начало прочно ассоциироваться с Мормонской церковью и мормонами. Университет Юты, основанный в феврале 1850 г., носил первоначально название «Дезеретский университет». «Deseret News» – крупнейшая ежедневная газета штата Юта, выходящая в свет с июня 1850 г. и принадлежащая Церкви Иисуса Христа Святых последних дней. «Deseret Book Company» – книжное мормонское издательство, основанное в 1919 г., которым также владеет Церковь. Ежегодно с 1974 г. выходил в свет церковный альманах «Deseret News Church Almanac».

Святые последних дней создали между 1847 г. и 1854 г. фонетический дезеретский алфавит, хорошо приспособленный для современного английского языка. Алфавит состоял первоначально из 38, впоследствии – из 40 букв и должен был помочь иммигрантам быстрее изучить язык новой родины. Дезеретский алфавит претендовал на роль нового алфавита для всего англоязычного мира. В 1854-1869 гг. при поддержке церковного руководства мормонов он пережил расцвет и начал активно внедряться в мормонской среде. Новый алфавит использовался в газетных статьях, книгах, делопроизводстве и личной переписке, изучался в школах, но не получил широкого распространения. Вместе с тем, оказалось, что проект внедрения дезеретского алфавита является весьма дорогостоящим, поэтому от него после 1869 г. и особенно после смерти Бригама Янга в 1877 г. отказались. Эксперименты мормонов с правописанием английского языка завершились неудачно. Дезеретский алфавит используется в индейском языке народа хопи. В настоящее время (с начала 1990-х гг.) отдельными энтузиастами предпринимаются попытки возродить мормонский алфавит с использованием современных компьютерных технологий, на нем издаются и переиздаются статьи и книги в бумажном и электронном форматах [2].

Слухи о «тирании» мормонов и жалобы на насильственное внедрение ими многоженства на западных территориях спровоцировали федеральное правительство на осуществление решительных действий в отношении Церкви Святых последних дней. Они получили известность под названием «Ютская война», которая продолжалась с марта 1857 г. по июль 1858 г. Ютская война также известна в американской историографии как «Ютская экспедиция», «Мормонская война», «Ютская кампания», «Оплошность (грубая ошибка) Бьюкенена» и «Мормонское восстание». Данный конфликт является одной из мормонских войн, к которым относят также вооруженные столкновения мормонов и немормонов на Среднем Западе в 1838 и 1844-1845 гг., войны мормонского ополчения с индейцами в Юте в 1849, 1850, 1851 г., 1853 г., 1865-1872 гг., а также восстание отколовшихся от Церкви морриситов в 1862 г.

После инаугурации в марте 1857 г. президент США Джеймс Бьюкенен решил сместить Бригама Янга и назначить нового губернатора территории Юта – немормона индейского аген-

та Альфреда Камминга. Он послал 2,5 тыс. солдат для подавления якобы имевшего место «бунта» Святых последних дней вместе с союзными им индейскими племенами на Западе. Мормоны, нередко подвергавшиеся преследованиям, ошибочно посчитали, что американское правительство планирует их уничтожение и активно готовились к обороне. Они осуществляли ремонт и производство оружия, но в целом придерживались стратегии пассивной обороны. Мормоны препятствовали продвижению федеральных войск в долину Большого Соленого озера, блокировали дороги по пути их следования, поджигали траву, уничтожали съестные припасы, разрушали коммуникации, мешали поставкам продовольствия и т.п. В юго-западном Вайоминге произошло несколько коротких стычек между противоборствующими сторонами, но полноценного сражения, закончившегося бы гибелью солдат и мормонских ополченцев, не состоялось.

Напряженность нарастала и ее итогом стали кровавые события 11 сентября 1857 г., получившие известность как «резня на Горных Лугах» («резня в Маунтин-Медоуз»). Мормонские ополченцы из Южного батальона Легиона Наву напали на караван переселенцев и убили 120 чел.: безоружных мужчин, женщин и детей старше 7 лет. Уцелели только 17 детей младше 7 лет. Мормоны в ходе атаки действовали совместно с союзниками-южными пайютами и пытались представить резню мигрантов как дело рук индейцев. Трагическая страница в истории освоения американского Запада была увековечена в воздвигнутых позднее мемориалах [5; 6]. Впоследствии имели место и другие случаи насилия. В октябре 1857 г. бригамиты захватили на территории Юты и убили 6 калифорнийцев-путешественников, которых сочли агентами американской армии. Ютская экспедиция способствовала нападению индейцев-банноков, союзных северным пайютам и северным шошонам, на форт Лимхи в восточном Орегоне. В ходе набега были убиты 2 мормона и несколько получили ранения. Всего в вооруженных столкновениях в ходе Ютской войны в течение года погибли около 150 чел. Количество погибших было близко к числу жертв малой гражданской войны в Канзасе (1854-1858/1861 гг.) между южанами-рабовладельцами и северянами-аболиционистами, получившей название «истекающий кровью Канзас».

Федеральные войска остановились на зимовку в 100 милях к северо-востоку от Солт-Лейк-Сити. Они надеялись весной 1858 г. получить подкрепления и увеличить свою численность почти до 5 тыс. чел., что составляло треть всей американской регулярной армии. Бригам Янг организовал исход около 30 тыс. мормонов в горные районы и планировал разрушить столицу в случае наступления войск США. 26 июня 1858 г. федеральные войска прошли по пустынным улицам Солт-Лейк-Сити. Обе стороны конфликта вынуждены были пойти на переговоры. В итоге они пришли к компромиссу и «мормонский кризис» был урегулирован [7, р. 383–387]. Мормоны вернулись в свои дома, но управлять ими отныне в качестве губернаторов территории стали светские лица.

Мормонская община сохраняла свою самобытность и относительную изолированность вплоть до 1890-х гг. В конце 1880-х гг. было распущено мормонское ополчение – милиция Юты, известная также как «Легион Наву». Большое значение имел официальный отказ Церкви Иисуса Христа Святых последних дней от многоженства в 1890 г., способствовавший интеграции мормонов в американское общество. Создание штата Юта в 1896 г. означало окончательное завершение почти полувековой эпохи существования «мормонского царства» на Горном Западе.

Таким образом, территориальная экспансия в США в 1840-е – 1850-е гг. была направлена на северо-западные и юго-западные территории континента. Соединенные Штаты присоединили Орегон и значительную часть северных регионов Мексики. Одной из проблем в данный период являлся мормонский вопрос. Мормоны приняли активное участие в колонизации

завоеванных земель и попытались создать на Дальнем Западе свое самостоятельное государственное образование. Полигамия мормонов и их нежелание подчиняться федеральным законам вызвали негативную реакцию американского правительства и едва не привели к полноценной войне в Юте. В итоге вооруженный конфликт завершился компромиссом в ходе мирных переговоров. Мормонская община сохраняла свою относительную религиозно-политическую автономию вплоть до конца XIX в.

Библиографический список

1. Calore P. The Texas Revolution and the U.S. – Mexican War: A Concise History. – Jefferson, North Carolina : McFarland & Co., Inc., Publishers, 2014. – 179 p.
2. Deseret Alphabet Portal [Electronic resource]. – Mode of access: <http://deseretalphabet.org>. – Date of access: 15.04.2019.
3. Gold Mormon Coins [Electronic resource]. – Mode of access: <http://goldmormoncoins.com>. – Date of access: 25.04.2019.
4. Mormon Battalion Historic Site [Electronic resource]. – Mode of access: <https://history.lds.org/subsection/historic-sites/mormon-battalion-historic-site?lang=eng>. – Date of access: 27.04.2019.
5. Mountain Meadows Association [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.mtn-meadows-assoc.com>. – Date of access: 10.05.2019.
6. Mountain Meadows Monument Foundation [Electronic resource]. – Mode of access: <http://mmmfm.org>. – Date of access: 15.05.2019.
7. Revolts, protests, demonstrations, and rebellions in American history: an encyclopedia / Edited by S.L. Danver. – Santa Barbara, Calif.: ABC-CLIO, 2011. – 1210 p.
8. Treaty between Her Majesty and the United States of America, for the Settlement of the Oregon Boundary. Signed at Washington, June 15, 1846 [Electronic resource]. – Mode of access: https://web.archive.org/web/20091113034143/http://www.lexum.umontreal.ca/ca_us/en/cus.1846.28.en.html. – Date of access: 20.04.2019.
9. Стариков Н.В. Война чужими руками. – М.: Эксмо, 2018. – 416 с.

Сведения об авторе:

Прилуцкий Виталий Викторович, доктор исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: vitaliypr@yandex.ru

УДК 93/94(470)

С.Т. Минаков

БЫТ И ДОСУГ ПОМЕЩИКА СУВОРОВА

Аннотация. В настоящей статье, посвященной великому русскому полководцу А.В. Суворову, в сфере внимания автора находится не военное искусство и его полководческая деятельность, а малоизученная сторона жизнедеятельности полководца – его повседневная жизнь в непродолжительные мирные месяцы и годы, когда он оказывался в своих имениях. В статье много внимания уделено повседневно-бытовым привычкам Суворова, некоторым свойствам его характера, особенностям мировосприятия и мировоззрения, его досугу и хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: А.В. Суворов, «архетип Тюренна», повседневная жизнь, быт, хозяйство, поместье, крепостной театр.

S.T. Minakov Life and leisure landowner Suvorov

Abstract: In this article, dedicated to the great Russian pole koodza to A. V. Suvorov in the field of the author's attention is not the art of war and his military activity, but little-studied aspect of the life of the commander – his daily life in short, the peaceful months and years when he was in his estates. In article much attention is paid to daily-household habits of Suvorov, some properties of his character, features of perception of the world and Outlook, his leisure and economic activity.

Keywords: A. V. Suvorov, "the archetype Tyurenna", everyday life, household, farm, manor, serf theatre.

Личность и деяния великого русского полководца Александра Васильевича Суворова (1730 – 1800) широко известны и нет нужды пространно их характеризовать. О нем написано достаточно книг, научных статей, популярных публикаций, которые начали появляться еще при его жизни (укажу лишь самые из них известные) [8, 9, 10]. Эта, так называемая «сувориана» сама по себе заслуживает научного осмысления, как явление русской культуры и национального мировосприятия. Можно сказать, что Суворов является одним из знаковых символов русской культуры. Однако Суворов почти всегда был предметом внимания и исследования как полководец, а его деятельность – как явление военного искусства. И если кто-то из авторов касался его сугубо личностных качеств в повседневно-бытовом аспекте, то, как правило, скороговоркой, мимоходом и обязательно отмечая в нем некую чужаковатость в поведении, то ли природную, то ли усвоенную как способ мимикрирования в сложном мире взаимоотношений внутри российской элиты «славного века Екатерины Великой». Будучи «худородным», с невыигрышной, негероической внешностью и неловкостью в светских манерах, которым он так и не обучился, да и, пожалуй, не хотел обучаться, Суворов предпочитал простоту армейско-солдатского повседневного и военного быта.

«...Долговременное мое бытие в нижних чинах, - писал А.В. Суворов своему высокому начальнику и покровителю, - приобрело мне грубость в поступках при чистейшем сердце и удалило от познания светских наружностей; препроводя мою жизнь в поле, поздно мне к ним привыкать» [14, с. 100].

И как бы извиняясь за грубоватые и несветские свои привычки и манеры, говорил, что «жизнь моя была суровая школа, но нравы невинные и природное великодушие облегчали мои труды: чувства мои были свободны, а сам я тверд» [14, с. 25].

Сквозь многочисленные апокрифические рассказы о поведении, о личности, привычках Суворова, при внимательном взгляде, в нем просматривается несомненный «интраверт». Он весьма критично относился к собственной личности и, как бы сейчас выразились, всю свою жизнь «комплексовал» из-за своей внешности. Потому и не любил свои отражения даже в зеркалах (которых не было у него дома) [14, с. 68] и был чрезвычайно придиричив к своим

портретным изображениям, полагая, что почти все они на него не похожи [14, с. 69]. Трудно сказать, были ли у него близкие друзья, хотя конфиденты, в делах практических, были. Но их было мало. Суворов был «книжным человеком» [4; 5, с. 108-120]. Пожалуй, он глубоко проник в сущность сервантесовского Дон Кихота (книга эта была в многочисленной библиотеке Суворова) и в его суждениях о себе порой прорывалось слегка грустное: «все мы донкишотствуем понемногу» [5, с. 615; 1, с. 413]. Скрытое видение в собственном поведении на протяжении всей жизни «донкишотство», несомненно, было связано и с впечатлением Суворова, с детства воспринятое от знакомства с «образом» короля-полководца Карла XII, который импонировал Суворову не только как военный гений, но и повседневно-бытовой простотой и тоже определенным «донкишотством».

Не имея привычки заводить близких друзей, Суворов полушутя говорил: «У меня много старых друзей: Цезарь, Аннибал, Вобан, Кегорн, Фолард, Тюренн, Монтекукули, Ролен... и всех не вспомню. Старым друзьям грешно изменять на новых» [1, с. 361]. «Книжность» его воспитания с детства обусловила и его нравственные установки, можно сказать, на праведную жизнедеятельность, и нравственные его идеалы: «Наука просветила меня в добродетели, - «расшифровывает» свои идеалы Суворов, - я лгу как Эпаминонд [14, с. 100], бегаю как Цезарь, постоянен как Тюренн и праводушен как Аристид» [14].

Прежде всего «Великий Тюренн» (Тюренн, Анри де ла Тур д'Овернь виконт де (1611.4(11).9.-27.7.1675), принц (21.3.1647), маршал Франции (12.1643), генерал-полковник легкой кавалерии (1657), генерал-маршал («генерал-фельдмаршал») королевской армии Франции (5.4.1660) [7, с. 239; 12, с. 514; 16, р. 182, 249-250]. Погибший на поле битвы, как подобает солдату и полководцу в 1675 г., «Великий Тюренн» был «земным богом войны» европейских и русских полководцев последней четверти XVII – XVIII вв. [16]. Уже к концу XVII в. в Европе сложился настоящий «культ Великого Тюренна» [15, р.48, 49; 16, с. 182, 249-250].

Суворов любил сравнивать себя с Тюренном [2, с. 130, 131] и ему нравилось, когда это делали окружающие, называя его «росским Тюренем» [13, с. 283, 680; 1, с. 451; 4, с. 204, 205]. Он часто говаривал: «Я хотел бы умереть как Тюренн» [1, с. 451; 14, с. 204-205]. По-своему, субъективно вычитанный в книгах и осмысленный Суворовым, «великий Тюренн» был принят им и им же самим создан для себя как нравственно-поведенческий «архетип Тюренна», помятуя для себя известную в те времена французскую поговорку: «Честный человек, как Тюренн, должен всегда держать свое слово, даже дав его разбойнику» [2, с. 182]. Несомненно, на Суворова, познакомившегося с «образом» Тюенна, созданным французским генералом А.М. Рамзе, автором четырех томной биографии прославленного французского полководца (следует заметить, что эти 4 тома включали также мемуары маршала и значительную часть его писем) еще в отроческие годы, в силу интравертивных особенностей его характера, ментальных свойств, мировосприятия, сформировавшихся не без влияния его природной болезненности, физической слабости, произвела сильное впечатление история, породившая указанную поговорку. Эта книга, изданная в 1735 г. была в личных библиотеках многих представителей русской аристократии и служилой элиты, а отец Суворова тоже к ней принадлежал, хотя и не к высшему ее слою. Необходимо отметить, что образы «великих людей», создававшиеся книгами в большинстве случаев воспринимались с полным доверием. Во всяком случае, вполне достоверные и апокрифические, как тогда их называли, «анекдотические», эпизоды из жизни Тюенна восприняты были отроком Суворовым с равным и полнейшим доверием. Возвращаясь к цитированной выше поговорке, считаю целесообразным коротко расшифровать ее природу, не задаваясь вопросом о степени ее достоверности (но таковой воспринятой Суворовым). Говорят, что однажды маршал, будучи уже известным пол-

ководцем, проезжая в своем экипаже, без охраны, поздней ночью по одной из парижских улиц подвергся нападению шайки грабителей. Их предводитель, оказавшийся принадлежащим к одному из аристократических семейств, потребовал от Тюренна крупную сумму денег. Поскольку такой суммы у маршала не оказалось, предводитель грабителей потребовал отдать ему дорогой перстень, который он увидел на пальце полководца. Тюренн отказался, ссылаясь на то, что это память о его покойной матери, но дал слово, что готов отдать грабителю денежную сумму, равную цене этого перстня, когда тому это будет угодно. Грабитель, узнавший маршала, сказал, что он согласен, ибо знает, что означает «честное слово Тюренна». Спустя какое-то время, на каком-то приеме, кажется, в Лувре, когда маршал в окружении группы молодых людей и женщин из весьма приличных семей оживленно рассказывал им какой-то эпизод из своей интересной военной жизни, а он это делал мастерски, к нему подошел лакей и подал записку. Улыбнувшись, маршал, молча, достал кошелек и положил его на подносик, на котором ему была подана записка. Собеседники маршала были чрезвычайно заинтригованы произошедшим. Они, наперебой, стали задавать ему вопросы, ожидая его разъяснений. Некоторое время маршал, улыбаясь, отмалчивался, но затем поведал им о вышеизложенном эпизоде. Его собеседники начали возмущаться наглостью грабителя, посмеявшегося предъявить это своеобразный «счет» маршалу, а также тем, почему Тюренн исполнил просьбу этого грабителя, а не послал за стражей. На что маршал и ответил: «Честный и порядочный человек, должен всегда держать свое слово, даже если он дал его разбойнику». Это и была «формула Тюренна», усвоенная европейским и русским XVIII веком. Усвоена она была и Суворовым, который до конца дней своих постоянно говорил и писал о необходимости «самооблюдения» (это его словечко), т.е. честности и порядочности, прежде всего, перед самим собой, о верности себе, своего «естеству» (тоже его словечко) и быть в этом «постоянным как Тюренн». Впрочем, до конца дней своих ориентируясь в формуле своего нравственного поведения и самочувствия на свой «архетип Тюренна», Суворов полагал, что уже достиг полководческого уровня Тюренна в сражении при Кинбурне в 1787 г. «Я уже вырос, что померятся могу с Турвилем западным иль Тюренном» [14, с. 168]. Ярко, емко и точно сущность «архетипа Тюренна» выразил русский солдат в поэтической формуле М.Ю. Лермонтова: «Слуга царю, отец солдатам» [2, с. 131].

Надо сказать, что личность Суворова, как в его боевой, полководческой деятельности, так и в повседневной жизни, в быту, в личных отношениях, формировалась с детских лет и при воздействии других персональных идеалов. Известно, что с отроческих лет он восхищался полководческим гением Карла XII, сохраняя это чувство и зрелые годы. Ему импонировала простота повседневно-бытовой жизни этого «северного Александра» (как его называли современники) [14, с. 159]. Большое впечатление на Суворова произвел в детстве и великий австрийский полководец принц Евгений Савойский, которого уже можно назвать старшим современником Суворова. В скрытой форме Суворов в некоторой степени нейтрализовал болезненность своего самолюбия и, так сказать, «комплекс неполноценности», рожденный его негероической внешностью, малым ростом, болезненностью, обращая внимание на то, что и Евгений Савойский тоже был некрасив лицом и невысок ростом, т.е. тоже, при всем величии и славе полководца, выглядел, как и Суворов, совсем не героически.

Учитывая все сказанное выше, и исходя из этого, я и решил обратить внимание не на Суворова-полководца, а на Суворова-человека в его обыденной, прозаической бытовой повседневности, на отдыхе и на досуге, не забывавшим, однако, о хозяйственных делах, будучи, как и его отец, рачительным и, можно сказать, скуповатым, хозяином.

Живя в деревне, Суворов посещал соседей не часто, а больше принимал у себя; он любил и пообедать в компании, и позабавиться, особенно потанцевать или, как он выражал-

ся, «попрыгать». Рассеянной, что называется открытой, жизни он, однако, не любил, больших и частых приемов не делал. Излишества, роскоши на его приемах и угощениях, конечно, не было; стол у него был простой, обыкновенный, не ограничиваясь, однако же, похлебкой и кашей; выписывались из Москвы анчоусы, цветная капуста, формы для приготовления конфет, разные напитки.

Несмотря на хроническое желудочное заболевание, время от времени обострявшееся, Суворов любил разнообразную и вкусную пищу. Неприхотливый в полевом солдатском, походном быту, находясь в поместьях и живя там какое-то время, он давал простор своим хозяйским, «старосветским», почти «гоголевским» потребностям пожеланиям в кушаньях. Денис Давыдов, делясь своими детскими впечатлениями о встрече с Суворовым, как-то побывавшем у них дома в гостях (в перерыве во время маневров), оставил небольшие, но красноречивые и яркие воспоминания на этот счет.

«Спустя несколько времени, - рассказывал он, - отец мой (тогда командир легкоконного полка в армии Суворова) пригласил его (Суворова) за обеденный стол. Все разместились. Подали щи кипячие, как Суворов обыкновенно кушивал: он часто любил их хлебать из самого горшка, стоявшего на огне. Я помню, что почти до половины обеда он не занимался ничем, кроме утоления голода и жажды, средь глубокого молчания; и что он обе эти операции производил, можно сказать, ревностно и прилежно...» [3, с. 182].

Письма генералиссимуса оставили достаточно сведений о его хозяйственности в области заготовки продуктов питания для его обеспечения себя и его друзей достаточной и здоровой пищей во время пребывания в собственном поместье.

«Это я тоже слышал, - вспоминал один из суворовских крестьян, - что барин из обеих наших речек, Белявки и Селезневки, воду взвешивал. Селезневская вода вышла легче, за то и употреблять приказал ее в кушанье и сам всегда рыбу здесь удил. Оно и точно. Теперь и мы берем воду из Селезневки...» [4, с. 167].

«Купи, Матвеич, - распоряжается Суворов в письме 23 сентября 1784 г., - бочонок сельдей хороших от 50 до 100 пониженною ценою...» [14, с. 95]. «Арбузов покупай на месяц по рублю, - продолжает Суворов свои распоряжения «Матвеичу» в том же письме, - отсылай при оказиях. Коли случая не будет, то и неважно, что арбузы иногда очень дороги, да их и купить нигде нельзя...» [14]. «Доставляй в Ундол рождественских сухих и соленых грибов такоже и ягод», - распоряжается Суворов в следующем сентябрьском письме 1784 г. [14, с. 97-98]. «...Огурцов в Рождествене насолить довольное число, - продолжает Суворов в том же письме, - до новых, как говорил я. Василья огородника снабдевать и блюсти, как было при моем родителе. Капусты белой и серой и кочанной наготовить также и всех земляных продуктов довольное число в запас до новых, дабы с небольшою свитою мне можно было летовать в Рождествене. В московском доме в лед зарубить лучшей рыбы и виноградной тешки. Осетрины и белужины думаю по 6 пуд засолить, селитрой лучше; все это запасти в малых кадочках, чтобы лучше из Москвы их в Рождествене забирать» [14]. «Да свинок при борове одну или две, - добавляет Суворов к своему заказу. - Из них приплодных для нечаянного моего приезде блюсть в зиму треть» [14]. «Мяты, зеленой петрушки, особливо ж укропу высушить сколько можно больше и исправнее на зиму, - пишет Суворов в августе 1785 г. и советует своему управляющему М.И. Поречневу в с. Ундол, - равно и иных припасов зеленой» [14, с. 106-107].

Известно, что Суворов был большим любителем чая, только черного. Он неоднократно убеждал Матвеича не экономить на этой статье расхода. «Матвеич! – обращается он к своему управляющему С.М. Кузнецову 17 сентября 1784 г. – Чай из Москвы прислал ты столь дурен, что весь желудок мой перепорчен, да и здесь не хорош» [14, с. 95]. Плохой по качеству

чай раздражал Суворова и потому, что на него болезненно реагировал его желудок. Суворов еще с молодых лет страдал хроническими желудочными, равно как и простудными, заболеваниями, которые время от времени обострялись. За хороший чай Суворов, являвшийся экономным, рациональным хозяином, готов был платить самую дорогую цену.

«Купи чаю наилучшего, - продолжает он требовать от своего управляющего, - какой только обреститься может.... черного... как бы тебе дорог не показался... выбери знатоков и перешли ко мне очень сохранным, чтобы постороннего духа он отнюдь не набрался, а соблюдал бы свой дух, весьма чистый» [14]. Как становится ясным из приведенной цитаты, Суворов ценил в чае все, и цвет, и запах, будучи весьма требовательным к этому продукту. Другой его привязанностью и привычкой был нюхательный табак. Впрочем, привычка весьма характерная для его времени и тогдашнего общества. «От нюхательного табаку, тобою присланного, - вновь выражает свое недовольство управляющему С.М. Кузнецову, - у меня голова болит...» [14]. Как и в «чайном деле», Суворов готов заплатить хорошую цену за качественный табак, который, по его мнению, можно достать при помощи людей, понимающих в нем толк. «Через знатоков купи табак, - настоятельно советует он Кузнецову, - смотри исправно внутрь, а не на обертку, чтобы не была позолоченная ослиная голова...» [14].

Вино он пил разное, но выписывал в небольшом количестве и содержал запасы самые незначительные. Больше всего любил английское пиво. Не злоупотреблявший горячительными напитками, Суворов, как известно из свидетельств его современников, пил понемногу, в том числе и в лечебных целях анисовую водку, а также так называемую «сладкую водку».

Денис Давыдов в связи с вышесказанным вспоминал, что, оказавшись в гостях у его отца, непосредственно перед обедом, Суворов «подошел к столу, уставленному закусками, налил рюмку водки, выпил ее одним глотком и принялся так плотно завтракать, что люблю» [3, с. 182]. При этом, в основном, судя по его письмам к управляющим его поместьями, водку, по его распоряжению, производили у него же в поместьях.

«Из моих денег купи, Матвеич, - обращается Суворов из с. Кистошь к своему управляющему во владимирских селах С.М. Кузнецову 6 августа 1784 г., - и отправь винные казаны в Рождествено по примеру как в Ундоле для скидки вина и водок. Заведи там всю посуду и винокурню. Отыщи и отправь туда винокурщика; насиди там вина (кроме одной персиковой или из горьких миндальной), коренной водки умеренную пропорцию и отдай в сохранение священнику» [14, с. 94]. Активные распоряжения и озабоченность Суворова производством собственной водки была обусловлена его намерением приехать в имение со своей «свитой». «Может быть после «Святой мы к тебе в Рождествено пожалуем, - предупреждает он своего «Матвеича» 26 марта 1785 г. о своем приезде сразу после Пасхи. - Винокурню скорее заводи. Положено купить кирпича на два котла, и те два котла с отварным третьим бражным покуай и в Рождествено привози» [14, с. 105].

Суворов, как это видно из текста письма, водку называет, традиционно по-русски, «вином». Он весьма заботливо относится к винокурению. При этом в селах его водка, как видно из текста письма, производилась нескольких сортов, в зависимости от исходного продукта: персиковая, горькая миндальная, коренная.

Впрочем, хорошее французское вино Суворов любил и, судя по письмам, знал в нем толк. «Да приторгуй в Москве французского вина, - обязывает он своего «Матвеича». - Там есть виноторговец, знатный купец, имеет каменный дом в Немецкой Слободе (забыл его имя). Узнай у хороших знатоков. Купи у него французского вина молодого, отнюдь не порченного и не могущего в скорости испортиться или старого французского вина сладкого, крепкого, мадеры или испанского и португальского, а также красного столового, хорошего кагору, бордо или подобное модное, всего бутылок 120 и более» [14, с. 97-98]. Таким обра-

зом, к предпочитаемым винным сортам Суворова относились мадера, портвейн, кагор, бордо. Судя по суворовскому заказу, русский полководец отдавал предпочтение сладким и крепким винам, хотя употреблял и сухие («молодые»). Но, судя по тому, что закупал он достаточно большие партии вина (120 бутылок), опасаясь при этом за его сохранность, сам Суворов, да, видимо, и его друзья, пили не очень много, и вино достаточно долго держалось в суворовских подвалах. Видимо, это обстоятельство тоже было одной из причин, по которой Суворов предпочитал сладкие и крепкие вина сухим.

Судя по письмам, Суворов был любителем пива и кваса, причем разнообразного по вкусу и крепости. В сентябре 1784 г. из своего новгородского села Кистоши он пишет во Владимирскую губернию управляющему его владимирскими поместьями, уже упоминавшемуся «Матвеичу», предупреждая о его, Суворова возможном внезапном приезде. В связи с этим он приказывает ему позаботиться о покупке и заготовке разнообразного пива и кваса.

«Матвеич! – пишет он своему управляющему во владимирские поместья 25 сентября 1784 г. - Аглицкого пива бочку купи. Я его поделю здесь с соседями» [14, с. 96]. Но Суворов не удовольствуется одним «аглицким пивом». «Исправляй крепко рождественские мои дома к внезапному моему приезду, - предупреждает и приказывает Суворов «Матвеичу» в одном из сентябрьских писем за 1784 г. - Закажи пива сварить, русского, в Рождествено и Ундол. Но сие, впрочем, удобнее около марта, чтобы в Московском доме зарубить в лед и в свое время его привезти рождественским крестьянам при приезде их подвод с господским сеном...» [14, с. 97-98].

«У добрых хозяев готовится густой красный мартовский квас, - продолжает Суворов свои заботливые хозяйственные распоряжения «Матвеичу», - то и такого не худо заготовить в московском погребе несколько бочонков – для употребления в Рождествене. Своевременно для этого требуй у меня Николаева, чтоб он в одно время управлялся и с рыбой, и с квасом. В Рождествене наварить и в лед зарубить крепкого русского хорошего пива и полпива» [14]. Однако, видимо, так и не удалось Александру Васильевичу поудовольствоваться своим «мартовским московским пивом», да, очевидно, и квасом.

«...Пиво московское задремалось, - пишет Суворов с заметным сожалением своему «Матвеичу» 14 апреля 1785 г. - Теперь уже его везти поздно. Пусть оно так зарубленное во льду и останется впредь до резолюции. У меня здесь московского пива осталось с дюжину, и страшно, чтоб не приняться вместо него за аглицкое» [14, с. 105]. Табак Суворов не курил, но нюхал, и по этой части был очень разборчив.

Несмотря на уже вполне солидный возраст (47 лет) и чин (генерал-поручик), Суворов не отказывается, как и в молодости, принимать участие в развлечениях. «...Становлюсь стар и дряхл, - жалуется он В.И. Храповицкому 3 октября 1777 г. из Полтавы, - однако ныне здесь на свадьбе танцую...» [там же, с. 40].

Изнывая от скучной службы, жары, комаров и болезней в Астрахани, Суворов не отказывается от развлечений, хотя тамошний «свет» ему не нравится, и отношения с ним у Суворова и его семьи с ним не сложились. «...Пиери – директор театра: у Губернатора будут куртаги по воскресеньям, - сообщает он П.И. Турчанинову 9 ноября 1781 г. из Астрахани. - ...Варюта за 12 Губернаторше визитов не омилоствлена ею ни одним, - перестали они говорить между собою и кланятца. ...Григорий Васильевич ревнует меня к Устинье Марковне, которой вблизи учинил я комплимент в церкви. Слух носителя, что Герман, герой здешних красавиц, бросился головой вниз, в воду, учиняя последний вздох» [14, с. 81-82]. В том же духе Суворов продолжает жаловаться Турчанинову и в письме от 12 ноября того же года. «Все сии дни продолжались у нас Михайловские праздники, - сообщает он. - ...Я в карты не играл, но с девушками прыгал. ...Такая тоска, голубчик, от голоду, от спесивой вони мне,

Варюте и всем, что принужденным я нашелся велегласно повелеть носить есть. Кушанье застылое, переспелое, подправное, такие пары воздвигло из моего желудка в мозг, что принужден был я публично дать доктору щупать мой пульс, протестуя, что от времен Алексея Петровича Бестужева я только поздно разве когда ужинал?» [14].

При хорошей летней погоде он иногда обедал с гостями на берегу реки, невдалеке от господского дома, на какой-нибудь уютной лужайке. «И как на усадьбе завсегда занятно нам было – и музыка, и гости там бывали зачастую» [4, с. 166].

Зимой Суворов любил кататься на коньках, устраивал у себя ледяную гору и на масляной забавлялся на ней вместе с гостями. «Даже в гору на масляницу дома его устраивали: гости, и сам Суворов катались по льду на коньках. Угощал он всех не скупой» [4].

Если гости жаловали не в пору или приходились ему не по вкусу, то, отправившись с ними на послеобеденную прогулку, он незаметно скрывался и ложился в рожь спать, оставляя всю компанию на долгое время в недоумении. «В иную пору, - вспоминал суворовский крестьянин, - особенно летом, и гости Суворову были не в радость. После стола поведет иной раз всех гостей на Канылкино (так у нас лес называется), а сам спрячется в рожь и пригрозит жнеям – вы де не сказывайте, что я тут отдыхаю, а говорите, когда искать будут, что вы не видали. Да видно, когда с которыми господами не хотелось ему вести речей, таких он заставлял петухом петь или собакой лаять. Когда гость такой назабавит всех, то и водки ему Суворов сейчас за это сам поднесет. Случалось и то, когда стол с гостями ему приготовят, а он уйдет на берег реки Клязьмы, облюбует там место и поведет гостей туда, и все кушанья за ним повезут на зеленый лужок, да там и пируют. Что, говорит, в комнатах сидеть, когда лето хорошо на воздухе и по реке места привольные. После обеда гостям велит тут в реке купаться, а которых и сам толкнет в воду так во всем платье. Гость начнет ему пенять... что ты это, батюшка, наделал со мною! – Э, дружок, говорит, чего же ты сам смотрел – и ты бы меня туда в реку, коли сила и догадка есть... Такой был человек чудный, да приятный...» [4].

Намереваясь и собираясь на лето или, чаще, на зиму на жительство в деревню, в одно из своих поместий, Суворов заботился не только о съестных припасах, горячительных и прочих напитках, рассчитывая, как правило, не только на себя, но и на небольшую компанию подчиненных ему сослуживцев. В сельской жизни, на досуге особенно возрастала потребность и во всевозможных развлечениях.

Время препровождение его дома видно из корреспонденции с Матвеичем. Требовались камер-обскура, ящик рокамбольной игры, канарейный орган, ломберный стол, марки, карты, шашки, домино, музыкальные инструменты, ноты, наконец, гадательные карты, «для резвостии», прибавляет Суворов как бы в свое извинение. Забавлялся также он охотой за птицей, но не особенно, и ничего похожего на охотничий штат не содержал. Не был он и карточным игроком, а держал карты для гостей, так как уже и в то время это развлечение было многими превращено в занятие.

«А в Ундоле пришли ломберных марок хороший ящик, - просит Суворов «Матвеича» в сентябрьском письме 1784 г., - цены средней, и дюжину карт» [14, с. 97-98]. Поскольку поручение осталось не выполненным, Суворов напоминает о нем, наряду с другими. «Да не дослал ты игрушки лотовой и карамболевой (разновидность бильярда) игры ящик, - озабочен Суворов в письме к «Матвеичу» 25 сентября 1784 г. - В нем костяные марки по многу призов в 4-х коробках – каждая особого цвета: белый, желтый, зеленый, алый. Думаю, цена около семи рублей. Купи и пришли. Да не дослал ты еще дюжину карт ...и затем хоть недорогую камер-обскуру» [14, с. 96]. Он имел в виду ящик с оптическим приспособлением, для проектирования изображения на прозрачный экран – некий отдаленный прообраз кинематографа. Говоря о «ломберных марках», Суворов имел в виду старинную карточную игру – «Ломбер».

Суворов любил музыку и пение, имел также склонность и к драматическому искусству; в нем была потребность художественных наслаждений, но не было ни эстетического развития, ни художественного чутья. Легко поэтому понять, что его доморожденные артисты представляли собой нечто карикатурное, или, по меньшей мере, грубоватое.

При московском доме находилось вначале немало дворни, в том числе певчие и музыканты, которые держались в Москве для усовершенствования, причем образцом им служили знаменитые голицынские певчие. На музыку Суворов обращал всегда внимание при посещении и других своих имений. В Петербург отсылались музыкальные инструменты для исправления, и на это однажды израсходовано разом 200 рублей – расход для бережливого Суворова огромный. Куплены гусли, и для обучения на этом инструменте взят мастер; «для поправления певчих на италийский манер» выписан певчий из Преображенского полка на жалованье. Приобретались ноты; раз были куплены симфонии Плейля, квинтеты, квартеты, серенады Вангали, трио Крамера, 12 новых контрдансов, 6 полонезов, 3 менуэта, несколько церковных концертов. Церковную музыку Суворов любил особенно.

Для сельского развлечения он завел у себя в одном из имений камерный оркестр, хор и крепостной театр. К этим делам Суворов относился со всей серьезностью.

«...Помни музыку нашу, - обращает Суворов внимание М.И. Поречнева на проблемы сельского досуга и развлечений в августе 1784 г., – вокальный и инструментальный хоры, и чтоб не уронить концертное. А простое пение всегда было дурно, и больше, кажется, его испортил Бочкин, велим гласом с кабацкого. Когда они в Москве певали с голицынскими певчими, сие надлежало дано обновить и того единожды держаться» [14, с. 106-107]. Как известно, Суворов и сам любил попеть на клиросе или духовную музыку Бортнянского или Сартти [11, с. 237]. «...Валторн моим музыкантам купи, - передает он свою заботу о своем камерном оркестре как поручение управляющему «Матвейчу» 10 сентября 1784 г., - а какой именно, спросись с добрыми людьми. Васютку Ерофеева старайся поскорее сюда прислать. В нем там дела нет, а здесь фиола-бас. Купи еще полдюжины скрипок с принадлежностями для здешних ребятишек» [14, с. 94-95].

Подобно многим богатым дворянам, Суворов завел в своей усадьбе крепостной театр. «Театральное нужно для упражнения и невинного веселия, - распоряжается он в письме к «Матвейчу» 10 сентября 1784 г. - Всем своевременно и платью наделать. Васька комиком хорош. Но трагиком будет лучше Никитка. Только должно ему надо учиться выражению – что легко по запятым, точкам, двоеточиям, восклицательным и вопросительным знакам. В рифмах выйдет легко. Держаться надобно каданса в стихах, подобно инструментальному такту, - без чего ясности и сладости в речи не будет, ни восхищения, о чем ты все сие подтвердительно растолкуй. Вместо Максима и Бочкина комическим ролям можно приучать и маленьких певчих из крестьян. Сверх того французской грамматике заставить учиться исподволь Алексашку парикмахера. Ему и Николай покажет, только бы он умел читать. Пуще всего мальчиков питай в благонравии» [14, с. 106-107].

Как видим, в этих своих досуговых увлечениях и предприятиях Суворов был достаточно типичен: все эти увлечения были свойственны многим именитым российским людям и аристократам. При этом, следует заметить, что Суворов, как неоднократно на это уже обращалось внимание, был достаточно скупым хозяином. Это проявлялось, в частности, в его стремлении, при удобном случае, уберечь своих мужиков от рекрутской повинности, предпочитая «прикупить рекрутов» для исполнения этой нужды и кого-либо из своих соседей. Он не хотел «разбазаривать» своих крепостных мужиков. Эо проявлялось также в его действиях по проведению элементарных мер гигиены, санитарной безопасности своих крестьян, забота об их здоровье и здоровье их детей.

Подводя итоги рассмотрению вопросов повседневной-бытовой жизни Суворова, следует заметить, что, будучи сугубо военным человеком, увлеченным армией, войной, походами, являясь, несомненно, честолюбивым и тщеславным человеком, Суворов выказал себя весьма хорошим, знающим, распорядительным и экономным хозяином. Он прекрасно разбирался и в помещичьем хозяйстве, и в обустройстве дома, его интерьера. Он был человеком, хотя и приученным к неприхотливости походной солдатской жизнью, однако имевшим свои пристрастия и в пище, и в проведении досуга. Его досуг был во многом традиционно-помещичьим: охота, игра в бильярд, карты, гадания, но также и пение духовных песен (он был глубоко верующим человеком). Как и многие помещики его времени, Суворов завел собственный камерный оркестр, свой сельский театр из крепостных актеров. В то же время – это был любитель старорусских развлечений – слушанье пенья птиц и пр.

Библиографический список

1. Александр Васильевич Суворов. Наука побеждать. М., ЭКСМО, 2013.
2. Голицын Н.С. Великие полководцы истории. СПб, 1875.
3. Давыдов Д.В. Сочинения. М., 1962.
4. Жизнь Суворова, рассказанная им самим и его современниками. М.,Терра-Книжный клуб, 2001.
5. Минаков С.Т. Реконструкция библиотеки А.В. Суворова как информационного ресурса для изучения формирования мировоззрения полководца // Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки. М., 2016.
6. Минаков С.Т. Росский Тюренн. Опыт сравнительной военно-исторической антропологии. Орел, Орловский государственный университет, 2014.
7. Михневич Н.П. История военного искусства. М., 2008.
8. Осипов К. Суворов. М., Госполитиздат, 1947.
9. Петрушевский А.Ф. Генералиссимус князь Суворов. СПб., «Русская симфония», Библиотека Академии Наук, 2005
10. Полевой Н.А. История князя Итальянского графа Суворова-Рымникского генералиссимуса российских войск. СПб., 1858
11. Пыляев М.И. День генералиссимуса А.В. Суворова //А.В. Суворов. Великий сын России. М., СПб.: Триада-Х, Успех, 2000.
12. Разин Е.А. История военного искусства. Т. 3. М., 1961.
13. Русская литература. Век XVIII. Т. 1. М., 1990.
14. Суворов А.В. Письма. М., Наука, 1987.
15. Roy J. Turenne. Sa vie, les institution militaires de son temps. Paris, 1896.
16. Weygand M. Turenne. Paris, 1934.

Сведения об авторе:

Минаков Сергей Тимофеевич, д.и.н., заведующий кафедрой истории России, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева.

УДК 93/94(470)“1822”

А. С. Рогожина

ДВОРЯНСКИЙ ПРОЕКТ РЕОРГАНИЗАЦИИ ХЛЕБОЗАПАСНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ 1822 Г. И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ

Аннотация: статья посвящена деятельности дворянского сообщества по составлению проекта реорганизации хлебозапасной системы в Российской империи, результатом которой становится указ 1822 г. Автор анализирует особенности нового законодательного акта, изучает его реализацию на практике и делает вывод о несостоятельности его основных принципов в условиях российской действительности.

Ключевые слова: дворянство, проект, хлебозапасная система, неурожай, голод.

A.S. Rogozhina Noble project of reorganization of the grain storage system in Russia in 1822 and its implementation

Abstract: the article is devoted to the activity of the noble community in drafting the reorganization of the grain storage system in Russia, the result of which is decree 1822. The author analyzes the features of the new legislative act, studies its implementation in practice and makes a conclusion about the failure of its basic principles in the Russian reality.

Keywords: nobility, project, grain storage system, crop failure, famine.

Первые годы правления императора Александра I были ознаменованы продолжением прежней государственной политики в области продовольственного обеспечения населения в случае неурожая и голода. Задача правительства состояла в укреплении хлебозапасной системы и поддержании хлебной торговли, которые являлись основными механизмами обеспечения продовольственной безопасности.

В 1807 г. значительную территорию Европейской России постиг серьезный неурожай, продемонстрировавший глубокое несовершенство государственной продовольственной системы. Хлебозапасные магазины, ставшие результатом продовольственной политики XVIII в. обнаружили свою несостоятельность. Главным образом, это было обусловлено нарушением разработанных правительством правил относительно устройства и содержания хлебных запасов: в одних селениях хлебозапасные магазины вообще не были организованы, в других не доставало необходимой пропорции хлеба, в третьих – выдача хлебных пособий происходила со всевозможными нарушениями [5; с. 355]. Кроме того, материальное положение российского общества, в том числе и в продовольственном отношении, было подорвано Отечественной войной 1812 г. и заграничными походами русской армии. Поставка рекрут для пополнения армии, исполнение подводной повинности, необходимой для нужд армии, призрение семейств нижних чинов, а также продовольственное снабжение действующей армии, военнопленных и многомиллионного тыла требовали привлечения колоссального количества материальных и человеческих ресурсов.

Вследствие сложившейся внутриэкономической ситуации правительство выступило с предложением передать на обсуждение дворянства вопрос о наиболее оптимальных способах пополнения и содержания хлебозапасных магазинов, а также о том, под чьим контролем и ответственностью должны находиться магазины, причем не только в частновладельческих, но и в государственных и удельных селениях. По результатам своей деятельности дворянство каждой губернии должно было представить особое положение о порядке содержания и пополнения хлебных запасов [3; с. 142].

Обобщая соображения дворянства по поставленным перед ними вопросам можно заключить, что подавляющее большинство рассматривало существование хлебозапасных магазинов как необходимую меру для поддержания народного продовольствия в случае неурожая и го-

лода. При этом продовольственные правила 1799 г. были признаны «неудобными» и требующими последующего законодательного совершенствования. Претензии дворянства вызывали вопросы, связанные с размерами хлебных запасов, способом их пополнения и содержания, ответственностью за исправный взнос и управление хлебозапасными магазинами.

Вопрос о размерах хлебных запасов оказался дискуссионным: часть дворянства полагали целесообразным оставить в силе прежнюю пропорцию, а именно 3 четверти озимого и 3 четверти ярового на ревизскую душу; другие предлагали уравнивать пропорции озимого и ярового хлебов, по 2 четверти каждого на ревизскую душу; третьи считали более полезным сократить размер сбора озимого хлеба до 1 четверти, а ярового, напротив, увеличить от 1 до 4 четвертей; четвертые предлагали ограничить запас хлеба размером двухмесячного продовольственного содержания, с прибавкой 4 четвериков озимого хлеба. Кроме того, активно высказывались соображения о замене хлебных запасов денежными капиталами [3; с. 144-145].

Другой вопрос, подлежавший обсуждению на дворянских собраниях, касался наиболее оптимального способа составления запасов. Часть дворянских собраний высказывалась за сбор зернового хлеба, другие – за сбор хлеба в снопах. Другие вообще выдвигали идею об отмене ежегодного хлебного взноса. Взамен должны были выделяться и совместно обрабатываться отдельные земельные участки; хлеб, полученный от них, подлежал засыпке в хлебозапасные магазины в необходимой продовольственной пропорции. В дальнейшем это явление получило широкое распространение под названием общественных запашек.

Относительно способа содержания хлебных запасов высказывалось два мнения: в местностях, где преобладали лесистые районы и, соответственно, было достаточно строительного леса, хлебные запасы содержались в деревянных хлебозапасных магазинах; в местностях же, где не было возможности устраивать хлебозапасные магазины, ввиду отсутствия строительного леса, хлеб хранился немолотым в скирдах и ямах.

Что касается ответственности за исправный взнос и хранение хлебных запасов, то в одних губерниях предлагалось возложить ее на владельцев помещичьих имений, удельные конторы и волостных голов, старост и сотских, в зависимости от того, к какому ведомству принадлежали селения, в которых содержались хлебные запасы. Другие губернии высказывали желание, чтобы сбор хлеба производился специально для этого созданными должностными лицами.

Надзор и ответственность по управлению магазинами предлагалось возложить на нескольких, так называемых, вахтеров или приставов, как в частновладельческих, так и в казенных селениях [3; с. 147]. Своевременное освежение хлеба, его качественное сохранение и оптимальное распределение, а также наблюдение за правильным содержанием помещений хлебозапасных магазинов составляло заботу помещиков или их управляющих – в селениях помещичьих крестьян, а также волостного начальства, вахтеров, писарей или целые сельские общества – в селениях государственных и удельных крестьян. Общий надзор, по мнению одних дворянских собраний, должен был осуществлять уездный предводитель дворянства, а по убеждению других – чины земской полиции. Часть дворянских собраний выдвигала предположение о необходимости учреждения в каждом уезде специального комитета состоящего из предводителя дворянства и двух избранных от дворян. Наконец, необходимо отметить, что подавляющее большинство дворянских собраний пришло к заключению, что поддержание системы продовольственного обеспечения в предписанном порядке требует перманентного контроля со стороны местных административных образований, которые более осведомлены о положении продовольственного дела на уровне губернии. Такие предположения и привели к идее учреждения при губернских правлениях специальных комитетов, обязанности которых заключались в попечении о народном продовольствии.

Приняв к сведению заключения губернских дворянских собраний, факты, подтверждавшие неэффективность действующих правил содержания хлебозапасных магазинов, а также обширность территории Российской империи, где повсеместный неурожай был маловероятен, Комитет министров разработал собственный проект по реорганизации действующей хлебозапасной системы. Новый проект, поступивший на рассмотрение императора, отменял сбор хлеба для пополнения хлебозапасных магазинов, а непосредственную ответственность за продовольственное обеспечение крестьян, в помещичьих имениях, возлагал на помещиков. При этом имения помещиков, которые допускали голод среди своих крестьян, брались в опеку. На случай непредвиденных чрезвычайных ситуаций, в каждой губернии предполагалось составлять денежные продовольственные капиталы. Для его образования единовременно взималось по 25 копеек с каждой ревизской души. Разработанный проект Комитета министров вызвал одобрение со стороны императора, однако так и не получил практической реализации. Причиной этому послужили некоторые сомнения Александра I в возможности упразднения хлебозапасной системы [3; с. 156].

При этом многочисленные обсуждения продовольственных правил и необходимость реорганизации действующей отрасли продовольственного обеспечения населения в итоге привели к изданию Именного указа от 14 февраля 1822 г., который устанавливал новые правила составления натуральных запасов и меры продовольственной помощи в неурожайные годы [2; с. 146].

Так, правила 1822 г. устанавливали два способа обеспечения продовольственных потребностей населения во время неурожая и голода: хлебные запасы и денежные продовольственные капиталы. Первые служили для обеспечения населения продовольствием в случае локальных недородов, а вторые применялись в случаях чрезвычайных ситуаций, когда натуральные запасы оказывались недостаточны. В каждой губернии устанавливался тот или другой способ продовольствования. Выбор обуславливался рядом факторов, таких как, степень урожайности земли, положение губернии относительно путей сообщения и хлебных рынков, уровень развития губернской промышленности и способность содержать хлебные магазины [2; с. 147]. Характер запасов определялся в особом губернском собрании, состоящим из губернского предводителя дворянства, вице-губернатора, уездных предводителей дворянства, губернского прокурора и управляющего удельной конторой. Председательствовал на таких собраниях губернатор. При отсутствии «выборов дворянских» выбор типа продовольственных запасов осуществлялся в собраниях, в состав которых входили вице-губернатор, председатели обеих палат, губернский прокурор и управляющий удельной конторой. Председателем в таких собраниях выступал губернатор [2; с. 147].

Натуральные запасы составлялись, исходя из ежегодного сбора по 2 четверти на каждую ревизскую душу. После достижения необходимой пропорции засыпки, прежний сбор приостанавливался и сокращался до четырех гарнцев на каждую ревизскую душу. Что касается формы хлебного сбора, то хлеб в магазины засыпался в виде обработанного зерна, а в некоторых селениях в виде муки. Продовольственные запасы составлял весь хлеб, содержащийся в наличности в сельских хлебозапасных магазинах. Все вопросы, связанные с благоустройством сельских хлебозапасных магазинов разрешались по распоряжению помещиков или управляющих (в частновладельческих селениях), а также по распоряжению волостных правлений (в селениях свободных хлебопашцев, государственных и удельных крестьян). Содержание хлебных запасов, их сохранность и обновление возлагалось на помещиков, в случае, если магазин устраивался в помещичьем селении; на сельские общества – в селениях свободных хлебопашцев; на казенную палату – в селениях государственных крестьян; на удельную контору – в селениях удельных крестьян [2; с. 148].

Размер денежного сбора для составления продовольственного капитала рассчитывался, исходя из суммы, необходимой на покупку хлеба (1 четверть на каждую ревизскую душу) и равнялся 25 копеек с каждой ревизской души. Денежный сбор осуществлялся ежегодно, уплачивался вместе с подушной податью в казначейство, откуда переводился в казенную палату. Накопленные средства предназначались исключительно для обеспечения продовольственных потребностей населения [2; с. 149].

Общее заведование продовольственным делом на уровне каждой губернии осуществляла Комиссия продовольствия, в состав которой входили губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, управляющий удельной конторой, губернский прокурор, два уездных предводителя дворянства и один «непременный» член от дворянства. Председателем Комиссии продовольствия назначался губернатор [2; с. 148]. Комиссии продовольствия собирались дважды в год: в середине лета и поздней осенью [4; с. 45-46]. Летнее заседание Комиссии связывалось с обязанностью губернатора следить за состоянием цен на зерновые продукты и также за потенциалом будущего урожая. Осеннее же заседание связывалось с подведением итогов сельскохозяйственного года, основанным на поступивших из уездов сведениям о состоянии урожая зерновых культур: рассчитывались валовой и чистый сборы хлебов и определялся продовольственный баланс по губернии на будущий год.

Губернская Комиссия продовольствия каждый год собирала сведения о состоянии посевов и урожая озимых и яровых культур внутри губернии; о состоянии посевов и урожая озимых и яровых культур в тех местностях, откуда в губернию обычно привозился хлеб, в случае недостатка собственных продовольственных ресурсов; а также о состоянии хлебных запасных магазинов и денежных продовольственных капиталов. Губернские Комиссии продовольствия не ограничивались механическим сведением поступавших к ним сообщений о посевах и сборах хлебов по разным уездам. Так, протоколы заседаний Комиссии продовольствия помимо данных о состоянии урожая озимых и яровых культур, содержали сведения о природно-климатических факторах, влиявших на произрастание хлебов и трав. Особое внимание уделялось сведениям о потерях хлебных посевов в следствие стихийных бедствий (засухи, наводнений, градобитий). Кроме того, Комиссия сравнивала итоговые цифры по всей губернии с данными, полученными за прошлый год. На основании собранных Комиссией продовольствия сведений, ею определялись внутренние потребности губернии в хлебе на будущий сельскохозяйственный год, количество имеющегося в хлебозапасных магазинах наличных зерновых запасов, материальные возможности населения для покупки недостающего количества продовольственного хлеба, а также размеры и целесообразность ссуд из местных хлебных и денежных запасов [2; с. 146].

Таким образом, основная задача, возложенная на Комиссию продовольствия, заключалась в надзоре за ежегодным продовольственным обеспечением жителей губернии. К такому же выводу приходит А.Д. Градовский в работе «Начала русского государственного права» [1; с. 86]. Анализируя деятельность губернских и уездных учреждений XVIII в., занимающихся решением местных вопросов хозяйственного характера, и, в частности, губернских Комиссий народного продовольствия, профессор права уделил значительное внимание вопросу распределения полномочий по продовольственному обеспечению населения между губернскими Комиссиями народного продовольствия, палатами государственных имуществ и удельными конторами. Им были подробно проанализированы обязанности, возложенные на Комиссии, главным образом, в отношении надзора за составлением и содержанием сельских хлебозапасных магазинов и денежных продовольственных капиталов. Защитник официальной статистики А.С. Нифонтов в работе «Зерновое производство в России во второй половине XIX в.», особое значение придавал обязанностям Комиссий народного продовольствия по сбору сведений и

суждений о видах на урожай хлебов и трав, что являлось весьма важной составляющей общего надзора за положением продовольственного потенциала на местах [4; с. 58-62].

Выдача пособий из хлебозапасных магазинов и денежных продовольственных капиталов подлежала строгой правовой регламентации. Хлебными ссудами самостоятельно воспользоваться могли только селения свободных хлебопашцев и государственных крестьян. Помещичьи крестьяне таким правом не обладали, а выдача ссуд из хлебозапасных магазинов в таких селениях зависела исключительно от помещиков. В таком же положении находились удельные крестьяне, в селениях которых выдача ссуд была поставлена в зависимость от удельных контор [2; с. 149]. Что касается денежных капиталов, то Комиссия продовольствия разрешала пособия из них в пределах 25 тыс. рублей. В случаях, когда сумма пособия превышала 25 тыс. рублей, необходимо было испрашивать Высочайшее разрешение. Размеры ссуд определялись отдельно по каждой губернии с учетом числа душ, нуждающихся в продовольственной помощи [2; с. 150]. Срок возврата выданных пособий составлял один год. При возникновении «непредвиденных обстоятельств», Комиссия продовольствия могла разрешить продление срока возврата еще на один год. Если по истечении двух лет со дня выдачи пособия оно не было возвращено, то в исключительных случаях допускалось дополнительное увеличение срока возврата пособия, но только с разрешения Министерства внутренних дел [2; с. 150]. Ответственность за выдачу денежных пособий ложилась в селениях государственных и удельных крестьян на сельские общества, а в частновладельческих селениях обеспечивалась залогом имения, а в случае недостаточности его рыночной стоимости – надежным поручительством [2; с. 150]. В случаях, когда хлебные запасы и денежные капиталы губернии не могли обеспечить продовольственные потребности населения, Комиссия продовольствия имела право обратиться к правительству с ходатайством об ассигновании денежной ссуды из государственной казны. Распределение правительственных ссуд регламентировалось теми же правилами, что и ссуд из местных продовольственных капиталов [2; с. 152].

Правила, установленные указом от 14 апреля 1822 г. вводились на территории всей Российской империи, исключая Бессарабию, Грузию, Остзейские губернии и Сибирь. В отношении Сибирских губерний Положение об устройстве здесь государственных хлебозапасных магазинов было утверждено 22 июля 1822 года. Действие правил не распространялось на колонии иностранцев, на хлебозапасные магазины, «по горной части существующие» и города. Что касается городских хлебозапасных магазинов, то они продолжали функционировать в соответствии с прежним законодательством. Правда уже в 1824 г. Министерство внутренних дел издало правила, поставившие городские хлебозапасные магазины в зависимость от Комиссий продовольствия, которая заключалась в разрешении хлебных пособий из городских магазинов как городским, так и сельским жителям [5; с. 356].

На основании правил 1822 г. большинство губерний (40 губерний) отдало предпочтение составлению натуральных продовольственных запасов, посредством устройства и содержания хлебозапасных магазинов. И только в двенадцати губерниях были учреждены денежные продовольственные капиталы.

Однако система продовольственного обеспечения, основанная на правилах 1822 г. просуществовала недолго. Неурожай и голод 1833 г. убедительно продемонстрировал несостоятельность ее основополагающих принципов. Определенные правилами хлебные запасы и денежные продовольственные капиталы ни в одной губернии не составляли необходимой нормы и, соответственно, были не способны обеспечить продовольствием нуждающееся население. Это было обусловлено объективными обстоятельствами. Прежде всего, установленная законом норма как натуральных, так и денежных запасов могла быть составлена только через тридцать два года после начала сбора, при наличии сопутствующих благоприятных обстоя-

тельств. Под благоприятными обстоятельствами в данном случае принято понимать отсутствие неурожаев, которые могли потребовать несвоевременных ссуд из местных продовольственных запасов. Однако, с 1822 г. территорию России постигали довольно частые неурожаи, которые не только приводили к постоянному испрашиванию продовольственных пособий, но и препятствовали регулярным хлебным и денежным взносам. Указанные обстоятельства привели к тому, что в губерниях, избравших составление денежных капиталов как способ продовольственного обеспечения населения, собранные капиталы не достигли и 1/3 от суммы, необходимой на оказание пособий. В губерниях же, где устраивались и содержались хлебозапасные магазины, собранные запасы не смогли удовлетворить и половины испрошенных требований. Такое положение продовольственной системы свидетельствовало о том, что ни хлебозапасные магазины, ни денежные продовольственные капиталы, взятые как отдельные способы продовольственного обеспечения потребностей населения в случае неурожая и тем более голода, не совершенны и не могут самостоятельно решить возникающие продовольственные проблемы. Хлебные запасы пополнялись неисправно, денежные капиталы не соответствовали нуждам населения в силу постоянного возвышения хлебных цен. Таким образом, в связи с неурожаем 1833 г., правительство было вынуждено ассигновать из государственной казны около 30 млн. рублей на покупку хлеба и выдачу продовольственных ссуд [5; с. 356]. Проблема продовольственного обеспечения населения оставалась не разрешенной. События 1833 г. выявили несовершенства действующего продовольственного законодательства. В скором времени это привело к составлению новых продовольственных правил и разработке полноценного продовольственного Устава.

Библиографический список

1. *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. Т. I-II. – СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1875-1877. – 25 см.
2. Именной указ, данный Сенату от 14 апреля 1822 г. «Об учреждении в каждой Губернии комиссии для продовольствия в неурожайные годы жителей хлебом и денежным пособием» // ПСЗ. Собр. 1. Т. XXXVIII. СПб., 1830. №29.000
3. Исторический обзор правительственных мероприятий по народному продовольствию в России. – СПб.: Тип. М-ва внутренних дел, 1892. Части 1–2. – 688 с.
4. *Нифонтов А. С.* Зерновое производство в России во второй половине XIX века. – М.: Наука, 1974 г. – 318 с.
5. *Скалон В. Ю.* Продовольствие народное // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т.25. СПб., 1898.

Сведения об авторе:

Рогожина Ангелина Сергеевна, к.и.н., доцент кафедры истории России, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева.

УДК 778.5(47+57)''1930-1939''

А.В. Козырьянов

КИНЕМАТОГРАФ СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ. ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВ ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ В СОВЕТСКИХ КИНОКАРТИНАХ 1930-Х ГОДОВ

Аннотация: В статье рассматривается развитие образов главных героев в советских кинофильмах в 1930-х годов. Анализируется взаимосвязь изменяющейся советской идеологии и пропаганды и советского киноискусства в указанный период. Отдельно рассматривается развитие образов главных героев мужчин и главных героев женщин в 1930-е. Это исследование позволяет проследить, как менялись образы главных героев в советских кинофильмах под воздействием советской идеологии и пропаганды 1930-х годов.

Ключевые слова: история сталинизма, советский кинематограф, советская идеология, пропаганда и искусство, образы главных героев 1930-х годов.

Kozyryanov A.V.

Cinematography of the Soviet empire. Evolution of images of major heroes in soviet cinemas of the 1930s

Abstract: The article deals with the development of images of the main characters in Soviet films in the 1930s. The interrelation of the changing Soviet ideology, propaganda and the Soviet cinema art in the specified period is analyzed. Separately, the development of images of the main characters of men and the main characters of women in the 1930s is also considered. This study allows us to trace how the images of the main characters in Soviet films changed under the influence of Soviet ideology and propaganda of the 1930s.

Keywords: history of Stalinism, Soviet cinema, Soviet ideology, propaganda and art, images of the main characters of the 1930s.

В начале тридцатых перед советскими пропагандистами стояла важнейшая задача формирования образов «враг народа» и «новый советский герой – человек труда». Одной из главных задач советского киноискусства в 1930-е годы была задача формирования положительного образа нового советского человека [8.С.4]. В начале 1930-х годов идеология советского государства эволюционирует [9.С19]. В этот период с Советском союзе укрепляется совершенно новый политический режим и идет процесс формирования нового советского общества. Важнейшую роль в развитии идеологической линии играют коллективизация и индустриализация. Именно эти два процесса заставляли активно работать советскую пропаганду. Именно благодаря коллективизации и индустриализации на первый план выходят образы «строителей нового коммунистического общества» (новый советский герой) и «врагов народа» [7. С28]. Эти новые образы должна была культивировать советская пропаганда. Не менее важную роль в эволюции большевистской идеологии сыграл приход к власти национал-социалистов в Германии в 1933 году [9. С.25]. Теперь от Германии исходила военная угроза для СССР. Кроме того, военная угроза исходила и от Японии [9. С.25]. В этих условиях было необходимо подготовить население к возможным предстоящим войнам, а это означает, что необходимо было формировать образ потенциального врага и образ героя защитника. Именно так, в 1930-е внешний фактор становится одной из причин идеологической эволюции. Таким образом, изменение конъюнктурной ситуации приводит и изменению идеологической парадигмы и, следовательно, и пропагандистских задач. Новые условия требовали новых семантических образов и значений.

Важно отметить, что необходимо было создать как новый образ советского мужчины, так и советской женщины. Эта задача реализовывалась в наиболее известных и значимых кинокартинах 1930-х, где главный герой олицетворял собой образ идеального строителя социализма и советского гражданина. Количество фильмов, где главный герой мужчина, превышало количество фильмов, где главный герой женщина. Таким образом, этот идеологический тренд

реализовывался только наполовину. Именно поэтому, с 1936 года отдельное внимание уделяется фильмам, где главный герой женщина. В постановлении от 22 июля 1936 года всесоюзного комитета по делам искусств при СНК отдельный акцент делается на фильмах о «советской женщине» [24]. Согласно постановлению тематический план необходимо пополнить фильмами о «советской женщине»: «Всесоюзный комитет по делам искусств при СНК СССР постановляет: ...предложить ГУКФ пополнить тематику кино-картин 1936 г. сценариями на следующие темы: советская женщина» [24]. Такие же тематические разделы присутствуют практически в каждом производственном плане второй половины 1930-х. Например, тематическая заявка МосФильма на 1938-1939 годы [31]. В этой заявке выделяется отдельный раздел «О советской женщине, семье, молодежи, детях и школе» [31]. Таким образом, именно со второй половины 1930-х активнее формируется и образ советской женщины в кинематографе. Тот факт, что в 1936 году в тематическом плане появляется новый раздел «о советской женщине» говорит только о том, что фильмов, где женщина – главный герой недостаточно, и что именно это направление в формировании образа нового советского человека необходимо развивать.

Данная работа представляет собой попытку рассмотреть развитие образов нового советского человека: советского мужчины и советской женщины на примере наиболее известных и значимых кинофильмов 1930-х годов.

Довоенную советскую культурную историю в историографии традиционно разделяют на два отдельных периода – культура 1920-х годов и культура 1930-1950-х годов [9.С7]. В 1920-е годы в советском кинематографе господствовала тема революции. В огромном количестве выходили фильмы, освещающие роль Владимира Ленина в ходе революции, разного рода сюжеты, связанные с революцией (не только с Октябрьской, но и с первой Русской революцией). Большая часть кинокартин в 1920-е была посвящена революционной тематике. Наиболее известные это «Стачка» 1924 года, «Октябрь» 1928 и «Броненосец Потёмкин» 1925 годов. Все три фильма сняты Сергеем Эйзенштейном. Так же показателен фильм Ивана Перестиани «Наказание Княжны Ширванской» 1926 года. Режиссер Григорий Александров в своих мемуарах отмечает, что революционная тематика это «социальный заказ советского общества» [1.С.46]. Соответственно и образы главных героев – это образы революционеров, а не строителей нового общества. Таким образом, ключевой мужской образ в киноискусстве 1920-х годов – образ революционера.

Важно отметить, что уже в 1920-е одной из важнейших задач является вовлечение женщин в трудовой и политический процесс: «женское население должно было приобщаться к трудовым навыкам, приучаться к массовому действию, физически развиваться, повышать культурный и политический уровень» [2.С.83]. Кроме того, уже в 1920-е активно культивируется тема «женщина – защитник социалистического отечества» [20.С.6-21]. Так образ новой советской женщины развивается активнее, чем образ советского мужчины. Однако, фильмов, где раскрывается образ женщины, в 1920-е годы снимается очень мало. Наибольший интерес представляет фильм Михаила Доронина «Жена» 1927 года. Фильм интересен еще и потому, что в нем высмеиваются НЭПманы. Главная героиня – ревнивая жена, которая начинает мстить мужу-изменнику (НЭПману), проявляя внимание к другому. Однако, убедившись в низости обоих мужчин, она забирает детей, уходит от мужа и устраивается работать на фабрику. Главная героиня показана как сильная и независимая женщина, способная самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Здесь четко прослеживается влияние ранней большевистской идеологии о равенстве между мужчинами и женщинами. После октябрьской революции женский вопрос становится государственной политикой. Уже в 1918 году издаются важнейшие законы: «О гражданском браке, детях и о содержании книг актов гражданского состояния» и «расторжении брака» [2.С.334]. В период с 1917 по 1927 большевики активно пытались реализовать модель женской эмансипации [2.С10]. Данный фильм четко отражает цитату Надежды Крупской: «самостоятельная работа и самостоятельный заработок женщины, не могли не отразить»

ся на отношениях между мужем и женой. Жена перестает быть рабою мужа, а делается равноправным членом семьи» [14.С8]. Таким образом, в данном фильме реализуется советская пропаганда женской эмансипации.

В конце 1920-х появляются агитационные фильмы, пропагандирующие государственные займы и коллективизацию, в которых активнее появляются главные женские роли. Яркий пример – фильм Сергея Эйзенштейна «Старое и новое» 1929 года. Главная героиня – бедная, но предприимчивая крестьянка Марфа Лапкина. Она организует у себя в деревне молочную артель, однако по сюжету кулаки активно оказывают сопротивление коллективизации. В итоге артель Марфы процветает, и в финале фильма главная героиня сама на тракторе пашет землю. Фильм отражает основные черты нового образа советской женщины. Советская женщина должна быть предприимчивой, самодостаточной и целеустремленной. Женщина должна активно работать – основной посыл агитационных фильмов конца 1920-х – начала 1930-х годов.

Мужчина. Образ советского мужчины в 1930-е наглядно отражен в советских кинокомедиях Григория Александрова. Наиболее яркими примерами являются кинокомедии «Веселые ребята» 1934 года и «Цирк» 1936 года. Главные герои в этих кинокартинах имеют очень много общих черт. В обоих фильмах главный герой показан как простой, добрый и отзывчивый человек, у которого всегда хорошее настроение. Он показан исключительно с положительной стороны, и у него вообще отсутствуют изъяны. На фоне других героев он выделяется своей идеальностью, правильностью, простотой, хорошим настроением и талантом. Кроме того, важным является, что главные герои – колхозники и трудящиеся, то есть представители и участники коллективизации и индустриализации.

Например, в кинофильме «Веселые ребята» главный герой Костя Потехин с первых минут показан как веселый и талантливый человек. В самом начале фильма Костя успевает пройти через целую деревню, и всем и каждому он помогает. К тому же Потехин идет не просто так – он поёт. И с самого начала кинофильма образ Кости Потехина формируется как образ простого, доброго и талантливого человека. Так же очень нагляден момент, когда Потехин занимается на скрипке [5]. Здесь Потехин играет мелодию, которая составлена из птичек, сидящих, на электрических проводах. Эта сцена отражает особую смекалку, которой обладает Костя Потехин. Важно, что Потехин главный пастух в коллективном хозяйстве. Таким образом, мы видим, как в кинофильме главный герой сочетает в себе важные качества, он занимается социально значимым делом – главный пастух в коллективном хозяйстве, но кроме этого он еще и очень талантлив, добр, отзывчив и весел. Более того, на протяжении всего фильма появляются отдельные моменты, где образ главного героя либо дополняется новыми чертами, либо подкрепляется дополнительными поступками. Например, в сцене за кулисами перед выступлением Фраскини, главный герой начинает раздавать цветы девушкам, поющим в хоре, однако цветы предназначены для главной звезды – дирижера Косты Фраскини [5]. Это показывает что Костя Потехин открытый и добрый человек. На пятьдесят пятой минуте фильма Потехин случайно оказывается на сцене и концерт начинается. Двигаясь в такт музыке, Потехин как бы управляет оркестром, и очень удивительно, что никто из музыкантов и зрителей не заметил подмены. Все это заканчивается грандиозным успехом, и все зрители думают, что это Фраскини.

Более показателен фильм «Цирк» 1936 года. Главный герой фильма – цирковой режиссер Иван Мартынов. Мартынов – улучшенный и эволюционировавший образ положительного советского человека. Образ Мартынова продуманнее и точнее, нежели образ Потехина. Мартынов более конкретен и выдержан. Главный герой режиссер Иван Мартынов, олицетворяющий положительный образ советского человека, появляется в самом начале фильма в сцене в кабинете директора цирка [34]. И сразу зрителю дают понять, что это за человек. Иван Мартынов появляется, отбирает у директора цирка пистолет, делает точный выстрел и, показывая медали, говорит: «Здравствуйте и не будем волноваться!» [34]. Важная деталь – Мартынов показывает значки и медали Воздушно-десантных войск и говорит, что совершил почти 400 прыж-

ков с парашютом [34]. То есть Мартынов в самом начале уже предстает как защитник родины. Образ Мартынова – улучшенный образ Кости Потехина. Только Мартынов выглядит и ведет себя гораздо умнее, чем Потехин. Мартынов простой, сильный, смелый, мужественный, спокойный и уверенный в себе. Кроме того важно, что Мартынов образованный. Иван Мартынов ответственно и продуманно подходит к выполнению задания, которое ему поручает директор цирка [34].

Новый образ главного героя мужчины очень ярко отражен в фильме Фридриха Эллера «Крестьяне» 1934 года [13]. Фильм рассказывает о борьбе крестьян с кулаками за колхозы. Все главные герои – крестьяне и крестьянки. В фильме четко прослеживаются три главные роли – главный отрицательный герой, кулак Герасим Платонович, его жена Варвара, которая является ярой и преданной колхозницей, и начальник политотдела Николай Миронович. Главные положительные герои – Варвара и Николай Миронович. Они борются за сохранение колхоза и разоблачают кулака. Главные герои показаны как верные сторонники идей коммунизма и как трудолюбивые крестьяне. Стоит отметить, что данная кинокартина отражает изменившийся идеологический крен и рассказывает о коллективизации. Мы можем четко проследить, что из-за изменения идеологического крена меняются и ключевые образы главных героев. Теперь на первый план выходят колхозники (Костя Потехин и Варвара с Николаем Мироновичем) и инженеры (Иван Мартынов). Таким образом, из-за изменившейся внутрисоциальной ситуации, меняется и идеология, которая в свою очередь изменяет тенденцию в искусстве. Мы видим, как образ главного героя мужчины меняется с революционера до колхозника. Стоит отметить, что революционная тематика не переставала быть актуальной и в 1930-е. Именно поэтому особую популярность приобретают историко-революционные фильмы «Чапаев» 1934 года, «Казнь» 1934 года и другие.

Во второй половине 1930-х годов важнейшей темой в кино становится оборонная тематика. В 1937-1938 годах активно разрабатываются проекты развития кинопромышленности в СССР и планы выпуска фильмов на ближайшую пятилетку. Во всех проектах на первый план выходят именно оборонные фильмы. Яркий пример - «Проект постановления «о государственном плане выпуска фильмов» разработанный в 1938 году [25]. Данный проект был разработан чиновниками ГУКа в связи с новыми проектами пятилетнего развития кинопромышленности в СССР. Автор данного проекта Дубровский. Согласно проекту важнейшими являются темы: «о борьбе с врагами народа», «о Красной армии, флоте и авиации», «о стахановцах промышленности», «о советской женщине» и др[25]. Кроме того, оборонная тема всячески культивировалась и в других проектах, и в делопроизводственной документации, и на разных совещаниях творческой интеллигенции. Яркий пример – «Совещание кинодраматургов и сценаристов у председателя по делам Кинематографии» [29]. На данном совещании практически каждый выступающий говорит о необходимости увеличить количество выпускаемых оборонных фильмов. Причем количество оборонных фильмов было приличным. Печалин-Перес в мае 1937 года отмечает, что около 30% всех выпускаемых фильмов – оборонные фильмы [30]. Таким образом, существенная часть фильмов во второй половине 1930-х годов посвящена оборонной тематике. Главные герои в этих фильмах – военные, а следовательно это меняет и образ главного героя. Теперь на первый план выходит образ защитника отечества. Образ защитника отечества в буквальном смысле оказывает влияние и на необоронные фильмы. В картине Ивана Пырьева «Трактористы» 1939 года главный герой в самом начале фильма возвращается из армии в свою деревню. Фильм трактористы рассказывает о мирных колхозниках, однако начинается фильм с патриотической песни о том, как красная армия отразила атаку японских самураев. Еще одна интересная деталь – главный герой Клим Ярко на протяжении всего фильма отдает честь главной героине бригадиру Марьяне Бажан. Таким образом подчеркивается связь главного героя с армией.

Таким образом, можно проследить развитие черт главных героев и, следовательно, определить эволюцию образов главных героев мужчин в советских кинокартинах 1930-х годов. Советский мужчина - это сильный, смелый, спокойный и рассудительный, уверенный в себе, талантливый, образованный, смекалистый и, самое важное, простой человек. Образ главного героя эволюционировал. В 1920-х главные герой мужчина – революционер. В первой половине 1930-х годов ключевой образ главного героя мужчины – колхозник и инженер. Со второй половины 1930-х годов прослеживается так же образ защитника родины, военного, что отражает конъюнктуру данного периода. Важно отметить, что образ военного культивировался не только в оборонных фильмах, но и в фильмах на мирную тематику. Образ военного стал важнейшим атрибутом в кинокартинах второй половины 1930-х годов. Наиболее яркие примеры это фильм «Трактористы» Ивана Пырьева и «Цирк» Григория Александрова. Главные герои в этих фильмах колхозник и инженер, однако оба главных героя постоянно ходят в военной форме и так же, оба героя по сюжету фильма возвращаются из армии. Таким образом, в 1930-х советский мужчина из образцового трудовика и колхозника превращается в образцового военного трудовика – колхозника.

Женщина. Образ советской женщины нашел отражение в таких фильмах как: 1934 г. Ивана Пырьева. «Лавры Мисс Эллен Грей» 1935 г. Юрия Желябужского, «Партийный билет» 1936 г. Ивана Пырьева, «Волга-Волга» 1938 г. Григория Александрова, «Трактористы» Ивана Пырьева 1939 г., «Богатая невеста», «Свинарка и пастух» 1941 г. Ивана Пырьева.

Как уже говорилось выше, на рубеже 1920-х 1930-х образ женщины был привязан к двум важнейшим процессам коллективизации и индустриализации и к политике советского государства направленной на вовлечение женщин в культурную и политическую жизнь страны. В первой половине 1930-х годов эта тенденция продолжается. Яркий пример «Богатая невеста» 1934 года. В фильме Ивана Пырьева главная героиня – добрая и веселая колхозница. У главной героини – Маринки нет особых выделяющихся черт, кроме доброты, честности и трудолюбия. Маринка образцовая колхозница, что очень важно для данного периода. Данная тенденция так же ярко показана в фильме «Любовь Алены» 1934 года [17]. Главная героиня Алёна Дзюбина переехала в город на строительство завода. Фильм рассказывает, о том, как главная героиня противостояла неудачам, и в итоге стала активисткой и образцовым работником. Еще одним примером данной тенденции является фильм «Крестьяне» 1934 года, о котором уже говорилось выше. Главная героиня в фильме «Крестьяне» колхозница активистка. Все это говорит о том, что образ женщины работницы и колхозницы ключевой в первой половине 1930-х годов.

Новые черты в женском образе появляются в середине 1930-х годов. Отчетливо различимы они в фильме «Лавры мисс Эллен Грэй» 1935 года. Главная героиня Таня – лучший спортсмен и производственник завода. Таня мечтает о славе и хочет побить рекорд американской спортсменки Эллен Грэй. Однако Таня беременна и ждет ребенка. Беременность может помешать ее спортивным планам, и Таня делает аборт. Муж и друзья пытаются убедить Таню, что рекорд ради рекорда могут иметь место только в буржуазном обществе, а советской женщине положено рожать детей. На соревнованиях Таня проигрывает, и муж помогает ей вернуться в семью. Таня понимает, что совершила ошибку и хочет рожать детей. Основной посыл фильма в том, что женщина это мать, обязанность которой рожать детей. Данная тенденция так же прослеживается в фильме «Случайная встреча» 1936 года [28]. По сюжету главная героиня – ударница производства Ирина, знакомится с инструктором по физической подготовке Гришей. Гриша увидел у девушки выдающиеся способности спортсменки и начал готовить ее к всесоюзным соревнованиям. В тоже время отношения Гриши и Иры переросли в любовь. Молодая пара жениться вскоре и Ира забеременела. Однако Грише не нравится, что Ира забеременела, так как вся их работа по подготовке к соревнованиям оказалась бессмысленной. Тогда главная героиня уходит от Гриши вместе с ребенком и воспитывает его одна. Ире помо-

гает коллектив комбината, на котором она работает. Фильм заканчивается тем, что ира побеждает на соревнованиях в Москве. Так же как и в фильме «Лавры мисс Эллен Грэй» основной посыл в том, что женщина должна рожать ребенка. Стоит отметить, что так же сохраняются черты труженицы и ударницы производства. С середины 1930-х годов женщина теперь не просто производственник и колхозник, но и мать, обязанность которой рожать детей. Это напрямую связано с политикой советского государства направленной на увеличение рождаемости населения. В 1936 году был принят закон о запрете аборт, увеличение алиментов и пр [21]. Этот закон рассматривается как активный шаг государства в сторону укрепления семьи [18].

Таким образом, мы можем четко проследить как меняется образ главной героини под влиянием изменяющейся идеологической линии. Если в 1920-х ключевой женский образ – образ независимой и сильной женщины, и семья это препятствия на пути к независимости, то в 1930-е семья и брак становятся основной ценностью для образов главных героинь.

Оборонная тема не обошла стороной и тему женских образов. Фильм «Партийный билет» 1936 года добавляет новые детали в образ женщины. По сюжету главная героиня Анна Куликова, ударница завода, влюбляется в Павла Куганова сибиряка ударника. Куганов трудолюбив и сообразителен, он передовик производства, однако в конце выясняется, что Куганов шпион и предатель. Фильм показывает, что советская женщина не только должна быть образцовой работницей, но и должна быть бдительной. Куганов – враг народа, и таких врагов еще очень много, а значит, что советская женщина должна служить для в выявлении этих врагов народа.

К концу 1930-х гг. сохраняются основные тенденции развития образов главных героинь. В конце 1930-х ключевыми образами являются образы ударников производства и колхозниц.

В фильме «Волга-Волга» 1938 года Григория Александрова четко прослеживается главная женская роль. Стрелка в исполнении Любови Орловой олицетворяет собой образ новой советской женщины. С самых первых минут раскрываются основные качества Стрелки. Она простая, веселая, жизнерадостная, добродушная и талантливая. Более того, она активна и всегда стремится чем-нибудь себя занять. Наиболее наглядно образ стрелки раскрывается, когда она доказывает главному антигерою – директору производства музыкальных инструментов, что у них на производстве есть много талантов и что они обязательно должны поехать на смотр художественной самодеятельности. Здесь главная героиня твердо стоит на своем и не собирается отступать вопреки всему. Таким образом, образ главной героини еще и дополняется таким качеством как неуступчивость и уверенность в своих силах. Очень интересен также следующий момент – Стрелка едет на конкурс самодеятельности и вместе со своим коллективом создает авторские песни и авторскую музыку. Именно песня Стрелки в конце становится всеми любимой и именно за авторский текст и мотив Стрелка побеждает на конкурсе самодеятельности. Таким образом советская женщина еще и талантлива. Важно отметить, что перед самим жюри конкурса Стрелка ведет себя скромно и не выдает, что это именно она автор всеми любимой песни. На протяжении всего фильма этот образ только подкрепляется конкретными примерами.

В фильме Ивана Пырьева «Свинарка и пастух» также четко прослеживается главная женская роль. Главная героиня – свинарка Глаша. С самого начала фильма Глаша представляется зрителю как рассудительная и целенаправленная девушка. Глаша едет в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. По наказу бабушки Глаша старательно изучает опыт свиноводов. То есть Глаша предстает как особа, тянущаяся к новым знаниям. Ко всему прочему главная героиня так же сочетает в себе и такие черты как жизнерадостность, веселость, трудолюбие, и неуступчивость. После возвращения в свой колхоз главная героиня начинает активно использовать полученные знания, чтобы построить новый свинарник, и активно ухаживает за свиньями новыми методиками. Это не нравится другим членам колхоза.

Более того изначально в идеи Глаши просто не верят, и главная героиня своим трудом доказывает правоту прогрессивных идей. Таким образом, как и Стрелка Глаша целенаправленная и неуступчивая девушка. Важно также, что Глаша изобретает кормилку для поросят. Глаша также показана как талантливая личность.

Из всего вышесказанного можно сделать следующий вывод - в фильмах 1930-х годов наблюдаются общие черты главных героинь. Образ новой советской женщины это образ смелой, доброй, веселой, жизнерадостной, простой, целеустремленной, талантливой, неуступчивой и доброй девушки. В тоже время можно проследить и развитие этого образа в 1920-х на первый план выходит эмансипация женщины и ее отделение от традиционной семьи. В 1930-е годы из-за идеологической эволюции происходит и изменение образа главных героинь в советском кинематографе. Теперь женщина – это мать. Теперь женщина должна стремиться к традиционной семье, и рожать детей. Кроме этого в середине 1930-х годов развивается образ женщины трудовика и передовика производства, а со второй половине 1930-х годов еще и часть системы обороны – защитник от врагов народа.

Образы главных героев в советских кинокартинах развивались на протяжении 1920-1930-х годов по мере изменения политической ситуации и конъюнктуры. В тоже время можно четко проследить и общие черты в образах мужчин и женщин в кинокартинах 1930-х годов. Образ мужчины эволюционировал из революционера 1920-е в инженера-передовика производства в 1930-е и в военного во второй половине 1930-х годов. Женский образ так же претерпел изменения в данный период. В 1920-е образ главной героини в кинофильмах это образ сильной и независимой женщины, способной своим трудом зарабатывать себе на жизнь. Семья для этого образа – обуза. С конца 1920-х годов ключевым женским образом становится образ активистки труда и колхозницы. В тоже время с середины 1930-х годов под влиянием советской политики меняется и женский образ. С середины 1930-х годов важнейшая черта в женском образе – роженица и мать. Женщина теперь должна рожать. В тоже время сохраняется ключевой образ передовицы производства и колхозницы. Во второй половине 1930-х годов под влиянием оборонной тематики женщина становится и защитником отечества. Во второй половине 1930-х годов и женские и мужские образы активнее развиваются, благодаря оборонной тематике в советских кинокартинах.

Библиографический список:

1. Александров Г.В. Эпоха и кино. – М.: Политиздат, 1983 - 328с.
2. Алферова И.В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма. - Брянск, 2011. – 352с.
3. Богатая невеста 1934. Режиссер Иван Пырьев. <https://www.youtube.com/watch?v=ywOzdTZDI34> (05.05.2019).
4. Бранденбергер Д. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931-1956). СПб., 2009. 416 с.
5. Веселые ребята 1934. Режиссер Григорий Александров <http://baskino.co/films/komedii/10639-veselye-rebyata.html> (12.12.2018).
6. Волга-Волга 1938. Режиссер Григорий Александров https://www.youtube.com/watch?v=IHjIL_0lpxo (12.12.2018).
7. Волкова Е.П. Приемы конструирования образа «Врага народа» в советской пропаганде (по материалам центральной партийной печати конца 1920-х – первой половины 1930-х гг.) //История отечественных СМИ. №1. – М., 2013. – с 28-43.
8. Долинский И.Л. Советская кинокомедия тридцатых годов. – М., 1961. – 45с.
9. Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930-1950-е гг.) – Брянск: Издательство Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, 2005. – 800с.
10. Зоркая Н.М. История советского кино. – СПб., 2005. – 544с.
11. Ильзаров Б.С. Сталин, Иван Грозный и другие. – М., 2019. – 448 с.

12. Кларк, К. Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931-1941). – М., 2018. – 520с.
13. Крестьяне 1934 <https://www.youtube.com/watch?v=oyNmdVR1wtw> (20.06.2019).
14. Крупская Н.К. Женщина-работница. М.;Л., 1926.
15. Лавры мисс Эллен Грэй 1935. Режиссер Юрий Желябужский <http://videopleer.online/shop/79116/movies/lavry-miss-ehllen-grehj-1935> (05.05.2019).
16. Ложкина А.С. Формирование «образа врага»: Япония в советской пропаганде 1930- гг. // Государственное управление. Электронный вестник. №13. – М., 2007. – с.4.
17. Любовь Алены 1934 <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/3589/annot/> (21.06.2019).
18. Минаева О.Д. Журналы «работница» и «крестьянка» в решении «женского вопроса» в СССР в 1920-1930-е гг.: модель пропагандистского обеспечения социальных реформ. – М., 2015. – С.171.
19. Минаева О.Д. Приемы производственной пропаганды для женщин в годы индустриализации (по материалам журнала «Работница») // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. №4. – М., 2014. – с.148-161.
20. Минаева О.Д. Содержание и формы военной пропаганда в советской печати для женщин (1920-1930-е гг.) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. № 3. – М., 2013. с.6-21.
21. О запрещение абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении материальной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах. Постановление ЦК Исполкома и СНК СССР. – М., 1936.
22. Партийный билет 1936. Режиссер Иван Пырьев. <https://www.youtube.com/watch?v=2u49q44L9Zo> (05.05.2019).
23. Планы производства художественных фильмов. 1936 год. Постановление №39 Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК «О производстве и выпуске художественных кинокартин в 1936 г.»// РГАЛИ.Ф.2456. Оп. 4. Ед.хр. 15.
24. Планы производства художественных фильмов. 1936 год.Постановление №39 Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК «О производстве и выпуске художественных кинокартин в 1936 г.»// РГАЛИ.Ф.2456. Оп. 4. Ед.хр. 15.
25. Проект постановления «о государственном плане выпуска фильмов» и стенограмма совещания в комитете по делам искусство о реорганизации Кинематографии. 1938 год // РГАЛИ.Ф.2450. Оп.2. Ед.хр. 37.
26. Русский кинематограф 1920-х годов. <https://www.russkoekino.ru/books/history/history-0002.shtml> (05.05.2019)
27. Свинарка и пастух 1941. Режиссер Иван Пырьев. <https://www.youtube.com/watch?v=f-Vdt6CrHBQ> (17.12.2018).
28. Случайная встреча 1936 <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/9716/annot/> (22.06.2019).
29. Стенограмма совещания кинодраматургов и сценаристов у председателя комитета по делам Кинематографии от 27 марта 1938 года. // РГАЛИ. Ф.2450. Оп. 2 Ед.Хр. 27.
30. Стенограмма совещания по плану 3-й пятилетки кинематографии. 14 мая 1937 года. // РГАЛИ. Ф.2456. Оп.1. Ед.хр. 205.
31. Тематические заявки и сводки о сценарном отделе студии на 1938-1939 годы// РГАЛИ 2450, оп. 4,ед.хр. 20.
32. Трактористы 1939. Режиссер Иван Пырьев. <https://www.youtube.com/watch?v=GLaX93fa-XQ> (05.05.2019)
33. Цирк 1936. Режиссер Григорий Александров <https://www.youtube.com/watch?v=vDty7mJrFcw> (12.12.2018)
34. Цирк <https://www.youtube.com/watch?v=vDty7mJrFcw> (12.12.2018)
35. Эйзенштейн С.М. Мемуары. – Т. 1-2. – М., 1997. – 430с.,543с.

Сведения об авторе:

Козырянов Антон Викторович, магистрант факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского.

AntonKozyryanov@yandex.ru

Рецензии

УДК 94(430) "1933/1945"

С.В. Артамошин

РЕЦ. НА КН.: ХАВКИН Б.Л. РАСИЗМ И АНТИСЕМИТИЗМ В ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ. АНТИНАЦИСТСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ НЕМЕЦКИХ ЕВРЕЕВ. – М.: РГГУ, 2018. – 243 с.

Структура исследования представляет собой определенную постмодернистскую матрешку, в которой автор соединил публицистический подход и научный аспект в одном тексте. Книга состоит из 4 глав, которые условно можно свести к двум блокам. Первая глава, посвященная национал-социализму, представляет собой стремление автора сочетать публицистический и научный подходы в изложении материала. Автор старается охватить широкими мазками формирование и содержание расистских идей, повлиявших на оформление нацистского мировоззрения, развитие антисемитских идей и движений, а также историю нацистского движения в период Веймарской республики и нахождения его у власти. Стремление историка к обобщению обширного материала в сжатых рамках 90-страничной первой главы практически исключает углубленное, детальное рассмотрение проблемы и направлено на то, чтобы дать читателю представление об основных векторах антиеврейской политики в Германии.

Вторая глава представляет собой рассмотрение еврейского сопротивления в нацистском государстве посредством рассмотрения деятельности различных легальных и нелегальных организаций в нацистской Германии. Автор рассматривает эволюцию отношения еврейских организаций ветеранов войны к нацистской политике, а также изменения направленности самой политики нацизма в отношении данных категорий населения. Б.Л. Хавкин обращает внимание на политическую деятельность групп сопротивления Г. Баума и В. Шарфа, в акции, направленной против нацистской выставки «Советский рай».

Третья глава книги затрагивает практику действий евреев-террористов, направленную против нацистских деятелей. Автор останавливается на знаковых биографиях террористов Д. Франкфуртера, убившего в Швейцарии В. Густлоффа, Г. Гирша, пытавшегося совершить теракт в Нюрнберге и Г. Гриншпана, убившего Э. фон Рата, чья смерть стала поводом к Хрустальной ночи 1938 г. в Германии. Следует согласиться с автором в суждении о том, что «террористические акты, направленные против видных нацистов, были скорее исключением, чем правилом»(С.143). Террористические поступки данных людей, особенно последнего, влекли за собой ответные последствия, которые касались множества еврейских подданных, проживавших в рейхе. Здесь автор становится перед проблемой ответственности за совершенный убийства, отмечая, что эти действия предоставили нацистским властям удобный повод для ужесточения санкций в отношении немецких евреев и привели к многочисленным страданиям. Речь,

конечно, не идет о том, что существует причинно-следственная связь между одним и другим. Антисемитская политика нацистского правительства была государственной политикой. Действия же Г. Гриншпана развязывали руки нацистам в дискриминации евреев. Следует отметить, что Б.Л. Хавкин указывает на то, что мотивация террористов, которая высказывалась в историографии и публицистике, не всегда соответствовала реальным мотивам убийств. Так, убийство Д. Франкфуртером В. Густлоффа не было связано с политическими мотивами его деятельности, а представляло собой демонстративный акт, совершенный в доме Густлоффа в присутствии его жены. Автор отмечает тяжелое психическое и материальное состояние Д. Франкфуртера и осознанность им умышленного убийства, за которое он был осужден в Швейцарии на 18 лет (С.144-146). Такая же нюансировка касается и биографии Г. Гриншпана, которую автор старается рассмотреть комплексно. Он указывает на опущенные публицистами отдельные эпизоды биографии террориста, который представляется молодым юношей с неудачной судьбой, гомосексуалистом, который, возможно, был знаком с убитым Э. фон Рата, посещавшим один и тот же гомосексуалистский клуб в Париже. И здесь к официальному мотиву убийства как мести за депортацию евреев в Польшу, присоединяется мотив обиженного любовника, застрелившего своего партнера из-за неразделенных чувств. Следует указать, что Б.Л. Хавкин стремится к реконструкции и критике устоявшихся версий событий с учетом новейшей исследовательской литературы по проблеме. Это делает текст книги интересным и захватывающим.

Четвертая глава книги посвящена отдельным биографиям известных евреев, боровшихся против нацизма, либо отклонивших предложение о сотрудничестве и покинувших Германию. Автор обращается к изучению жизни и деятельности Ф. Габера, Р. Рёсслера, Р. Гернштадта, Р. Каудера. Причем акцент делается на разведывательной деятельности всех, кроме Ф. Габера. Б.Л. Хавкин приводит интересный материал об их деятельности, которая, по его мнению, носила характер сопротивления нацистскому режиму. Здесь следует отметить, что исследователь уравнивает шпионскую деятельность и акт сопротивления режиму, причем некоторые из приводимых героев вообще не были гражданами Германии. Отнесение Ф. Габера к антинацистскому сопротивлению, на наш взгляд, представляется спорным. Создатель боевых отравляющих газов, применяемых в годы Первой мировой войны, лауреат Нобелевской премии Ф. Габер был конформистом, которому напомнили о его еврейском происхождении только в годы нацизма. Не следует забывать, что он был включен в список военных преступников странами Антанты как создатель отравляющих веществ.

В этой связи встает вопрос, кого и что можно рассматривать как проявление антинацистского Сопротивления? Что доминировало в поступках людей: идеологические мотивы, или национальная принадлежность? Кого включать в антинацистское Сопротивление немецких евреев? Автор полагает, что участниками антинацистского еврейского Сопротивления были те, в ком текла еврейская кровь, вне зависимости от того, гражданами или подданными какого государства они являлись. Таким образом, в категорию немецких евреев включались евреи, которые никогда не были гражданами Германии. Нам представляется, что такой подход дает возможность для широкой трактовки. Тогда следует говорить о еврейском сопротивлении в целом, а не немецких евреев в частности.

Вторая проблема касается мотивов, которые определяли акты сопротивления нацистскому режиму и его критику. Можно ли трактовать коммунистическое сопротивление режиму как еврейское сопротивление? Нам представляется, что еврейское происхождение части членов группы Баума не может служить основанием для включения их в категорию еврейского сопротивления нацизму, так как они действовали исключительно как коммунисты, произведя дивер-

сию против выставки «Советский рай». Их национальность здесь не играла никакой роли. Это был акт коммунистического сопротивления, завершившегося гибелью всей группы.

Книга Б.Л. Хавкина ориентирована на массового читателя и стремление автора соединить научность и публицистичность мне представляется неоправданным. Сильные вторая, третья и четвертые главы, смазываются описательной публицистической первой главой, которая не свободна от отдельных публицистических эмоциональных проявлений. Бросается в глаза и то, что автор, рассматривая компоненты нацистской идеологии, мало ссылается на источники и нацистские тексты, в частности, книгу А. Гитлера, даже когда анализирует ее.

Заявляя о существовании антинацистского Сопротивления немецких евреев, Б.Л. Хавкин приводит лишь отдельные эпизоды, которые не позволяют говорить о движении Сопротивления. В историографии данный аспект не нашел должного отражения, что позволяет надеяться на то, что плодотворные усилия, приложенные Б.Л. Хавкиным в исследовании темы будут иметь продолжение

Сведения об авторе:

Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, e-mail: artamoshinsv@mail.ru

УДК 316.323.2.

А.А. Чубур

РЕЦ. НА: СКИРДА В.В., ШРАМКО Б.А. ІСТОРІЯ ПЕРВІСНОГО СУСПІЛЬСТВА: ПІДРУЧНИК. - ХАРЬКІВ: ХАРЬКІВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ ІМЕНІ В.Н. КАРАЗИНА, 2018. – 172 с., (НА УКРАЇНСЬКОМУ МОВІ)

В 2018 году вышел из типографии издательства Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина новый учебник «История первобытного общества», рукопись которого мне довелось перед тем читать и рецензировать (часть моих замечаний и пожеланий была учтена при подготовке к печати). Экземпляр издания был передан мне в дар с добрыми пожеланиями одним из его авторов, преподавателем ХНУ Валерием Владимировичем Скирда, которому я выражаю глубокую благодарность и почтение. Новые учебники по истории первобытного общества вообще явление нечастое [1; 2; 3; 4] (сравнительный критический анализ существующего ныне в российской высшей школе учебников и пособий этой группы – тема отдельной публикации, хотя в целом создается стойкое и объективное впечатление, что ничего качественней и глубже работы принимавшего меня в аспирантуру и скончавшегося еще в 1991 г. академика В.П. Алексеева не создано в России до сих пор). Потому мне представляется, что данная книга достойна того, чтобы о ней знали и составили представление российские коллеги – педагоги, историки, археологи, в связи с чем и была написана настоящая рецензия.

Авторами являются известные украинские археологи: доктор исторических наук, профессор Борис Андреевич Шрамко (1921-2012) специализировавшийся в области бронзового и раннего железного веков и кандидат исторических наук, доцент Валерий Владимирович Скирда, специалист по памятникам I тыс.н.э., известный также как историк археологии, историограф. Некоторые шероховатости и терминологические архаизмы, встречающиеся в тексте, возможно, объясняются именно стараниями как можно меньше подвергать правке и редактированию материал, написанный покинувшим нас Борисом Андреевичем. Заметим, что первая его авторская версия учебника по истории первобытного общества увидела свет в 1972 году [5].

Изданная книга давно назрела и, на мой взгляд, отличается от учебников и пособий, изданных ранее, более современными сведениями по антропогенезу, тщательно проработанной историографической компонентой. Нельзя не отметить, что во многих случаях авторы опираются на археологические материалы, полученные непосредственно на территории Украины, что является, на взгляд рецензента, позитивной стороной представленной работы, ориентированной в первую очередь на украинских студентов. При этом создатели учебника смогли избежать крайностей в этом плане, разумно сочетая обширные археологические и антропологические сведения с территории своей страны и с данными, полученными в других частях света и государствах. Стиль изложения доступный, но научно выверенный.

Учебник написан на литературном украинском языке – государственном языке Украины. В свете пылающих в настоящее время далёких от науки и образования лингвополитических дискуссий, замечу что, по моему мнению, знание государственного языка своей страны – бесспорная обязанность гражданина, независимо от его этнической принадлежности, а потому я с порога отмечаю возможные языковые инсинуации и досужие рассуждения о национализме.

Применяемая авторами терминология является в основном общепринятой (кроме некоторых научных архаизмах вроде «питекантропа», на которых я отдельно остановлюсь) и в необходимых случаях разъясняется как в самом тексте, так и в терминологическом словаре-гlossарии в конце учебника. Видно, что глоссарий тщательно подобран, определения даны вычлненные, достоверные и при этом краткие, не перерастающие в энциклопедические статьи.

Что касается иллюстративного ряда – то его мы будем так или иначе касаться, рассматривая разделы учебника. Можно выразить сожаление, что в иллюстративном ряду полностью отсутствует картографический материал. Это могли бы быть карта границ плейстоценовых оледенений, карта инициального расселения человечества, карта распространения характерных хозяйственно-культурных типов.

Учебник состоит из введения, четырех разделов основного текста, разбитых для удобства восприятия на подразделы, терминологического словаря и списка рекомендуемой литературы. Текст охватывает историю общества от появления пралюдей до начала становления первых государств. Содержание актуально и в основном соответствует современным достижениям науки.

Во введении учебника определяются собственно предмет первобытного общества и его хронологические рамки и периодизация. Большая часть эпохи первобытного общества приходится на период, именуемый антропогеном, плейстоценом (включая эоплейстоцен) или же ледниковым периодом, что неоднократно подчеркивается авторами. В этой связи следует отметить, что нечасто встретишь даже в современных учебниках по археологии и истории первобытного общества указание на уточненные геологами и палеогеографами границы Рисского (Днепровского) оледенения: ранее приписывавшийся ему «донской язык», оказавшийся относящимся к гляциалу Гюнц, здесь не упоминается и речь ведется только о продвижении льдов на средний Днепр (с.7), что соответствует самым современным знаниям о природном процессе в плейстоцене.

В предлагаемую авторами хронологическую схему первобытной эпохи (с.8), к сожалению, не вошел финальный палеолит, лежащий между мадленской эпохой верхнего палеолита и собственно мезолитом. Между тем, целый ряд археологических культур, представлявших ранее мезолитическими (красносельская, рессетинская, иеневская-песочноровская и др.) в настоящее время уверенно отнесены к концу ледниковой эпохи (похолодания Дриас I–III, потепления Бёллинг, Аллерёд). Началом же мезолита традиционно принято считать начало голоцена и, соответственно, пребореальную эпоху. Промежуточные положения между мадленом и мезолитом занимают во времени также аренсбургская и свидерская культуры. Возможно, это тонкости, которые усложняют привычную, устоявшуюся в XX столетии хронологию, однако в последнее время эпохе финального палеолита, как самостоятельному этапу истории человечества, уделяется все больше внимания, например, в работах таких крупных специалистов по каменному веку Восточной Европы, как Л.Л. Зализняк (Институт археологии НАН Украины, Киев), А.Н. Сорокин (Институт археологии РАН, Москва), ряда германских, белорусских и польских исследователей [6; 7].

Первый раздел учебника посвящен историографии и источниковедению изучаемой дисциплины. Авторы разъясняют читателям особенности и значение археологических, этнографических (включая и фольклорные), лингвистических, антропологических источников, подчеркивая при этом характерную особенность истории первобытного общества: отсутствие письменных источников, за исключением текстов, созданных представителями цивилизаций Древнего мира, описывавших соседние племена, находившиеся еще в первобытном состоянии (об этих текстах речь идет в начале историографической части раздела).

В тексте, посвященном мумифицированным трупам древних людей, как уникальным антропологическим источникам (с.15), наряду с традиционно перечисляемыми Толундским человеком (заметим, что на деле мумий «болотных людей» раннего железного века известно куда больше) и сохранившимися в вечной мерзлоте мумиями из Алтайских курганов, упомянута и сделанная в 1991 г. в Тирольских Альпах уникальная по степени сохранности и сопровождающему инвентарю находка Эцти – трупа человека эпохи халколита (около 5300 л.н.).

Все привыкли к ставшей классикой антропологической иллюстрации советских, да и более поздних учебных пособий по истории первобытного общества – «неандертальский мальчик из пещеры Тешик-Таш». В рецензируемом издании вы его не найдёте, и не случайно: авторы, описывая антропологические источники, доносят до учащихся результаты генетического исследования бедренной кости этого ребенка, проведенного Сванте Паэбо с группой коллег из Института эволюционной антропологии имени Макса Планка в Лейпциге в 2007 г. (с.16). Оказалось, что кости принадлежат женской особи – девочке, а не мальчику. Это не отменяет качества пластической реконструкции лица ребёнка, сделанной профессором М.М. Герасимовым, но в силу известных причин (первичных и вторичных половых признаков), привычная публикация изображения всей фигуры стала неактуальной. Увы, на с.58 речь вновь идет о «мальчике-неандертальце»...

Ведя речь о лингвистических источниках, авторы демонстрируют яркий и запоминающийся пример ираноязычного скифского происхождения названий крупнейших рек юга Восточной Европы от форманты «дан» – «река»: Дон, Дан-Апр (Днепр), Дан-Астр (Днестр) Дан-Увий (Дунай) (с.16).

Историографическая часть грамотно и четко структурирована, при этом написана увлекательно и содержит значительный объем информации (хотя, на скромный взгляд рецензента, слегка переполнена марксистскими трактовками первобытного общества и антропогенеза). Учащиеся могут не только кратко ознакомиться с научными концепциями и основными школами (эволюционизм, функционализм, диффузионизм, структурализм) и направлениями исследований, но и – на вклейке с иллюстрациями – увидеть портреты ведущих исследователей XIX-XX столетий – эволюционистов, этнографов, археологов – от Чарльза Роберта Дарвина до Валерия Павловича Алексеева (Рис.1-12). Такой элемент, безусловно, оживляет и «очеловечивает» восприятие, что способствует лучшему закреплению знаний. Особое внимание уделено вкладу в изучение первобытного общества российских и украинских ученых XX века – Г.А. Бонч-Осмоловского, П.П. Ефименко, М.М. Герасимова, В.Ф. Поршнева, С.А. Токарева, С.А. Семенова, В.И. Вернадского, В.П. Алексеева.

Упомянутое в числе открытий и достижений украинской археологии и истории первобытного общества в XX столетии так называемое «жилище» неандертальцев со стоянки Молодово 1 на Днестре до сих пор не имеет однозначной оценки среди специалистов. М.В. Аникевич и Н.К.Анисюткин (Институт истории материальной культуры РАН) подвергли гипотезу исследовавшего Молодово 1 А.П. Черныша серьезной и весьма аргументированной критике, обоснованно предлагая трактовать примитивные мустьерские конструкции из костей мамонта как ветровые заслоны, а не как фундамент костно-земляного жилища, являющегося прообразом Межиричских, Мезинских, Гонцовских и Добраничевских «домов» верхнего палеолита [8; 9]. И хотя в тексте есть указания на дискуссионность взглядов А.П. Черныша (с.40), его реконструкция «жилища» днестровских неандертальцев присутствует в иллюстративном ряду (Рис.17) и в тексте второго раздела (с.62), где наличие костно-земляного жилища в Молодово 1 подается как установленный факт.

Второй раздел посвящен возникновению первобытного общества. Важнейшей темой этого раздела, имеющей не просто научный, но и мировоззренческий аспект является антропоге-

нез. Авторы справедливо уделили этому вопросу существенное внимание, закономерно и категорически отвергая антинаучные креационистские воззрения, ставшие неоправданно популярными в результате массивной клерикализации и заметной интеллектуальной деградации социума в странах, возникших на месте распавшегося СССР.

Не удалось избежать в данном разделе отдельных пробелов и неточностей. Так, при описании древнейшей олдувайской (а правильнее все же олдованской) культуры и ареала ее распространения, в учебнике, увы, не нашлось места стратифицированным находкам олдувайских изделий в сопровождении остатков фауны, датируемых периодом 1,7-2 млн. лет назад, найденными член-корреспондентом РАН Х.А. Амирхановым на нескольких многослойных стоянках в Горном Дагестане [10], а также группе стоянок архантропов, охотников на южных слонов и эласмотериев на Тамани, выявленной В.Е. Щелинским (ИИМК РАН) [11]. Между тем, есть сведения и о находках олдувайских изделий в лежащих примерно в тех же широтах южных регионах Украины.

Здесь бы самое место было повторно упомянуть «гоминидную триаду» В.П. Алексеева, чтобы четко разделить для учащихся человекообразных обезьян и собственно гоминид, людей: 1) прямохождение; 2) руки, свободные от функций передвижения, с кистью, приспособленной к тонкому манипулированию (противопоставленный остальным большой палец); 3) крупный, сложный, высокоразвитый головной мозг. Эти признаки были уже упомянуты в историографическом разделе (с.17-18), но, как говорится «повторение – мать учения».

Некоторая путаница возникла у авторов с имеющимися в систематике гоминид многочисленными синонимами и устаревшими видовыми названиями. Человек прямоходящий (*Homo erectus*) неоднократно получал при находках в разных местностях наименования «питекантроп», «синантроп» и т.д., в настоящее время исключенные из систематики, но настойчиво гуляющие по страницам гуманитарных учебных пособий и учебников. Ошибочно отнесены к гейдельбергскому человеку (поздней прогрессивной европейской форме *Homo erectus*) антропологические находки академика Д. Лордкипанидзе в Дманиси (Грузия), относящиеся, напротив, к ранним формам прямоходящего человека, а может быть даже к его предшественнику *Homo ergaster* (человек работающий), о чем говорит и датировка останков, близкая к 2 миллионам лет.

Приведенное в учебнике эволюционное древо гоминид (Рис.15) хорошо отражает современные представления о ходе антропогенеза, за исключением одного нюанса: у неандертальца и человека разумного нет прямого общего предка: неандерталец является потомком европейской популяции *Homo heidelbergensis*, тогда как *Homo sapiens* происходит от африканской прогрессивной формы *Homo erectus* и приходит в Евразию уже состоявшимся новым видом. Приведенную схему хорошо дополняют реконструкции облика и рисунки характерных орудий различных видов гоминид. Следуя за новейшими открытиями антропологов, не упускают авторы учебника и упоминания о дискуссии о судьбах поздних азиатских эректусов, одними из потомков которых стали «хоббиты» с острова Флорес. А вот линейка из физиономий австралопитека, питекантропа и синантропа, неандертальца и кроманьонца в приведенном виде (Рис.19) представляется совершенно излишней: две формы (питекантроп и синантроп) являются подвидами одного биологического вида, причем тупиковыми ветвями, неандерталец также не входит в показанную цепочку, являясь разумным видом не предковым, как писали в учебниках еще 20-30 лет назад, а параллельно существовавшим и даже изредка скрещивавшимся с сапиенсами. Сам антропогенез – процесс далеко не линейный, это сильно ветвящееся эволюционное древо с массой тупиковых направлений, а не заполнявший советские учебники строй марширующих друг за другом выпрямляющихся приматов.

В.В.Скирда здраво отказался от детального изложения альтернативной гипотезы «внетропической прародины человечества», хотя о существовании такого направления научной мысли все же упоминает (с.57). Действительно, гипотеза Ю.А.Мочанова, с которым мне довелось общаться – трудолюбивого и талантливое якутского археолога, отца известного украинского автогонщика – оказалась основанной на некритическом подходе к результатам раскопок и ошибочных датировках открытого им местонахождения Дириг-Юрх временем в 2 миллиона лет [12]. Специалисты-геологи и палеогеографы (в том числе также лично мне знакомый С.М.Цейтлин), независимо изучавшие Дириг, пришли к однозначному выводу: местонахождение не может датироваться временем более 360 тыс. л.н., а скорее всего – оно намного моложе и этой даты, и, соответственно, никаких оснований для рассуждений о Сибирской прароднине человечества не даёт [13]. На мой взгляд, внетропическую гипотезу стоило (да и стоило ли вообще?) упомянуть исключительно в историографическом разделе, как одно из изживших себя научных заблуждений, увы, породивших взрыв лженаучных фантазий неспециалистов о мифической «Гиперборее».

Часть раздела, посвященная неандертальцам, разносторонне освещает биологические и культурные особенности этого вида людей. Наверное, не стоило на Рис.16 все приведенные предметы мустьерской индустрии именовать орудиями – ведь, например, нуклеусы таковыми не являются в принципе. Термин «каменные изделия» («кам`яні вироби») подошел бы в данном случае куда лучше.

Чересчур много внимания (с.64-65) уделено тому, само существование чего пока не является (и вряд ли, как мне представляется, будет) убедительно доказанным: неандертальскому искусству. На мой взгляд, то, что мы называем искусством – музыкальным, изобразительным – для неандертальцев было чуждо, и вовсе не из-за их неразвитости («неразвитые» неандертальцы смогли освоить, к примеру, сложный процесс холодной возгонки березового дёгтя для получения прочного клея, которым приклеивали наконечники к древкам копий), а из-за иного восприятия мира и системы мышления. Как сказал мой коллега и друг, археолог и палеотехнолог Игорь Горашук, «Мне кажется, что общаться с неандертальцем было бы жутко, поскольку это существа, имевшие иную логику мышления, что хорошо видно, к примеру, по их системе раскалывания камня, лежащей в иной плоскости, чем кремнеобработка кроманьонцев» (личное сообщение, 2017 г.). В дилемме «физиков и лириков» неандертальцы по каким-то причинам (может быть из-за необходимости выживать в жестких природных условиях), похоже, избрали первый путь. Предполагаемая «неандертальская флейта», оказалась трубчатой костью, пробитой зубами хищника, и даже находка на стоянке Пронятин близ Тернополя фрагмента кости с напоминающими зооморфное изображение нарезками [14] может не принадлежать неандертальцам, в чем я сошлюсь на авторитетную позицию петербургского палеолитоведа Л.Б. Вишняцкого [15].

Наконец, рассматривая версии вымирания неандертальцев (предполагаемые некоторыми специалистами повышенная агрессивность, слабые абстрактное мышление и долговременная память, возможные кровавые конфликты между своими общинами, а также с пришлыми сапиенсами) авторы не упоминают такие популярные ныне гипотезы, как разрывы ареала вида в результате вулканической катастрофы на Флегрейских полях [16] и генетически обусловленная низкая плодовитость [17]

В заключительной части второго раздела речь идет о древнейшей форме человеческого общества – первобытном стаде, и о возможных путях трансформации человеческого стада в родовую общину, вероятно характерную уже для неандертальцев.

Третий раздел – «Расцвет первобытного общества» – посвящен верхнепалеолитической и мезолитической эпохам. В самом его начале (с.87) имеется противоречивое утверждение о

том, что формирование человека современного типа завершается около 40 тысяч лет назад. В-первых, биологическая эволюция человека на этом не завершилась, и происходит поныне, а во-вторых биологический вид *Homo sapiens* на территории Африки возникает существенно раньше, около 200.000 л.н., о чем в учебнике написано буквально в следующем абзаце. Необходимо было попросту пояснить, что условное начало позднего палеолита в Европе относится к периоду более 40 тысяч лет назад (хотя при этом наиболее поздние мустьерские памятники датируются временем около 30.000 лет, что говорит о возможности сосуществовании последних неандертальцев и кроманьонцев в некоторых регионах Восточной Европы). Это начало верхнего палеолита не совпадает со временем появления человека современного типа как биологического вида, но вполне совпадает с временем прихода этих новых людей из Африки и с Ближнего Востока в Европу. А 30.000 лет назад – это уже время бытования множества верхнепалеолитических культур и трех основных технокомплексов верхнего палеолита.

В третьем разделе дается всесторонняя, но достаточно сжатая характеристика особенностей раннеродовой общины, быта, технологий обработки камня и кости, охоты и собирательства рассматриваются проблема образования рас и. Особое внимание уделено возможным путям формирования института семьи (части 1-3). Четвертая часть посвящена мезолитической эпохе. Здесь не совсем верным является утверждение о том, что микролитическая техника – это черта мезолита (с.105). Техника эта появляется еще в начале средней поры позднего палеолита (около 30.000 л.н., тогда же или чуть позднее, вероятно, появляются также лук и стрелы – ведь первые геометрические микролиты это именно наконечники стрел), развивается в финальном палеолите, и потому в мезолите это уже традиционная часть каменной индустрии множества культур. Плетение также не является исключительно мезолитическим изобретением – все те же 28-30 тыс. лет назад плетеные из растительных волокон изделия уже применялись на стоянках охотников на мамонта с традициями восточного граветта.

Части 5 и 6 раздела 3 целиком посвящаются «духовному миру первобытности» - становлению и эволюции первобытного искусства каменного века, накоплению рациональных знаний в этот период, а также формированию религиозных воззрений. При этом широко применяется сравнительно-этнографический метод. Даны развернутые характеристики тотемизма, анимизма, фетишизма и магии. Наконец седьмая часть касается особенностей развитой родовой общины в обществах с производящим хозяйством – земледельцев и скотоводов. В это время наиболее массовым материалом становится керамика. Авторы справедливо упоминают, что керамика, как материал, была изобретена еще в эпоху позднего палеолита, но использовалась преимущественно для создания произведений искусства (например, терракотовых фигурок животных и женщин со стоянок Павлов и Дольни Вестонице в Чехии), но для изготовления посуды – то есть массовых бытовых предметов – ранее не применялась (с.129).

Очень короткий четвертый раздел учебника рассказывает о периоде распада родового строя – финальном этапе истории первобытного общества, связанном с бронзовым и ранним железным веками.

В список рекомендованной литературы вошли как старые, но не утратившие в основном, научного значения издания, ставшие уже научной классикой (например, монографии В.П. Алексеева «Становление человечества», Э. Тэйлора «Первобытная культура», А.П. Окладникова «Утро искусства», трехтомник «История первобытного общества», выпущенный в 1980-х гг. АН СССР), так и новейшие издания, отражающие более современные взгляды на антропогенез и историю первобытного общества. Среди них «Encyclopedia of Human Evolution and Prehistory» под редакцией Эрика Делсона (New York & London, 2000), работы замечательных российских популяризаторов знаний об эволюционизме и антропогенезе и исследователей – А.В. Маркова, А.А. Зубова, Л.Б. Вишняцкого, редакторов портала «Антропогенез» А.Б. Соко-

лова и С.В. Дробышевского. Кстати, научно-просветительский портал «Антропогенез» (antropogenez.ru) вполне мог бы быть достоин рекомендации студентам наравне с «бумажными» изданиями. Библиография не избежала и некоторых мелких огрехов (скорее чисто технических) – так, оказалась искажена фамилия автора знаменитого «Большого иллюстрированного атласа первобытного человека» (Прага, 1982) Яна Елинека [18].

Учебник, на взгляд рецензента, несмотря на незначительные замечания и шероховатости, в целом отвечает программным требованиям и современному состоянию научной мысли в рассматриваемой области и может быть рекомендован для использования в учебном процессе. Книга может быть использована в высших учебных заведениях Украины. Также она способна служить хорошим подспорьем для знающих украинский язык преподавателей и студентов из других государств, включая и Россию. Учебник может эффективно использоваться для самостоятельной работы студентов по закреплению и расширению знаний, полученных во время лекционного курса «История первобытного общества». Книга будет полезна и при изучении курсов «Археология» и «Антропология» на исторических факультетах высших учебных заведений. Закрепить знания помогают продуманные и методически грамотные контрольные вопросы в конце каждой главы. Издание может представлять интерес и для более широкого круга людей, живо интересующихся проблемами антропогенеза и древнейшей историей человечества.

Библиографический список

1. Алексеев В. П., Першиц А. И. История первобытного общества: Учеб. для вузов по спец. «История». - Изд. 3-е. – М.: Высшая школа, 1990. – 352 с.
2. Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. Учеб. по спец. «История». 5-е издание, М.: «Высшая школа», 2001. – 318 с.
3. Бродянский Д.Л. История первобытного общества. – Владивосток: Дальневосточный университет, 2003. – 108 с.
4. Данилова В.Ю. История первобытного общества: учеб. пособие. – Владимир: Владимирский государственный университет им.А.Г.и Н.Г.Столетовых, 2014. –75с.
5. Шрамко Б. А. История первобытного общества: Учебное пособие для вузов. — Харьков: Харьковский государственный университет, 1972 . — 199 с.
6. Зализняк Л.Л. Фінальний палеоліт Північного-Заходу Східної Європи. – К.: ИА НАНУ, 1999. – 284 с.
7. Сорокин А.Н., Ошибкина С.В., Трусков А.В. На переломе эпох. - М: Гриф и К, 2009. – 388 с.
8. Аниюткин Н.К. Проблема мустьерских жилищ с использованием многочисленных костей мамонта // Археологические Вести, №9, СПб, 2002. С. 11-23.
9. Аникович М.В., Аниюткин Н.К. Человек и мамонт в палеолите Восточной Европы // Первое международное мамонтовое совещание. Тезисы докладов. СПб. 1995. С. 597.
10. Амирханов Х.А. Северный Кавказ: начало преистории. – М.: «Мавраев», 2016. – 344 с.
11. Щелинский В.Е., Додонов А.Е., Байгушева В.С., Кулаков С.А., Симакова А.Н., Тесаков А.С., Титов В.В. Раннепалеолитические памятники Таманского полуострова (Южное Приазовье) // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. Ред. С.А. Васильев, В.Е. Щелинский. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. С.11-46.
12. Мочанов Ю.А. Древнейший палеолит Диринга и проблема внетропической прародины человека/ – Новосибирск, Наука, 1992. – 254 с.
13. Ранов В. А., Цейтлин С. М. Палеолитическая стоянка Диринг глазами геолога и археолога // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. № 60. 1991. С. 79-88.
14. Ситник О.С. Середній палеоліт Поділля. – Львів: Інститут українознавства НАНУ, 2000. – 372 с.

15. Вишняцкий Л.Б. Неандертальцы. История несостоявшегося человечества. – СПб: Нестор-История, 2010. – 312 с.
16. Голованова Л.В., Дороничев В.Б. Время и причины замещения неандертальцев ранними современными людьми в Западной Евразии // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928-2009) / Отв. ред. И.С.Каменецкий, А.Н.Сорокин. – М: Гриф и К, 2010. С.78-112
17. Паэбо С. Неандерталец. В поисках исчезнувших геномов. – М.: CORPUS, 2018. – 416 с.
18. Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. – Прага: Артия, 1982. – 560 с.

Сведения об авторе:

Чубур Артур Артурович – кандидат исторических наук, проф. РАЕ, доц. каф. Отечественной истории, директор научно-исследовательского Центра комплексного изучения Среднедеснинского региона, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского. fennecfox66@gmail.com

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.

Начало издания: декабрь 2016 г.

Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.

Знак информационной продукции 16+

Сетевое издание будет представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Сайт сетевого издания: <http://www.clio-brgu.ru> поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

- 07 – исторические науки и археология;
- 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. *Статьи публикуются на некоммерческой основе.*

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

• Контакты

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru
Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201

Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45

Адрес в сети Интернет: www.clio-brgu.ru